

РАМЗ БАБАДЖАН

Избранное

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

**ПЕРЕВОД
С УЗБЕКСКОГО**

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

1976

С(Узб)2

Б12

Вступительная статья

А. СУРКОВА

Оформление художника

Н. КРЫЛОВА

Б- $\frac{70403-361}{028(01)-76}$ 111-76

О ВРЕМЕНИ И ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

...душа раскрывается юно,
Точно ливнем я на поле льюсь.
И чем больше другим отдаю я,
Тем богаче я сам становлюсь.

Рамаз Бабаджан

Поэзия советского Узбекистана богата и разнообразна. Ее зачинатели Хамза, Айбек, Гафур Гулям, Хамид Алимджан, достойно продолжив традиции своих великих предшественников — Алишера Навои, Мукими и Фурката, и в лирике, и в эпических произведениях, каждый по-своему, сказали новое слово о новой жизни родного народа под солнцем социализма, взошедшим над нашей многонациональной родиной в незабываемый день 25 октября 1917 года.

Автор предлагаемой вниманию читателя книги Рамаз Бабаджан, войдя в поэзию позже поэтов этой замечательной плеяды, «по складу души, по самой строчечной сути», как равный среди равных, входит в их круг, многим обязанный их творческому опыту в своем становлении оригинального поэта-лирика.

Первой, ранней заявкой на право разговаривать с читателем стихами была публикация в 1935 году в газете «Ленин учкуни» («Ленинская искра») стихотворения «Моя радость», автору которого к тому времени исполнилось четырнадцать лет.

А в 1939 году выходит его первая книга «Стихи», отмеченная благожелательной рецензией рано ушедшего из жизни талантливейшего лирика Хамида Алим-

джана, который оказал немалое влияние на формирование лирического таланта молодого поэта.

Говоря о своем пути в поэзию, Рамз Бабаджан вспоминает об участии в большой поэтической «мушаире», на которой он, поощренный председательствующим Гафуром Гулямом, одержал большой и окрыляющий успех в аудитории.

Эта «мушаира» во многом определила будущее Бабаджана как профессионального поэта.

Дело в том, что отец поэта Насриддин Бабаджанов, старый, закаленный в боях гражданской войны большевик, хотел, чтобы его сын стал или врачом или, в крайнем случае, учителем. И вот, побывав на «мушаире», став свидетелем успеха Рамза в большой аудитории, отец поэта признал справедливым желание сына стать поэтом.

Вчитываясь в произведения Рамза Бабаджана, свидетельствующие о цельности и неизменности его мироощущения, находишь источник этого его достоинства в том, что родился и вырос он в семье, тесно и навсегда связанной жизнью старших своих представителей с Октябрьской новью, чудотворно преобразившей весь уклад жизни народа Узбекистана и других народов Советского Союза.

Дед поэта Ачил-ата, мастер-строитель, испытавший все горести и превратности бесправной жизни труженика при царизме, в 1917 году, еще до Октябрьской революции, становится большевиком, участвует вместе с сыном Насриддином в борьбе за установление советской власти в Узбекистане, а после установления новой власти работает многие годы председателем исполкома старого Ташкента, пользуясь неизменным доверием и уважением своих избирателей.

В память юного Рамза навсегда запали рассказы деда о том, как он, будучи делегатом Всероссийской конференции РКП(б), был в Москве, слушал выступле-

ние Владимира Ильича Ленина, участвовал в его беседе с делегатами Советского Востока.

И дед и отец поэта — простые труженики — не чуждались поэзии, и от них юный Рамз впервые услышал строки Павов, Хафиза, Омара Хайяма.

Воздух новой, неизменно побеждающей в борьбе с пережитками прошлого жизни был воздухом, которым будущий лирик дышал с первого дня появления на свет, а пример деда и отца, верой и правдой служивших народному делу, давал правильное направление развитию духовной жизни поэта.

Именно эта, с детства впитанная в плоть и кровь цель служения народному делу, чувство гражданской обязанности поэта продиктовали строки из стихотворения «Золотая долина»:

*Пусть песня поэта, подобно ручью,
Вливается в море народных побед.*

Об этом же говорят и строки:

*Если б был я не нужен кому-то,
Если был бы на помощь не зван,
Заскучал бы я в ту же минуту,
Как бредущий в песках караван!*

Свидетель и участник трудовой доблести и героизма народа, до неузнаваемости преобразившего лицо его родины, поэт чувствует себя морально обязанным в звонких, искренних строках лирики выразить радость тружеников-созидателей:

*Лучшее напоказ:
Хлопка горы белые,
Плоды спелые,
Гул машин
И сиянье вершин.*

Уверенный в правоте народного дела, в победоносной мощи общего труда, преображающего жизнь, поэт

особенно часто в своей лирике прибегает к образу солнечной весны, когда:

*Цветут сады на берегу реки,
Что созданы трудом и вдохновеньем.
И строки, как зеленые ростки,
Из сердца рвутся на простор весенний.*

Близок сердцу поэта и образ плодоносной осени, и он, обращаясь к праматери всего живого, восклицает:

*Земля,
Надень наряд свой лучший,
С поклоном встретить и провожай
Его величество — идущий
Из кишлага к нам
урожай.*

О трудовой весне и плодоносной осени, о дарящем щедрое тепло южном солнце, о «живой воде», дающей жизнь от века мертвым пескам пустыни, о белом золоте хлопка, о солнечной спелости виноградных гроздьев и полномесном наливе колхозных садов складывает поэт свои лирические стихи и воспеваает тех, кто дает плодородье полям, приводит животворную влагу в пески пустыни, строит фабрики и заводы, добывает неслетные клады из недр земли:

*С малолетства — в труде человек.
Мастерству, вдохновенью, упорству — хвала!
Созиданию — слава навек!*

Мотивы созидательного труда людей, обновляющих землю, воспевание радости общих усилий тружеников составляют пафос и стихов и поэм сборника, предлагаемого вниманию читателя.

И весь этот поток жизни, устремленный в будущее, направляет мудрость, историческое дальновидение и несгибаемая воля ленинской партии:

*У песни — запев, у реки — исток,— так говорит народ.
По лучшей идем мы из всех дорог,—так говорит народ.
Партия—зодчий нашего счастья, всех наших дел запев,
Всех сил исток, всех побед залог,— так говорит народ.*

И потому во многих своих лирических стихах и поэмах Рамз Бабаджан обращается к образу Ленина, в котором он видит воплощение всего нового, что внесла в жизнь народов нашей страны и всего человечества Великая Октябрьская революция.

Рамз Бабаджан любит свою родную узбекскую землю, искренне и взволнованно воспекает своих братьев по крови — труженников узбеков. Но, внук коммуниста и сын коммуниста, сын нашего общего отечества Советского Союза, он не замыкает свое поэтическое зрение границами родной узбекской земли, потому что:

Мы помним, что все
одного полка —
 Русский, туркмен, узбек —
 И мы
не отступим в бою,
пока
 Жив хоть один человек!

и потому что:

Казах ли,
 Узбек ли,
 Каракалпак ли —
 Разный язык
при сердце одном.

Это чувство интернациональной общности советских людей разных национальностей с труженниками всего мира пронизывает все творчество Рамза Бабаджана, пишет ли он о своем Узбекистане, о Советском Союзе или обращается взглядом на жизнь по ту сторону границ нашей родины. С чувством братской приязни пишет он о наших братьях по борьбе за социализм и коммунизм в странах народной демократии. Сочувствием к труженникам и ненавистью к нынешним хозяевам в странах Запада полны его стихи, навеянные впечатлениями от зарубежных поездок.

Стихи Рамза Бабаджана многотемны и жанрово разнообразны. То они облечены в традиционную форму рубаи, то в форму западного сонета. Чувствуется в них и влияние восточного образного канона, и энергичная поступь лирико-публицистического стиха Маяковского.

Прочитав его строки-рубаи:

Не по громким делам узнают человека,
Не по важным чинам узнают человека,
Не по шуму и звону пустых обещаний —
По достойным делам узнают человека,—

читатель отчетливо почувствует, что современное мировоззрение автора наложило свой неизгладимый отпечаток на традиционную форму рубаи.

Точно так же, прочитав строки:

Чем бы
ты
ни владел,
Ставить
общее дело
Пад мелочью
личных дел,—

как и прочитав всю поэму «Живая вода», которая была удостоена Государственной премии СССР за 1972 год, читатель отчетливо почувствует — не только по традиционной «лесенке» — родство стиха Рамза Бабаджана с содержанием и поэтикой «агитатора, горлана, главаря» Владимира Маяковского. Именно родство, а не перепев, не подражание.

Недаром, создавая свои стихотворения и свои поэмы, Рамз Бабаджан отдавал внимание переводу на родной язык Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Твардовского.

Недаром, говоря о становлении своего духовного мира лирика, он признавался: «В стремлении к боль-

шому творчеству, пронизательному видению мира моими наставниками были Павои и Пушкин, Муками и Некрасов, Фуркат и Горький, Хамза и Маяковский. Я всегда с благодарностью поклоняюсь их бессмертному духу».

Лирико-публицистическое начало—ведущее в творчестве Рамза Бабаджана. Большинство его лирических стихотворений и все поэмы наполнены дыханием времени, в которое они написаны, современными им событиями и мыслями.

Но и чисто лирическое начало неизменно, с первых публикаций звучит в его стихах. Это светлое чувство первой любви, и грусть расставания с любимой, и горести и тревоги любящего сердца.

А с возрастом приходят раздумья о смысле жизни, диктующие строки:

Кто в гору шел легко, тот вниз сползет легко
И ноги зря изранит глубоко.
Кто с трудной ношей движется все выше,
Тому и до небес недалеко.

С возрастом же приходят и элегические размышления о безвозвратно уходящей молодости:

Не говори, что молодость прошла,
Что больше не вернется к нам с тобою,
Златым песком меж пальцев протекла,
Водю просочилась голубую.

Разные поэты переводили стихи, собранные в этой книге. Любые переводы любых стихов связаны с определенными утратами. И чем талантливее переводимый поэт, тем ощутимее утраты.

Я не читаю узбекские стихи в оригинале. Но мне кажется, что сквозь большинство переведенных строк проступает подлинное лицо поэта, их сочинившего, и это несомненное достоинство книги.

И слово об ее авторе, моем брате по лирическому роду оружия Рамзе Бабаджане, стихи которого я настойчиво советую прочесть, хочется завершить строками из его поэмы:

Слаблю братский союз
   ума и труда,
 Чтоб ушла сумасшедшая,
   сгинула мертвая
 И чтоб вечно
   журчала
   живая вода!

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Моей дорогой Сурайте —
жене и другу —
посвящаю

*

*Не печалюсь напрасной обидою,
Принимаю я вызов врагов
И спокойной реке не завидую,
Что меж тихих течет берегов.
Мне в застое становится душно.
Пусть летят даже камни в меня,—
Не могу я смотреть равнодушно
На опасности этого дня.
Кто-то губит бесценное дерево,
Вор ломает надежный замок —
Отстою я то, что доверено,
Даже если б в пути занемог.
Охраню, заслону я собою,
Огражу наш сияющий сад,
Я готов и к неравному бою,—
Не разбился б души моей саз!
Перед ложью распахнутый весь я,
Только правду, лишь правду хвалю.
Сохрани меня, жизнь, от бесчестья! —
Я у жизни сегодня молю.
Я прошу — не гаси ты горенья,
И надежды — прошу — не туши!
Ничего нет страшнее смиренья
Для моей непокорной души.
Если б был я не нужен кому-то,
Если был бы на помощь не зван,
Заскучал бы я в ту же минуту,
Как бредущий в песках караван!*

*

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ

СЕРДЦЕ НЕ СПИТ

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ

О солнце древнее! Ответь,
Ты в самом деле радо,
Что задевает здесь о твердь
Край твоего наряда?

Росою вымыты в ночи,
Так радостно-роскошны
Твои алмазные лучи,
Расчесанные косы...

На доли — дня ложится длань.
Не зря ты золото тратишь:
Когда-то с нас взимало дань —
Теперь само нам платишь.

Поэты пели: «Научи
И нас светить, светило!»
Теперь лучами и в ночи
Дороги осветило...

Я знаю: в этом чуда нет.
И суть не в цифрах точных.
Моей отчизны мощь и свет —
Энергии источник!

Мы покоряем мир сполна.
Во тьме краев полярных
Наш свет — как новая луна
На ледяных полянах.

Моя великая страна
Прорвала рабства сети.
Ты — солнце в небе, а она —
Светило на планете!

Живет грядущего завет
В словах и строчках точных.
Моей отчизны мощь и свет —
Поэзии источник!

1936

*

О сердце! Ведь ты и творец и певец
Той песни, что жизнью извечно зовется,
Об этом не ведает только глупец,
В котором любовь никогда не проснется.

О сердце! Блаженствуй, и пой, и играй
На вешнем, веселом и радостном нае ¹,
О мужестве, воле и счастье слагай
Прекрасную песнь, соловьев опьяняя.

О сердце мое! Непотухший вулкан,
Хранящий бурлящих мелодий раскаты,
Мой труженик, мой дорогой великан,
О Родине пой, чьи дерзання крылаты.

1936

---

¹ Н а й — музыкальный инструмент в виде свирели.

*

Еще ласково светятся звезды,
Ночь не гасит свои фонари,
Но пропитан предутренний воздух
Приближеньем блаженной зари.

Я проснусь на желанном рассвете,
С самым первым горячим лучом,
И причешет мне волосы ветер
И не спросит меня ни о чем.

Встанет утро, подобное чуду,
Станет мысль и светла и легка.
Колыбельную песню забуду,
Проходя меж цветов цветника.

1937

СОН

Вдали туман, как шелковый платок,
Вокруг вершины голубой повязан.
В листве дрожит вечерний ветерок.
Окончен день, а словно недосказан.

Давно стемнело... Я ложусь в постель,
Поет листва, как мать когда-то пела.
Глаза слипаются, и сладкий хмель
Переполняет дремлющее тело.

И снится мне, что смерть я в плен забрал,
Что больше смерти нет на этом свете,
И дерзко мчусь я в голубой провал
К мерцающей загадочной планете.

1938

ЗИМНЕЕ УТРО

Вошло неслышно утро в спящий сад,
Сверкают искорки в летящем снеге.
Простор небес приковывает взгляд,
Застыл цветник в спокойной зимней неге.

Пришла зима, вступила в берега,
Из дальних стран, где волком воет ветер.
Одетую в пушистые снега,
Ее я нынче на пороге встретил.

Короче дни, длиннее ночи тень,
На небе чистом облачко белест.
Шумят леса, вступая в новый день,
Встречая солнце, горизонт алест.

Следы по снегу разбрелись кругом,
Мороз,— по красотой душа согрета,
И вдохновенье, завладев умом,
К рабочему столу зовет поэта.

Кладет мороз причудливый узор
На окна дома, где живем с тобою.
Я с будущим вступаю в разговор...
В саду зима — сиянье голубое.

1940

1941

Стоял июнь. Был жаркий день воскресный,
Все люди были в белом и цветном,
И жизнь казалась чашею чудесной,
Наполненною солнечным вином.

Как вдруг взвились зловещие зарницы,
Затмила туча купол голубой:
В тот час на западе, вдоль всей границы,
Полдня уже гремел жестокий бой.

Пылал закат... Стояли мы, прощаясь,
От жгучей боли разрывалась грудь,
А тростники, встревоженно качаясь,
Шептали с берега: счастливый путь!..

Играли с ветерком края косынки,
День истекал озерами огня,
И плавились пугливые росинки
В больших глазах, глядевших на меня.

Но сквозь мучительное напряжение
Суровый голос вспоминался мне:
Джигит испытывается в сраженье,
Любовь — в разлуке, а металл — в огне.

1941

ПИСЬМО С ФРОНТА

Перед белой бумагой сидя,
Не могу дописать письма.
Сколько дней уж, тебя не видя,
Я живу, ты знаешь сама.

Сколько дней уж, как мы в разлуке,
Сколько надо еще пройти,
Но твои дорогие руки
Охраняют меня в пути.

Мы расстались с тобой на годы
В этом черном дыму войны,
Ради нашей светлой свободы,
Ради нашей светлой страны.

Сердцу верится неизменно —
Перевалы перевалив,
Я вернусь к тебе непременно
В золотой весенний разлив.

Ты моею станешь навеки.
Но куда — вокруг беда,
Покраснели от крови реки,
В родниках иссякла вода.

Не земля, а сплошная рана,
Не жива, но и не мертва...
Молодежь постарела рано,
Пожелтела рано листва.

Тяжелы и печальны вести,
Горе — дым спаленных садов.
Призывают к праведной мести
Слезы малых сирот и вдов.

Будет месть и крута и свята
За святую любовь мою.
Знаю, ждет фашистов расплата
В справедливом этом бою!

В нем решаются нынче судьбы
Двух систем, двух разных миров,
Мы не только бойцы, мы — судьи.
Приговор фашизму суров!

Победим — и домой приеду.
Мы устроим богатый пир,
Чтоб поднять бокал за победу,
За счастливый и долгий мир.

1941

ЛЕНИНГРАДУ

Поклон тебе, великий русский город,
Наш северный победоносный брат.
Проехал я бескрайние просторы,
Чтобы окинуть восхищенным взором
Твою красу, могучий Ленинград.

Как счастлив я, что прохожу сегодня
По площадям, вдоль ясных невских вод,
По улицам, где дышится свободно,
Где мирный стяг восстановления поднят,
Где вдохновенно трудится народ.

Неблизок был мой путь до Ленинграда,
До берегов, где плещется Нева.
Но даль для нашей дружбы не преграда.
В борьбе, в работе мы навеки рядом,
Сроднила нас и сблизила Москва.

Твоя земля безмерно дорога мне.
Здесь войны со всех концов страны
Стояли насмерть в годы битв недавних,
И обагрили кровью эти камни
Узбекистана лучшие сыны.

Я чту тебя за подвиг твой высокий,
Герой, огнем испытанный в бою,
Пусть далеко рожден я, на Востоке,—
Здесь, где рождались пушкинские строки,
Я, окрыленный, о тебе пою.

1943

ЮНОСТЬ

Юность, юность!.. Разве эти годы
Я смогу забыть когда-нибудь?
Ты сияла праздником природы,
Щедрым солнцем наполняла грудь.

Помню, как счастливый, оробелый,
У девчат задорных на виду,
В пестром галстуке, в рубашке белой
Я с тобой весной гулял в саду.

А потом тебя в бою я встретил:
С автоматом ты в атаку шла.
Как твой взор был беспощадно светел,
Как тверда рука твоя была!

Вся окутана багровым дымом,
Ты врагов сражала паповал,
И в лице твоём неумолимом
Я черты Победы узнавал...

Годы унесутся без возврата,
Поседею, примирюсь с судьбой...
Но всего страшней одна утрата:
Быть навек покинутым тобой.

И пока от пламени бывшего
Есть в душе хоть искорка огня,
Буду снова звать тебя и снова:
Юность, юность, не покинь меня!..

1944

АЛЬБОМ

В городке, у вражеской границы,
Посетив гостеприимный дом,
Написал я целых две страницы
Благодарной девушке в альбом.

Черный дым стелился над полями.
Попросив за спешку извинить,
Уходил на запад я с боями,
Не успев стихи досочинить.

С той поры я часто повторяю,
Что осилю все, что впереди.
Знайτε — если штык я потеряю,
Значит, он во вражеской груди.

Прохожу землю опаленной...
Может быть, меня зароят здесь,
Но в альбоме девушки спасенной
И мое простое имя есть.

1944

*

Ты для меня, родная, давно —
Стихов моих тихий свет.
Ветер, стучавший в мое окно,
Приносит мне твой привет.

На горизонте мой взор читает
Про встречу, ждущую нас,
И вдохновения ангел слетает
Ко мне в неурочный час.

Лампа горит... Я тоже горю.
Сижу, шевеля губами,
И, одинок, встречаю зарю,
Встающую над горами.

Это не солнце, а ты в дому...
Радостных слез не прячу.
«Здравствуй! — я говорю ему.—
Мне подари удачу!»

1944

ГОВОРЯТ

Провела сквозь войну дорога,
Через огненные мосты.
Говорят, что подарков много
Получал от красавиц ты.

Коль попросят, ты их покажешь,
Вспомнишь памятные года,
Об одном подарке не скажешь,
Том, что носишь в сердце всегда.

Говорят, тебе фронтовичка
Подарила любовь свою,
Не кисет и не рукавичка,
А она сберегла в бою.

1945

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Тоскую по тебе. Уже зима
Чуть тащится в своих тылах постылых.
В корявом треугольнике письма
То, что хотел, я высказать не в силах.

Сегодня артиллерия молчит,
И мы стоим, и в тишине виднее
Вон те поля, дырявый леса щит,
И вся земля, и небеса над нею...

И что-то вздрагивает у виска,
И, кажется, уже доступны взгляду
И эта подстушившая весна,
Наш дом и ты, идущая по саду...

1945

ВЕСНА

Вошла весна в ташкентские сады.
Ростки к теплу и к свету потянулись.
Слепит глаза жемчужный блеск воды,
Бегут потоки вдоль аллей и улиц.

И девушки веселые пришли
Искать фиалки к берегу Анхора.
Слышна их песня звучная вдали,
И птички вторят девичьему хору.

И, словно чаши алые, весна
Дарит влюбленным первые тюльпаны.
А к той, что ждет от милого письма,
Она приходит с весточкой желанной.

Цветут сады на берегу реки,
Что созданы трудом и вдохновеньем,
И строки, как зеленые ростки,
Из сердца рвутся на простор весенний.

1945

ВЕТЕР

Бродит ветер в соцветьях урюка.
Спит луна в серебристой реке:
Протяни осторожную руку —
И как рыба забьется в руке.

Вот сверкнули над краем оврага
Две падучие искры во мгле.
Так всеильна земли моей тяга —
Даже звезды стремятся к земле.

Даже ветер, к таинственным лазам
Подбирившийся в близком леске,—
Даже ветер, как будто привязан,
Возвращается к той же листве.

О отчизна, подобная чуду,
О земли моей радостный сад!..
Так и я, уходя, отовсюду
Поспешаю, как ветер, назад..

1945

НЫНЧЕ ВЕЧЕР ТАКОЙ

Нынче вечер такой —
Даже ветер меж листьев урюка
Затаился и ждет.
И ни звука под белой луной.
Сядь и окна открой.
Год за годом копилась разлука.
Нынче вечер такой —
Он вот-вот возвратится домой.

И смотри не засни!
И огня не гаси... Невозможно
Прозевать этот миг.
Бесконечные ночи и дни —
Миновали они!
И на сердце легко и тревожно.
Вы покуда одни:
Ты — и ветер в смятенной тени.

Но придет он домой!
Ожиданье твое не напрасно,
Труд и верность твоя,
Что сродни и победе самой.
С полусонною тьмой
Тишина золотая согласна:
Нынче вечер такой —
Он вот-вот возвратится домой...

1945

*

Вернется с войны любимый,
Накинув счастье на плечи,
Вернется, судьбой хранимый,—
Ты спой ему песню встречи.

Споет он песню победы,
Припомнит святую месть,
Расскажет, как через беды
Высоко пронес он честь.

1945

*

Я прислушался к лесу — тревога
В шуме ветра послышалась мне,
Тяжела показалась дорога,
И в лесной я остался стране...

Я прислушался к лесу — пурга
Отгуляла свой срок, отступила,
И луна в голубые снега
Голубые лучи обронила.

Я прислушался к лесу — и вскоре
Стало странно на сердце легко:
Я — корабль, мои думы — море,
И плыву я по ним далеко.

Я прислушался к лесу — текли
Песни тихого леса навстречу.
Знать, они мою душу зажгли,—
Полюбил я в тот самый вечер.

1947

*

Каждой осенью тянет в дорогу.
Каждой осенью дали близки,
И глядит белизна сквозь мороку
Облетающей шалой листвы.

Каждой осенью трепет знакомый
Проступает за картами лиц.
И сияние шири хлопковой —
Словно белый нетронутый лист.

Так просторы зовуци и строги,
Так значительна осень сама,
Так неожиданно сливаются в строки
Прозвучавшие в сердце слова...

Отчего это все? Оттого ли,
Что и планы нас полнят,
и тот
Подводимый и сердцем и полем
Многотрудного года итог?

Оттого ль, что и солнцем согреты,
И прохладно-произительны дни?
Оттого ли, что сердце поэта
Этой шири родимой сродни?

1947

НАШ САД

Гостит весна у нас в саду:
Деревья юные в цвету,
Урюк развесил ожерелья
И саженцы зазеленели.
Куда ни глянешь — все в цвету!

Чуть потемнела синева,
Дождем напоена листва,
И вновь сияние меж веток,
И вновь текут потоки света,
И блещет влажная листва.

Какой тропинкой ни пройду,—
Не счесть ростков у нас в саду.
Поют арыки вдоль посадок,
И аромат весенний сладок,
И лепестков не счесть в саду.

Голубизна и белизна,—
У нас в саду гостит весна.
Под осень будем с урожаем!
Друзей на праздник приглашаем,
А пыне здесь гостит весна.

1948

*

Я проснулся на белом рассвете.
Что меня разбудило, скажи?..
Тени веток лежали, как сети.
Тихий ветер. Кругом — ни души.
Только сад мой в привычном привете
Шелестел — и по этой примете
Я узнал себя в нежной тиши.
Я был тот же!..
Но странное счастье,
Как прилив, заполняло меня,
Точно был не собой я, а частью
Небывалого белого дня,
Ясным небом, скрепленным печатью
Золотого, живого огня,
Синим воздухом, зеленью, чащей,
Ключевою водою звучащей,
Вздохом ветра и ржаньем коня.
Точно был я во всем, что за мною
Шло всю жизнь, собирая следы,—
И дыханием, и плотью земною,
И родною землею самою,
Частью вечной ее чистоты.
И лежал я, блаженно недвижим,
Точно вложенный в ножны кинжал,
Точно, чем-то отмеченный высшим,
Я из рук оружейника вышел
И нежданно в цене дорожал.
И все то, что торжественной высью
Надо мной возносилось во сне,

Все, что было кругом и вовне,
То теперь надвигалось, нависло —
Ощущеньем, и словом, и мыслью
Собиралось и зрело во мне.
Так лежал я и думал: «Отчизна!
Вот что значит быть частью твоей,
Кожей чувствовать дали и числа,
Шорох поля и трепет ветвей.
Вот что значит быть вместе с тобою —
Подыматься, грустить, молодеть,
Брать ли с бою, дарить ли с любовью,
Петь ли с болью иль в радости петть...
Видно, в этом и сила и слава
Тех, кто пашет, и сеет, и жнет,
Варит сталь или водит составы,
Кто имеет высокое право
На высокое званье «народ»...
Это те, что земле без обмана
Всех себя отдавали сполна,
И не зря им, как пежная мама,
Ничего не жалеет она:
Сеют горсть — получают батмапы¹
Золотого, как солнце, зерна,
Подымают седые хирмапы²,
Высевая весной семена...
И недаром раздвинулись в шири
Горизонты бессонных огней:
Нечто больше, чем труд свой, вложили
В эту землю — и дерзостно жили
Современники наши на ней!..»

Я оделся и вышел. Округа
Закипала. В свечении дня

---

¹ Б а т м а п — мера веса.

² Х и р м а п — ток, гумно.

Что-то явно менялось, и круто;
Мир просторнее стал почему-то.
И рассветного счастья минута
Оставалась в душе у меня...

1951

О СЧАСТЬЕ

Счастлив я... Но что такое счастье?
Жизнь прожив, спокойно умереть?
Из низов подняться до начальства?
Или в кассе круглый счет иметь?
Нет, я не считаю счастьем это,—
Счастье, видно, кроется в другом.
Может, счастье бабочкою летом
Одинокó кружит над цветком?
Может, счастье ходит рядом где-то?
Может, деньги — отблески его?
Но не счастлив, золотом согретый,
Властелин богатства своего.
Нет, не счастлив он, я твердо знаю,
Мне его никак понять нельзя,—
Ведь, земля, советская, родная,
На твоей груди я родился!
И чужая не нужна мне слава,
Счастлив я, что в мой великий век
Я на все в стране имею право,
Ибо я — свободный человек.

1955

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Корасач, скорей проснись!
Дочка,
Утру улыбнись!
Погляди, как много солнца —
Бьется солнышко в оконце,
Светом комната полна,
Ходит по двору весна,
Ищет девочку-смуглянку,
Ждет подружку спозаранку,
А подружка заспалась,
Хоть пора спешить ей в класс.

Соскочила дочь с постели:
— Опоздаю, в самом деле! —
Одевается она,
Умывается она.
— Ничего...
Еще успею...—
Завтракать сажусь я с нею.
Вдруг припомнил я, смеясь:
— Ведь каникулы у нас! —
Дочка тут захохотала:
— Что ж, еще поспим, пожалуй?

1956

ТАЙНА

«Ты любил бы меня, если б я не любила?» —
Так спросила однажды, шутя, Сурайя.
«Все равно бы любил — и с такою же силой!» —
Так ответил подруге задумчиво я.

И подумал: какое огромное счастье
Быть и в горе и в радости рядом с тобой!
Пусть любовь называют возвышенной страстью,
Я назвал бы не страстью ее, а судьбой.

Не судьбою назвал бы, а вечной загадкой,
Мы, наверно, ее никогда не поймем:
Ведь с кулак наше сердце, а вся без остатка
Беспредельность любви уместается в нем!

1957

ЗВЕЗДА

Я звезду, что мерцала в ночной вышине,
Вдруг увидел вблизи, среди белого дня.
Поражен, ослеплен, я стоял как во сне,
Захватило дыханье в груди у меня.
Что за чудо со мной? И зачем синеву
Ты покинула вдруг, украшенья почей?..

Разве знал я, что здесь, на земле, наяву,
Так прекрасны глаза у любимой моей!

1957

*

Сидел всю ночь — не написал ни слова,
А если б написал — отбросил прочь!
Я за столом рассвет встречаю снова:
Мне нынче годом показалась ночь.

Не лилось щедрым ливнем вдохновеенье,
И ключ горячий не кипел в груди...
Без жаркого сердечного волненья
К рабочему столу не подходи!

1957

ДУБУЛТЫ

Немало есть на земле чудес,
И все по-своему радуют.
Светло и сладко, когда с небес
Снега на Дубулты падают.

Любая местность тем хороша,
Что непохожа на прочие.
Птицей себя ощущает душа,
Балтика счастье пророчит.

Небо красно, а земля бела,
Пушисты леса от инея.
Может, весна и лучше была,—
Дороже мне сказка зимняя.

1957

*

К Балтике я подошел на рассвете,
Только тебя там, родная, не встретил.
Море сегодня узнал я с трудом,—
Волны кипучие скованы льдом.

Ты почему не пришла на свиданье?
Впрочем, напрасно такое гаданье,
Если помочь мне бессильна волна,
Та, что с тобою бывала вольна.

Выручи ты ту волну из беды,
Выйди на берег — растопятся льды.

1957

ОДИНОЧЕСТВО

Как-то спросила подруга: «Все чаще
Вижу тебя в одиночестве я...
Разве любви не пашел настоящей?
Разве тебе изменили друзья?»

Что мне сказать?.. Безотрадно и тесно
Было бы жить в одиночестве мне,
Но ведь рождается новая песня
Лишь с одиночеством наедине.

Снова я мыслями обуреваем —
То погружаюсь в пучину мечты,
То поднимаюсь над солнечным краем,
Землю оглядывая с высоты.

Строчка за строчкой — волна за волною...
Черновиками терзаю тетрадь...
Тот, кто следит в ту минуту за мною,
Может меня за безумца принять.

В сердце как будто прорвало запруды:
Льются потоки взволнованных строк...
Тот, кто с народом всегда и повсюду,
И в одиночестве — не одинок!

1958

НОВОГОДНЕЕ

Старш^и год и в минуты прощанья
Сохранил свою юную стать.
Он с улыбкой стоит на причале
И готовится вечностью стать.
До отплытья немного осталось,
И —

ищи от темна до темна —
Ты не встретишь таких, кто хоть малость
Этой ночью не выпил вина.
Оглянись же без ложного пыла,
Чуть бокал зазвенит о бокал,
Все припомни, что сделано было,
Все, чем год уходящий богат.
Не спеши ярлыки повесить,
Эта мудрость неправды лютей.
Лишь одно остается навеки —
То, что делаем мы для людей.
Оттого и в минуты прощанья
Так же юн этот прожитый год.
Он не ждет на последнем причале,
Чтобы время замедлило ход.
Знал он славу, страду и отраду,
Урожай его честно пожни.
Новый год,
Уходящему брату
Его крепкую руку пожми...

1960

*

Перевидел людей я немало
И терзался, свой жребий кляня:
Сколько требуют люди вниманья!
Разве хватит на это меня?
Но душа раскрывается юно,
Точно ливнем я на поле льюсь,
И чем больше другим отдаю я,
Тем богаче я сам становлюсь!

1960

МОЕМУ ЛЕЧАЩЕМУ ВРАЧУ

Ты слушаешь, как бьется кровь тугая,
И удивляешься, что перебоев нет.
Не надо удивляться, дорогая,
Уж так и быть, открою мой секрет.

Пускай мне в жилы старость просочится,
Вползет, змеясь, предательский недуг,
Все так же сердце птицей будет биться,—
Неутомим его горячий стук.

И будет до последнего мгновенья
Его биенье молодым всегда:
В нем льется песня, зреет вдохновенье,
А песня — вечно молода!

1959

*

Любовь граничит с безрассудной смелостью,
Всегда с надеждою глядит вперед.
Но сможешь ли сберечь ее ты в целости,
Как раковина жемчуг бережет?

Не помню, в вечной верности клялись ли мы,
Но уж теперь огня не потушить:
Мне без тебя и дня прожить немислимо,
Как смертному без сердца не прожить.

1959

*

Не бросай, дорогая, насмешливый взгляд,—
Запоздал мой букет и мои поздравленья,
День рождения твой был вчера, говорят,
Но не стану тебе приносить извиненья.

Не снеси его праздновать — вот мой совет,
А считай, что еще он не скоро настанет,
Пусть еще не один ароматный букет
На столе у тебя расцветет и увянет.

Подожди, ошибись хоть на несколько дней,—
Каждый миг этой жизни для нас все дороже!
День рожденья настанет — ты на год старей,
А пока не пришел он — ты на год моложе.

Что же лучше, подумай? Ведь жизнь коротка,
Стало годы считать нам не очень приятно.
Так зачем же спешить? Наши дни как река,
Что течет и течет, уходя невозвратно.

1961

*

Ты одета легко, а сейчас ведь не лето,
Только-только весна к нам спускается с гор,
Как тюльпан, ты в атлас разноцветный одета,
И дрожишь на ветру, и туманится взор.

Не дрожи, мой цветок, не шурши лепестками,
Дай я руку тебе положу на плечо,
Пусть охватит тебя мое скрытое пламя —
Ведь влюбленному даже в мороз горячо!

1961

*

Что мне сказать, дорогая? В свой рай
Поосторожнее путь выбирай.
Словом легко, дорогая, играй,
Знай только край,
Только край...
Умную шутку всегда похваляю,
Но не шути, говоря мне «люблю»,
Так как, доверчив, и сам я не лгу,
То и тебе я поверить смогу...

1961

НАРГИС И КУКЛА

Ах, Наргис, ну что за озорница!
Уж давно пора угомониться!
Время спать, а ты еще не спишь,
Все на куклу шепотом ворчишь.
А у куклы желтые косички,
Бровки — как испуганные птички,
Платьице — узорчатый атлас.
Дерзко смотрит бусинками глаз.

Друг на друга дети все похожи:
Чем старей игрушка, тем дороже.
С ней давно привыкла дочка спать,
Не ложится без нее в кровать.
Вот с собою рядом на подушку
Уложила верную подружку,
Но у куклы тоже прав хитер:
Все не засыпает до сих пор.

Долго дочка с куклою возилась,
Даже наказать ее грозилась,
Было им обеим не до сна,
Только вдруг настала тишина...
Что случилось с ними, в самом деле?
Подойдя на цыпочках к постели,
С любопытством я на них взглянул:
Кто же первой из подруг уснул?

1961

СЕРДЦЕ НЕ СПИТ НИКОГДА

Засыпаю, — а сердце
стучит и стучит под рукою,
Нет, не спит мое сердце,
не знает ни ночи, ни дня,
Не завидует мне
даже в час тишины и покоя,
Бескорыстно и радостно
трудится ради меня.
Прочь гони, мое сердце,
обиды, сомненья, невзгоды
И бодрящую свежесть
быстрее по жилам струи.
О, не спи, мое сердце!
Трудись еще долгие годы,
Не останусь в долгу
за бессонные ночи твои!

1961

ТВОИ ЦВЕТЫ

*

Весна ли тебя опьянила, скажи?
Любимый стоит у тебя за спиной,
Любовью любимого ты дорожи,
Чтоб летней порой не остаться одной.

Не верь ты обманам цветущей весны,
Весенним туманам, родная, не верь.
Они отоснятся, лукавые сны,
А после вернуть невозможно потерь.

Ведь счастье дается одно на двоих,
Прошу, дорогая, тебя потому:
Ты будь постоянна в решеньях своих,
Люби одного, доверяй одному.

Легко лепестками сомненья развей,
Да будут слова и теплы и нежны.
Ты — роза весны, он — ее соловей,
Для сердца другие певцы не нужны!

1961

*

Будь ко мне справедлива, мой друг.
Я ни словом, ни сердцем не лгу,
И любви моей замкнутый круг
Разорвать я уже не могу.
Был я робок с тобою и смел,
Разделил и богатство и бедность.
Отдал щедро я все, что имел.
Не вини ты безумца за щедрость.
Не гаси моей веры огни,
Не желай себе участь иную
И за ревность меня не вини:
Я люблю — я ревную.

1962

*

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
На лице — счастливое свеченье,
Словно ты в подводной глубине
Плавно уплываешь по теченью.

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
Я ж пишу до самого рассвета.
Если б смог я выразить вполне,
Чем душа в такую ночь согрета!

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
Это значит: спит мой главный критик.
Тайных мыслей нет давно во мне —
Все равно ведь от тебя не скрыть их.

Тихо-тихо дышишь ты во сне,
И над сонной красотой твоею
Я шепчу признанья в тишине,
Только повторить их не посмею.

1962

*

Когда надо мной замерла ты, склонясь,
Лежал я в жестоких объятьях недуга.
Спасибо, что вовремя ты собралась,
А то и в живых не застала бы друга.

И мудрая ласка твоя, Сурайя,
Любого лекарства мне стала полезней,
Шаги твои слушал доверчиво я,
Ища в них спасенье от хищной болезни.

Едва мое тело охватывал зной —
Ты ветром струилась, ласкающим ветром,
Едва меня пот прошибал ледяной —
Ты солнцем всходила, горячим и щедрым.

Груди не хватало дыхания вдруг —
Ты в легкие воздухом чистым вривалась,
Палящею жаждой томился мой дух —
Ты в сердце струей родниковой вливалась...

Вот так и спасла ты меня, Сурайя,
И черные крылья провеяли мимо...
Но честно признаюсь, что нежность моя
С тех пор окончательно неизлечима.

1962

СЫНУ

Все друзья меня радовать рады:

Повторяют мне с первого дня,

Что лицом,

и повадкой,

и взглядом —

Всем как есть — ты похож на меня.

Что же, в этом не вижу я чуда.

Все, что в трудной обрел я судьбе,—

Радость мысли, наполненность чувства,—

Без остатка я отдал тебе.

Так питается деревце соком,

Что земля ему копит в тиши.

Так ты вскормлен мечтой моей — соткан

Из обличья отцовской души!..

Ты постигнешь когда-нибудь это,

И поймешь ты: я тешусь не тем,

Что с тобой мы как голос и эхо,

Что с тобой мы как тело и тень.

Мальчик мой, ты мое повторенье,

Только я до тебя не дорос,

Продолженье мое,

проторенье

Мной самим не открытых дорог.

Вот я все начинаю сначала.

Это я у подножий стою.

Все, что чаял пайти и не чаял,—

Предо мной в бесконечном строю.

Снова сердце упруго, как мячик,
И по пройденным скачет годам...

Выбирай, все отдам тебе, мальчик,
Лишь моих неудач не отдам...

1963

*

Я слушаю таинственное пенье
И день и ночь, во сне и наяву.
Поэзия, единственная пери,
Предчувствую тебя я — и зову.
Смолкаешь ты — куда тогда мне деться,
Незримым опаленному огнем?
И вот я снова вспоминаю детство,
И комнатку с малюсеньким окном,
И мальчика у этого оконца,
Который, воздух утренний вобрав,
Упрямо ловит медленное солнце
В нацеленный зияющий квадрат.
Но солнцу в доме места было мало,
Оно сияло в голубом меху,
И говорил я горько:

— Мама, мама,
Никак его поймать я не могу!
Смеялась мать, а солнце уходило,
И я не знал, едва свой путь начав,
Что, как на черной пленке негатива,
Его я в черных сохранию зрачках...

1963

*

— О, скажи: ты любишь?.. Да или нет?..
Скажешь «нет» — и отсохнет твой злой язык,
Скажешь «да» — и сгорит твое сердце вмиг,
Выбирай что хочешь — но дай ответ!..

— Всей душою готов я тебе служить,
Мой язык не ведает лжи и зла,
И пускай от любви я сгорю дотла —
Кто не может любить, не достоин жить!..

1963

*

Порою мучаюсь, не в силах чувств унять.
Тогда счастливых птиц подслушиваю пенье,
Тогда стыдливых роз подглядываю рденье
И силюсь золото со дна души поднять.

Тогда, любимая, меня не обвиняй,
Не говори, что быть я перестал поэтом,
Нет, лучше помогай заботой и советом,
Изменит песня мне — но ты не изменяй.

Я сам на песнь мою порой кладу запрет,
Едва почувствую, что голос мой не звонок:
Кого обрадует уродливый ребенок?
Пусть не рождается и вовсе он на свет...

Но знай, любимая: пусть мучит много дней
Меня лукавая богиня вдохновенья,
Зато за каждый стих в минуты просветленья,
Как солнцу щедрому, я благодарен ей!

1963

*

Мне твердят: «Ее сердце — как лед,
Ну а ты — молчалив неуместно».
Я же медлю... Напиток прольет,
Кто хватает бокал неумело.

Да и что с нами будет потом,
Коль в себе ты любви не носила?
Что нам пользы, коль нежный бутон
Мы до срока раскроем насильно?

1963

*

Под вечер девушки ушли собирать тюльпаны,
А следом юноши — красавиц догонять...
Остался лишь один с подругою желанной —
Решился в первый раз ее поцеловать.

Смутилась девушка — тюльпаном запылала,
А с нею запылал земли далекий край...
О солнце, не спеши гасить свой светоч алый,
Дорогу к радости влюбленным озаряй!

1964

*

Ах, только юности не изменяй —
Первой любви обещанью святому,
Розе весенней на зависть сияй,
Смейся на зависть ручью озорному.

Самое меньшее — дважды живи:
Юность вторая, как солнце второе,
Взор твой наполнит лучами любви,
Радостью — сердце твое молодое.

Дважды живи, ни о чем не скорбя,
Дважды умру — за тебя и себя!

1964

*

Что делать?.. От общей судьбы не уйти...
Ушла красота — твоя гордость былая.
Не мучься, вернуть ее тщетно желая,
Она, как и страсть, угасает в пути.

Ушла красота... Но осталась мечта,
И сила, и верность — все то, что сначала
В себе не ценила ты, не замечала:
Души нестареющая красота!

1964

*

О звезды, не светите в этот час,
Мне светят и без вас лучи любимых глаз!
В зрачки таинственные жадно не глядите —
Душа от ревности пылает всякий раз.
О звезды, не светите в этот час!

1965

ДОЧЕРИ, КОТОРОЙ СЕМНАДЦАТЬ

Девочка, тебе уже семнадцать.
Я едва заметил их, прости:
Стали годы у меня сменяться,
Словно полустанки на пути.
Девочка, какой волшебной властью
Мне опять перенестись туда,
Где, как ненадеванное счастье,
Примеряешь ты свои года?..
Ветерок к тебе стучится в окна,
Солнце шьет одежду из лучей,
И луны недреманное око
Стережет бессонный мир почей.
Первый плод, ударившийся оземь,
Явственно алеет на тропе,
И кидает золотая осень
Все богатства под ноги тебе..
И пока, подушку смяв щекою,
Утром спишь, виденья торопя,
Полумесяц нежною серьгою
Остается в небе для тебя!
И над утренним, беспечным миром,
День еще не вызолотив твой,
Неизведанная встреча с милым
Ждет тебя — как солнце за листвою..
Девочка, но жизнь не только в этом,
Путь не только розами увит.
Ты молчишь — тебе еще неведом
Шрам забываемых обид.
И какой бы редкою судьбою

Мир тебя отметить ни хотел —
В этой жизни не избежать боли
От невосполняемых потерь.
Девочка, пока тебе семнадцать,
Чувствами учишь повелевать,
Над бедою мелочной смеяться,
Трудности всерьез одолевать.
Девочка, учишь, пока не поздно...
Смолоду морозы учат сад.
Так смелее в жизнь иди
и звезды
Одевай, как бусы, Корсач!

1965

*

Был юноша влюблен,
Был с каждым днем печальнее,
Но боль своей души от девушки скрывал,
И, лишь прощаясь с ней перед дорогой дальнею
Ее он в первый раз тайком поцеловал.

Взглянула на него — и вспыхнула красавица,
Он чувств нахлынувших
Впервые скрыть не смог..
Так озеро в горах весною разливается
И превращается в клокочущий поток.

1965

*

Хочешь — добуду луну с высоты,
Хочешь — в букет соберу, как цветы,
Звезды на синем небесном лугу?
Все, дорогая, сумею, смогу!
Плеч моих только с любовью коснись —
Вырастут крылья, помчат меня ввысь!

Пусть посмеешься ты вновь надо мной —
Я фантазер ведь и вправду чудной.
Скажешь:
«В мальчишество впал ты, поэт!» —
Лишь улыбнусь я на это в ответ.

Сердцу послушен я в певчей судьбе,
Певчее сердце стремится к тебе.
Рядом со мной или там вдалеке —
Все мое счастье ты держишь в руке.

•

Доли другой на земле не хочу!
«К солнцу!» — ты скажешь,
Я к солнцу взлечу,—
Лишь бы с победой в сиянии дня
Первая ты поздравляла меня!

1965

*

О любимая, смехом дари,
Смейся ты от зари до зари,
Улыбаясь, со мной говори,
Пусть рекой разливается смех,—
Значит, много у сердца утех...

Красоте твоей смех этот нужен,
Потому и прошу я, любя:
Пусть с тобой будет вечно он дружен,
Никогда не покинет тебя.

Ты, как солнце высокое, смейся!
Как луна в лучшей сказке, смейся!
Как звезда лучистая, смейся!
Ты, как день самый светлый, смейся!

1966

НОВОЕ

Новогодье звоном начинается,
Я внимаю звону не дыша.
Через край вино переливается
И моя счастливая душа.

Мне сейчас никак не сладить с нею.
В празднично украшенном дому
Я от аромата роз пьянею,
И вино мне нынче ни к чему.

Даже семь цветов высокой радуги
Новый смысл сегодня обрели
Потому, что нету выше радости
Обновленья ласковой земли.

Потому, что нынче всюду весело,
И везде, куда ты ни взгляни,
Небо звезды яркие развесило,
Кишлаки зажгли свои огни.

Потому, что все сегодня новое —
И молитвы древних стариков,
И Ташкент, чье мужество основой
Вижу я для мужества веков.

Новы наши свадебные тои¹,
Новы наши мысли и дела,
Нашей дружбы крепкие устои,—
Все, чем наша родина светла.

---

¹ То й — праздник, пиршество.

На восходе солище новой рани,
Значит, мне за повый труд пора,
И от нового рассвета грани
Новые на острие пера.

1966

БЕРЕГИТЕ ЖЕНЩИН

Р. Гамзатову

Берегите вы женщин,
ласкайте,
лелейте!

Эй,
мужчины,
для них

Ничего не жалейте!

Мой совет:

Королеву скорей изберите,

Без нее королевству не быть...

Или так уж бедны

ваших жизней событья,

Что возможно

совсем не любить?

Нет, вокруг расцветает весна,

Полновластна недаром она,

Словно солнце,

ясна и сильна...

Завоюйте женщину!

Коронуйте на царство!

Сердце женщины —

государство:

Есть охранники,

Есть посланники,

Свои странники

И избранники...

Женщина — такое создание:

Слаба и нежна порой,
 Возводит огромное здание,
 В космосе — герой...
 Женщина — сама красота,
 Сладкозвучны ее уста,
 День ее — вечность,
 Зов — бесконечность...
 Если нужен пророк тебе,
 Пророком будет в судьбе...
 Сегодня путь ее быстр:
 Рабочий,
                                 колхозница,
   ученый,
   министр,
 Женщина — мать,
   сестра,
   подруга...
 От нее теплеет округа.
 Но когда разобьется
   пиала любви,
 Ты напрасно
 Мастера не зови.
 Не склеить ее, не спаять,
 Не вернуть твою радость опять...
 На любовь нет суда.
 • Любовь — беда.
 Любовь — это счастье,
 Забота, участие...
 Кто боли любви не знал?
 Сердце — мотылек,
   любовь — свет...
 Кто крыльев не обжигал?
 Таких влюбленных нет...
 Женщина!
 Женщина!
 Как прекрасны

Певцы твои:
Пушкин,
Хафиз,
Лютфи,
Навои!

Но еще не создано
то творенье —
Самое главное
стихотворенье,
Но еще не дописана
та поэма,
Где любовь —
это главная тема...
Слышу слов восхищенный гул...
Все поэты — влюбленные,
в их числе — Расул...

Эй, мужчины,
для них
Ничего не жалейте!
Берегите женщин,
ласкайте, лелейте!

Это в вашей,
мужчины,
Власти,
Отвести от женщин напасти!
Повторяю я вновь и вновь:
В вашей власти
ваша любовь!

1973

ВРЕМЯ РАВНЕНИЯ

АЛМАЗ

Играет алмаза сверкающий луч...
Источник его — эти острые грани.
Мой друг, ты сомненьями сердца не мучь
И руку случайно не бойся поранить.
Ты, грани сровняв,
Притупив острие,
Погасишь источник чудесного света.
Послушай разумное слово мое,
О ценности граней подумав при этом!
А может, у граней и зрение есть
И чувствовать правду те грани умеют?
Коварную руку настигнет их месть,
А честной руки они тронуть не смеют.
Скажу я — ты, жизнью своей дорожа
И будучи честным, не здесь беспокойся,
Ты бойся скорее тупого ножа,
Его равнодушья холодного бойся!
Алмаз — колыбель разноцветных лучей,
Алмаз — он не терпит недоброго глаза,
Горит он среди непроглядных ночей,
И ради игры ты не трогай алмаза!
На гранях алмаза — иные миры,
На гранях прекрасные звезды мерцают.
И грани алмаза затем так остры,
Что тайны, как звезды, свои защищают.
Послушай разумное слово мое,
О ценности граней подумав при этом,—
Ты, грани сровняв,
Притупив острие,
Погасишь источник чудесного света!

1967

Я недоволен был бы —

если б ложь

За славою в погоне все сгубила,
Коль злая жажда на земле томила,
В могилу реку ты не унесешь.

Доволен был бы —

если бы от слова,

Что я пишу, жизнь не могла отречься,
Хотя б от болей ей не убережся,
И это — счастья моего основа!..

1967

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

В лесу — полутемно, нетрудно заблудиться,
Деревья застыт свет, пытаюсь обмануть...
Но лишь бы белую березу-чаровницу
Хоть мельком увидеть — и заметишь путь.

Пусть, на нее косясь, сердито пень бормочет,
Зато на белый ствол любитесь сосна...
Ведь если у одних душа чернее ночи,
То, к счастью, у других — открыта и честна.

Береза белая, люблю твой облик стройный,
Даруешь ты душе тепло, надежду, свет.
Лишь боги, говорят, премудры и спокойны,
А я совсем не бог — влюбленный и поэт.

Бываю резким я, упрямым поневоле,
Ведь всем не угодишь, — характер мой таков!
Направо — темный лес, налево — степь, раздолье,
И жизнь моя течет меж этих берегов.

Да, жизнь моя — поток: о берег бьюсь я смело,
С любой преградой вступаю в дерзкий спор, —
И как мои глаза еще остались целы,
Как целой голова осталась до сих пор!..

Береза белая, люблю тебя не даром:
Ты светишься в лесу — указываешь путь,
А если пошатнусь, подкошенный ударом,
Ты, белоствольная, моей опорой будь!

1967

ДЕВУШКАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ ПО ГРИБЫ

С рассвета вы бродите стайкой в лесу золотом,
Глаза — как лазурь, и лукавые лица румяны.
Красиво в лесу!

Но смотрите, в нем есть и обманы:
Поганки стройпы, горделив мухомор под кустом.

Уловкам природы не верьте, совет вам даю,
Бывают находки обманчивей и прихотливей.
Несмятых травипок доверчивей вы и красивей —
В лесу ваших дней чистоту берегите свою.

1967

*

Не хочу с такой встречаться никогда!
Понапрасну мое сердце не тревожь!
Нет в речах твоих ни чести, ни стыда,
Надоела мне твоей улыбки ложь!
Надоели уверенья, разговоры!
Мне с большой своей дороги не сойти!
Испытанье — не всегда овраги, горы...
Что ж ты выбрала окольные пути?
Не могу речей я сладких слышать снова,
Но скажу тебе я, все-таки любя,—
Предпочел бы даже горькое я слово,
Лишь бы правду в нем услышать от тебя!
Нам с тобою правда — лучшее лекарство,
Будь со мною откровенна ты хоть раз.
Пусть отступят прочь и хитрость и лукавство,
И да здравствует правдивость без прикрас!

1967

БАЛЛАДА О МОЕМ СТАРОМ ДРУГЕ

Перед рассветом
В темени жидкой
Старый приятель
Стукнул калиткой,
Товарищ детства,
Один из тех,
Кто был мне когда-то
Дороже всех...
Что с ним такое?
Помятый,
Понурый,
Стоит у калитки
И смотрит хмуро,
А был ведь лощеным,
Гордым таким,
Когда я па днях
Повстречался с ним.
Быть может,
Бессонница измотала,
Крыса-тоска
Ему сердце глодала,
Мучил всю ночь
Неотвязный кошмар?..
Что с ним случилось?
Какой удар?

А как мы в юности
С ним дружили!
Вместе и радовались

И тужили,
Забот — по горло,
Тревоги жгли,
А мы друг без друга
Дышать не могли.
И вот он стоит,
Потупясь у входа,
И вспомнилась юность,
Пылкие годы,
И словно в душу
Вошел кинжал —
Упрек
До боли
Мне сердце сжал.

Где жаркие споры,
Мечты,
Тревоги?..
Давным-давно
Расплелись дороги,
Ведь каждый
Свой путь
Выбирает сам.
К разным стремились
Мы полюсам.
Он — к шуму и блеску,
Я — в тишину,
Он — к высям надменным,
А я — в глубину,
В педра сердец,
К тайникам людским...
Все реже,
Случайней
Встречались мы с ним.
К вершинам он рвался,
Как дерзкий сокол,

На наших глазах
Воспарил высоко,
В своем честолюбье
Не знал преград.
Но странно:
Я был за него не рад.
Я жил,
Напрягая
Всю страсть и разум,
В людском океане
Я стал водолазом.
В глубины стремясь,
К сокровенному дну,
Добыл я жемчужину
Не одну...
Вот так,
Незаметно,
Ширясь с годами,
Холодная пропасть
Росла между нами,
Чужим и далеким
Дружок мой стал,—
Я вглубь стремился,
А он взлетал.

И вот в полутьме,
Полусонной,
Жидкой,
Нежданно он скрипнул
Нашей калиткой,
Во двор мой вошел.
Тишина кругом,
Спали домашние
Мирным спом.
Лишь капли росы
На кустах дрожали —

Последняя влага
Ночной печали.
Вот так же сквозь слезы
Горьких минут
Томятся глаза —
Утешения ждут...

Молчит мой друг,
Вздыхнул сокрушенно,
Я тоже молчу
Да гляжу удивленно:
Просить ли о чем,
Получить ли совет
Ко мне он пришел
Через столько лет?

Отравлен тщеславьем
И нетерпеньем,
По судьбам шагал он,
Как по ступеням,
И, тлевший в душе
Полумертвым огнем,
Нежданный стыд
Разгорелся в нем?
А может, взлетев,
Напрягая крылья,
Внезапно почуял оп
Ужас бессилья
И понял впервые,
Что собственных сил
Не рассчитал
И не оценил?..

Молчанье меж нами
Крыло простерло...
Спросить я хотел —

Пересохло горло,
В глаза поглядел,
А глаза красны,
Уж не от слез ли
Воспалены?..

1967

СМОТРИ НА ЗВЕЗДУ...

Смотри на звезду, дорогая, грустя в тишине,—
Блестит она в небе, подобная доброму чуду,
Я тоже глядеть на нее в одиночестве буду,
Не спит мое сердце — томится в тоске и огне.

Смотри на звезду: далека, но зовет и горит,
И, словно у друга, дрожат ее губы, ресницы...
А с близким бывает, что другом твоим притворится,
Но сердце его холоднее, чем мертвый гранит.

1967

В ГОСТЯХ

Максиму Танку

Поэзия была лишь поводом, друг мой.
Эгей! Я на коне, я уж в пути.
Немало и дорог легло передо мной,
От удивления и слов мне не найти.
Во все концы раскинулись просторы,
Холмы тянулись, лес вставал,
Его сменяли пашни и угоры,
Озера, реки я одолевал.

О Белоруссия, священные края,
Большая богатырская страна,
Цель странствия, которой верен я,
Геройскою ты славою полна!
К тебе я гостем прибыл, но себя
Хозяином в твоих я чувствую объятьях,
Пью воду родников, иду в поля,
И все, кого встречаю я,— мне братья.
А каждый камень твой на берегах Двины —
Свидетель мук и вражеских насилий,
Закат пылающий похож на кровь войны,
Которую сыны твои пролили.

О Белоруссия! Прекрасный край,
Природы дочь, какой не знал я краше,
Я пьян вином любви к тебе!

Мне дай

К твоим губам припасть, к заветной чаше.

Вот я нашел тебя,
попав в плен красоты,
Власть твоего изведаль обаянья,
Любовь, поэзию и лучшие мечты —
Все отдаю тебе, прими мои признанья!

Дарить тебе стихи мне разреши —
Ведь я причастен к племени поэтов;
А десять дней — тетрадь моей души,
Где каждый лист — восторг моих приветов.
Ты светлый день в моей судьбе,
Ты из своих садов цветы мне подарила.
И я вспоминаю о тебе,
Как сердце, сохраню, в котором жизни сила.

1968

Которой не видно конца!

Человек

и змею заставляет

Плясать у себя в руках,

Человек

весь мир перестраивает

На собственный риск и страх,

Ракеты уже мы готовим,

Чтоб ринуться

В звездный простор,

А властелинами сердца

Не можем стать до сих пор!

Такой позор,

что на голову

Хоть надевай горшок,—

Мы взвесили звезды,

а сердца

Не знаем еще хорошо.

О сердце!

Никто из поэтов

Тебя исчерпать не смог —

Вместилище горя и счастья,

Всех чувств и стихов

Исток!

В груди ты горишь педаром —

Без любви не горит и свеча!..

Эй, древний враг Авиценны,

Тебя воскресить бы сейчас,

Иль будешь опять сомневаться

В знанье всеильном,

Пигмей?

Давно не алтарь —

Наука

Святылище наших дней.

Будет и сердце разгадано!

И пусть пока что один,

По жив до сих пор мужчина
С сердцем чужим
В груди!
Жизнь —
Куда удивительней,
Чем в детстве я представлял:
Чудес,
        повостей,
                        событий
Обрушивается обвал,
И столько кругом небывалого,
Что в беге
                        стремительных дней
Людей приводить в изумление
Становится
                        все трудней.
Но человеческий гений
Не раз еще нас поразит!
Век
        победившего
                        Разума
Где-то совсем вблизи.
О пересадке сердца
Твердят уж не первый год...
Доктор Берnard,
Скажите,
Скоро ли время придет,
Когда это станет обычным —
Менять чело­вечьи сердца,
Чтоб люди больше не знали
Преждевременного конца?
Не ошибитесь тогда,
Профессор,
Вам виден любой изъян,—
Отсейте сердца ничтожные,
Как шелуху от семян!

Пусть здравствуют
Только
Чистые,
Отважные,
Бескорыстные.
Дорогу таким сердцам!
Я — сердцелюб
  и в этом
Толк понимаю сам.

1968

Я НЕ ГРУСТЕН

Нет, я не грустен в этот долгий вечер.
Иду один, и, надо мной скользя,
Горят в годах,
                                как звезды в сонме Млечном,
Мои непозабутые друзья.
Иду один — сквозь лета, зимы, весны,
Сквозь темень, тишь и листьев суету...
И дальних душ сияющие звезды,
Как факелы, пронзают темноту.
И этот мир, мне отданный навеки,
Ко мне в ночи повернутый лицом,
В неожиданный свет сгущает вдохновенье
И шлет в года пронзительным лучом...
Не говори, что страсть моя потухла,
Не говори: любовь моя не та...
Высоких строк седая повитуха —
Вот эта даль,
                        и тишь,
  и темнота!
И в тишине, и в звездном свете вечном,
Среди чинар, шагающих гурьбой,
Я не один —
                                я в этот долгий вечер
С друзьями,
                        с миром,
                                с юностью,
  с тобой!

1968

СМЕШНО И ГОРЬКО МНЕ

(Сонет)

Люблю поэзию всей пылкою душой,
Дня не могу прожить без тайного волнения:
Не отвернулась бы богиня вдохновенья
И откликнулись бы сердца на голос мой!

Сперва считал стихи забавою простой,
Теперь огнем пишу свои стихотворенья,—
Ведь нет поэзии без страсти, без горенья,
И страстно мучаюсь над каждою строкой.

А где пылает страсть, найдется и убийца!
Порой над строчками моими друг глумится,—
Уж лучше умный враг, чем сто друзей таких!

Поэзия! Я весь — в твоей певучей власти.
Смешно и горько мне, когда мой пылкий стих
Осмеивает друг, не знавший этой страсти.

1968

РОДНИК

(Сонет)

Где воду ключ берет, видал ли кто-нибудь?
Иль это слезы льет самой земли основа?
Не плачет ли ее измученная грудь,
Не ждет ли от людей сочувственного слова?

Вот камень — он воде переграждает путь,
Иль места для него нельзя найти другого?
В природе-мастерской еще не все готово,
Как будто, бросив труд, лег мастер отдохнуть.

О чем же слезы льет украдкой мать-земля?
Склонись на грудь ее, дыханье затая:
Пусть скажет про свои страдания и печали!

Нет, сердце у нее любви, надежд полно,
Не боль ее томит — заботит лишь одно:
Чтоб ноги подлецов ей душу не топтали.

6

1968

*

Пусть критик, точно лев, когтит газель,
Пирует над поверженной строкою
И, растерзав, порочит смысл и цель,
В боренье чувств

открытые тобою.

О чудо из чудес — строка жива!..
И, может быть, не так уж странно это:
Он рвал на части смертного поэта,
Но не задел

бессмертные слова.

1968

НА СМЕРТЬ АЙБЕКА

Что ты натворила,
негодница смерть?
Как ты могла такое посметь?
Или ты слезами
настолько упилась,
Что над собой потеряла власть?
Если б сумел я
взять тебя за глотку,
Был бы у нас разговор короткий!
Скорбящим и плачущим
нет числа —
Ты друга и наставника их унесла.
Что ты натворила?
Да как ты посмела
Решиться на такое черное дело?
Довольно мы терпели —
весенним днем
Тебя на скамью подсудимых приведем.
Верни нам Айбека —
творца и человека,
Лучистую жемчужину нашего века.
Скажи, что ошиблась,
продли его дни,
Верни его, слышишь, сейчас же верни!
Он жив!
Он все такой же —
веселый и мудрый,
Блестят смоляные с проседью кудри,

И пусть его книги —
   готовый пьедестал,
 Для нас он бронзой еще не стал.
 Быть может, он сидит,
   склонясь озабоченно,
 Над повою рукописью незаконченной?
 Кто дал тебе право
   так подло поступить —
 Так рано порвать драгоценную нить?
 Мало ли на свете
   злобы и корысти —
 Сперва от недостойных землю очисти.
 Верни нам Айбека!
   Надо совесть иметь!..
 И не ошибайся, проклятая, впредь!

1968

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег замелькал,
Застучал в окно,
Первый снег,
О котором скучал давно,
О котором почти забыл,—
Белый-белый снег...
Каждая ветка
                                отяжелела,
  чуть наклонилась...
Это невеста-зима явилась —
Желанная,
                                долгожданная,
Красавица в шелковом белом платке,
С белым букетом в руке,
В белоснежном платье.
О мать-природа,
                                шире раскрой объятия,
Рассыпь серебро
                                на земную грудь,
Щедрою будь!
А вот и мороз-жених
                                на копе летит,
У подножья гор ослепительно снег блестит,
А за горами
                                чудится мне гроза,
Молнии ослепляют глаза...
Там солнце и вьюга переплелись:
То потемнеет,
                                то снова сверкает высь —

Это игры свадебные начались...
Разгулялись ветры,
        гудят,
        будто в бубен бьют,
Будто песни свадебные поют!..
Первый снег,
Долгожданный снег —
Блестит, ворожит он,
        с сердцем моим играет,
Как будто — весна,
        на ветвях — белизна,
        урюк расцветает...
Вблизи и вдали — повсюду снега легли,
Горбы за горбами,
И чудится с первого взгляда:
Белых овец и коз
        отдыхает большое стадо.
Это в мой край
        явилась опять
Та, о которой давно скучал,
О которой стал забывать,—
Зима явилась!
Она по морям шагала,
Шла через горы —
        от перевала до перевала,
С материка на другой материк
На белых крыльях перелетала,
И вот наступил этот миг,
Словно все началось сначала:
Повсюду — снег,
На земле и на небе — снег,
И кажется, мир застыл и уснул навек...
Вон во дворе у соседки
Чинара, склонясь, задремала —
        Не может подняться,
        выпростать ветки

Из-под пушистого покрывала.
 Есть игра у нас —
   называется «снежным письмом»:

В день первого снега
 Приятель зайдет в твой дом,
 Посидит, поболтает,
   рассказом тебя позабавит,
 А уходя,
   незаметно
   записку с приказом оставит,
 Например, такую:
 «Будь завтра готов —
 К тебе с друзьями приду на плов».
 Если записку найдешь
   лишь после его ухода,
 Завтра же в доме твоём
 Будет полно народа,
 И если плов
   и вправду не будет готов,
 Хозяину стыд и позор —
 Уж таков уговор!
 В день первого снега
 Может и юноша в дом
 К любимой своей
   прийти со «снежным письмом»,
 Тихонько подбросит записку,
 А в ней — шутливый приказ...
 Но что за приказы
   влюбленные шлют друг другу —
 Это уже не касается нас!..
 Дверь распахну я настежь —
 Выйду на улицу быстро,
 Как неожиданный выстрел.
 Думы мои рассыпались,
   словно косы моей любимой...
 Дом, где я дни и ночи сидел,

Где время струилось неощутимо,
Теперь позади остался,
Исчез, не оставив следа,
Как будто его и не было никогда!
Нет для любви преград!
Послушный ее приказу,
Не опозорился я перед нею

еще ни разу!

Да, я — влюбленный,

я — из страны любви,

Звезду призываю мою:

— Явись ко мне! Позови!..—

Где же моя звезда,

чьи лучи негасимо блещут?

Спрашивать буду сердца,

чьи струны так же трепещут!

День первого снега настал.

И вот со «снежным письмом»

К любимой в дом

хочу я прийти тайком.

Этот старинный обычай

дорог мне до сих пор:

В этой игре шутливой —

Молодости задор!

И впрямь я,

как в юности,

начинаю сходить с ума:

Погляжу — зима,

Погляжу через миг — цветник,

Снова мир солнцелик,

а в сердце — волны желаний...

Что поделаешь,

если мечты разыгрались,

Будто весной ранней?

И в «снежном письме» моем —

не холод снегов,

А радостный зов,
  тепло задушевных слов!
Если бы это письмо
  сумел я вручить любимой,
Если бы в эту игру
  сегодня сыграть могли мы —
Под пение вихрей снежных,
Бушующих на дворе!..

И в этой зимней игре,
Лукавой игре
Не выиграть —
  проиграть я готов заранее,
Тебе проиграть хочу,—
  удивительное желание!

1968

ПЬЮ ДО ДНА — И КЛЯНУСЬ

Этот поздний, волнующий час —

Это время равенья

На величие лет,

на мечту,

на сияние глаз,

На любовь, окружившую нас,

На людей и на время.

Этот вечер — итог и исток.

Отодвинут засов,

Дверь открыта,

Стоявшая год нелюдимо...

Сердце мчится, как птица,

Но замерли стрелки часов,

Словно стрелки весов —

Вот сольются они воедино!

Словно двое влюбленных,

И жаждут и медлят они —

В нетерпенье, в боязни.

Это встретиться медлят

Вчерашний и завтрашний дни,

Эта встреча — прощалью сродни...

Ярче свечи, сильнее огни:

Нет минуты прекрасней!

Новогодние трубы,

ударьте сверкающий марш!

Начинается год!

Начинается время сначала!

Новый год — пусть идет:

Нетерпением радиомачт

Ждут его города, кишлаки
И суда у причала!
Дастархан наготове, друзья собрались,
Звон бокалов родится в руках поминутно,
Чтоб при первом же слове
Торжественно ринуться ввысь...
А минуты сменяются нудно!

Но откуда же ты, нетерпенье мое?
И куда я спешу —
Ведь и так мои коротки сроки,
И уносятся месяцы гроздьями в небытие,
И пестрят мои дни,
Как листва на осеннем потоке!..
И грубеют морщины,
Густеет висков седина,
Словно иней ложится —
И разве бывает иначе?
Точно галька со дна,
Все ясней подоплека видна
Неизбежным решеньем задачи.
Если свет и беда
И неслученных лет череда
Отпускаются нам по заранее
Сверенной смете —
В чем же правда тогда?
Разве мы, подгоняя года,
Не торопимся сами к сгоранию и смерти?..
Нет, я с тем не смирюсь!
И пускай это глупо и пусть
На устах моих времени вкус
горьковатый —

К черту грусть,
Я ведь вовсе не смерти боюсь:
Я за жизнью страшусь
Не успеть, обгоняющей даты...

Чу! Удар...
Наконец!
Это полночь гудит.
Это стрелки сошлись на мгновенье,—
Им опять расставаться, черту перейти,
Новый круг, новый труд,
Новый день впереди,
Небывалых мостов наведенье.
А покуда — миллионы встают заодно
За громадным застольем,
И звезда оголтело мигает в окно,
И стреляет и льется вино,
И сиянием небо полно
Над бескрайним простором.
И двенадцать морей
Ударяют в свои берега,
Вторят недра полей — секунданты,
Далека и близка,
Льется медная эта река:
Громяхают куранты!..
Слушай голос Кремля,
О земля!
Этот миг, этот час —
Кто к нему непричастен?
Сдвинем чаши, высокому чувству учась!
Бил двенадцатый час!
С новым счастьем...

Ну-ка, снова налей, тамада,
Многозвонный бокал.
В этот вечер ясней и ясней
Нашей веры основа.
Пью до дна, как всегда,
И клянусь — не богам, не богам! —
Вам, друзья, мое слово.

Пусть вращается шар
И безудержно годы спешат
Под пучипою звездной стоокой —
Я клянусь не отстать,
Соразмерить свой шаг
С неумемной эпохой.
Где б меня ни застал
И каков бы мой ни был итог,
Подводимый последней истомой,—
Я, другие пичьи не топча,
Отыщу мой цветок
В самой глуби садовой.
Пью до дна!
Чтобы дней мне не ведать пустых.
Пью за то, что когда-то
Будет день, будет стих —
И пойму я, что цели достиг:
Не уйду без возврата.
Эй, налея, тамада!
И на миг попроси тишины.
Мы прислушаться рады.
Бьетса в окпа звезда,
А сердца до предела полны
И гремят, как куранты...

6

Этот миг, этот час —
Он уходит во мглу,
Но как свет! Он, лучась,
Озаряет бывое.
Кто примолк там в углу?
Мы грустить не позволим сейчас!
Этот миг, этот час
Да сияет над мглою!
Это светлой эпохи приказ,
Что красна без прикрас.

Это время равенья
На величие лет,
  на мечту,
  на сияние глаз,
На любовь, окружившую нас,
На людей и на время.

1968

ИМЯ ДОЧЕРИ

Детство — царство!
Черной короной
Улеглась надо лбом коса.
Смотрят ясно и удивленно
Распахнувшиеся глаза.

А в глазах — глубоко, бездонно!
Неподсказанные, ничьи,
Потаенные бродят думы,
Как подземные роднички.

Нету власти моей над ними!
Для меня ты еще — мала.
Я еще выбираю имя:
Корасач или Камола? ¹

Словно имя — сосуд готовый:
С ходу выберешь — и не тот!
И который из них, который
Примет солнечный мой цветок?..

А в движениях, улыбках, жестах,
Как предметы из темноты,
Незнакомого совершенства
Проступают уже черты.

---

¹ Буквальное значение этих имен: Корасач — черпокосая, Камола — совершенство.

То осознанней, то наивней,
То подыскивая слова,
Как старинное платье, имя
Примеряешь себе сама...

Но навряд ли и впрямь случится
Подсмотреть тот странный миг:
Мой кусочек, моя частица
Отделяется, входит в мир...

Пусть уносятся дни, как ветер,
Но с какого пойму я дня,
Что давно уже ты на свете
Существуешь и без меня?

И тогда, уязвлен годами,
Занавесивши зеркала,
Притворюсь я и загадаю:
Корсач или Камола?..

1969

*

Я не считал своих счастливых дней —
И вот часы считаю здесь,
В разлуке!
И замерло,
Застыло сердце в муке,
И с родины донесшиеся звуки,
Чуть слышные,
Любых громов слышней...

1969

*

Фото детства,
Забывтое фото,
Краткий миг босоногой отваги...
Почему мне заплакать охота
Перед этим кусочком бумаги?
Словно где-то зарницы сверкнули,
Но, как молнии, грудь обожгли...
Почему же мне фото вернули,
А вот детство вернуть не смогли?

1971

СТИХИ О БОЛЕЗНИ СУРАЙИ

Дрогла ветка под ветром пугливо,
Плыли стекла слоями слюды.
Дождь дырявил корявую глину,
Оставляя на сердце следы.

В сад я выглянул. Мокнул у двери
Кустик роз, как больное дитя,
И серели и никли деревья
Под жестокою плеткой дождя.

И казалось — нигде ни просвета.
И казалось — куда ни пойдешь,
Всюду будет безвыходность эта:
Та же осень, и темень, и дождь...

Что же было так серо и сиро,
Словно в клетку весь мир заточен,
Отчего мне ненастье грозило
Жить в душе до скончанья времен?

Вся во власти жестокого жара,
И дыша и отсутствуя тут,
Третьи сутки ты в спальне лежала,
Словно солнце за тысячью туч...

1971

СОНЕТ

О молодость! И вот ты позади.
И кажется в короткий миг унынья:
Осталось сердце там, в твоей груди —
А здесь лишь эхо отдается ныне.

Но что же это значит — «пятьдесят»?
Ведь путь есть путь. А там, за перевалом,
Опять долина, сад, плоды висят,
И бьет родник и дарит счастьем шалым...

И жизнь во мне, как прежде, молода,
И возраста уже не властны чары.
О молодость! Пускай идут года,

Пусть меньше сил — и это не беда:
Ты здесь, со мной, покуда, как всегда,
Еще я все могу начать сначала.

1971

14 НОЯБРЯ

Приходи,
                            дорогая,
  радость моя,
Мне
                    владычицей сердца
  тебя назвать бы.

Приходи!
Как прежде,
                            друг друга любя,
Встретим
                            светлый день
  нашей свадьбы.

Чара в руке.
Волненье в груди.
Здравствуй,
                            здравствуй!
У нас еще все впереди.
Дни совсем не похожи
                            ♦   на дни.

Мне порой
                            безразличны они,
Но порой
                            жду их ночью
  бессонно...

Календарь неуклонно
В чем-то меня обвиняет,
Когда лист торопливый роняет...
Да!

Оставили годы
                            морщинки,

Оставили годы
                        сединки
В волосах —
Это годы шутили...
Ну,
        а вдруг
                        это правда?
Вдруг
        душа отдохнуть будет рада?
Вдруг
        и впрямь
                        ее бури сломили?
Может,
        в том мое горе
И в том-то все дело,
Что утихло то море,
Которое в юности пело,
И что берег
Теперь под ногами лежит,
И что берегом
Сердце не дорожит?
Нет!
Шум волны в ушах
                        до сих пор!
Может быть,
                        не о том разговор?
Жизнь спешит,
                        перевалов много.
Впереди —
                        большая дорога.
Приходи!
        Мое сердце ранено!
Нет!
Все у нас
                        так, как было ранее:
Солнце в зените,

В разгаре лето,
 Много событий,
 И снова где-то
 Озера, холмы...
 Это судьба,
   что встретились мы!
 Я одинок
   в море юности был,
 Как парус, скитался,
   надеждой горя,
 Но все утраты свои забыл,
 Встретив
   четырнадцатое ноября.
 Это было когда-то.
 Это —
   жизни главнейшая дата,
 День любви,
 Торжество страсти.
 Ветер,
 Листья летящие,
 Лампочки, тускло горящие...
 И поныне
   я в сладкой той власти
 Нетленной,
 Все на свете могу —
 Даже править вселенной!
 Под лучами ли солнца
   или под градом —
 Мы всегда теперь рядом!
 Но от несиен,
 От танцев,
 От свадебной чары
 До сих пор
   не рассеялись чары.
 От того
   молодого волнения

И от ливня того вдохновенья
До сих пор я пьян,
Как Хайям.
Что делать!
Что делать!!
Что делать!!!

1971

К ЧЕМУ ЖЕ ЭТИ ЧЕРНЫЕ ОЧКИ!

Плывет лицо, как чистая луна.
Глаза на нем — две тучки, две тоски.
Тебе такая красота дана,
К чему же эти черные очки?

Прости, коль провинился без вины,
Что поспешил с вопросом удивленным,—
Твои глаза и так черным-черны,
Зачем же прятать черное под черным?

Неужто влюблена ты в этот цвет?
Неужто стала ночь дороже дня?
Очки тебе идут, в том спору нет,
Но что они скрывают от меня?

Ты и в очках мне, милая, мила.
Не обмануть меня таким обманом.
Я знаю — сердцем ты всегда светла
И звезды глаз сияют за туманом.

1971

*

Не говори, что молодость прошла,
Что больше не вернется к нам с тобою,
Златым песком меж пальцев протекла,
Водю просочилась голубою...

Не говори — ведь сладкая тоска
Жива, и росы на луга стекают.
Не говори — ведь в небе облака
По-прежнему коней своих стегают.

Не говори — ведь с давней той поры
Сады густые так же плодоносят,
Все так же крылья бабочки пестры,
Все так же пчелы в улья мед приносят.

Не говори -- ведь волосы твои
Все так же вьются прядью непокорной,
Все так же пишут песни соловьи
В тетрадь души твоей многоузорной.

Не говори, что молодости нет,—
По-прежнему всеильна наша воля,
По-прежнему прекрасен этот свет,
По-прежнему прекрасна эта доля.

Не говори — не согласился дом,
И не найдешь ты у подруг участия,
Не согласится мать, с таким трудом
Вскормившая, взрастившая для счастья.

Ты говоришь, что молодость прошла,
Но почему ж цветут цветы земли?
Но почему ж надежда так светла,
И я — Меджнун, а ты — все та ж Лейли?

1971

НОВЫЕ РУБАИ¹

*

Кто в гору шел легко, тот вниз сползет легко
И ноги зря свои изранит глубоко.
Кто с трудной ношей движется все выше —
Тому и до небес недалеко.

*

О самоучка критик! Боже мой,
Как горд он ролью критика самой.
Он, отмель увидав, кричит о глубини,
А белое чернит и свет мешает с тьмой.

*

Я в море не плыву и в небо не лечу,
Я по земле идти среди друзей хочу.
Для одоления волн и для боренья с бурей
Лишь от родной земли я силу получу.

---

¹ Первые одиннадцать рубаи (четверостиший) переведены Н. Грибачевым, остальные — С. Северцевым.

*

Есть множество у нас в тебя влюбленных глаз,
Хвалебных слов и фраз неисчисли́м запас,
А я в любви немым стою перед тобою,
Хоть песнь моей души всех лучше во сто раз.

*

От хмурой мне горька и с чаем пиала,
Уж лучше бы воды с улыбкой подала.
По милости лгуна в меня бросая камень,
Не сбей свечу любви, что ты сама зажгла.

*

Жизнь радости длинна, а горя — коротка,
Как без деревьев сад, жизнь без людей — тоска.
Правдивая строка — как памятник в металле,
Со лживого пера — как ржавчина строка.

*

Жизнь, как Лайлатилкадр¹, проносится спеша,
И тайны волшебства не стоят ни гроша.
Запечатлей в труде прекрасные мгновенья —
В них века твоего бессмертная душа.

*

Камыш внутри пустой, хоть ростом он высок,
Мал полевой цветок, но пьет от солнца сок.
Из камыша сплетут и бросят на пол коврик,
В прическе девичьей сверкнет огнем цветок.

*

Тому, кто сказку слушает, не лги,
От встречи и свиданья не беги,
Того, кто верит, открывая душу,
Не в памяти, а в сердце береги.

---

¹ Л а й л а т и л к а д р — согласно народному поверью, праздничная ночь, во время которой над людьми проносится волшебная тень; если в это мгновенье схватиться за какой-нибудь предмет, он превращается в золото.

*

У тебя — две ярчайших моих звезды,
У тебя — золотых улыбок сады.
Самой темною ночью тебя я найду —
Лучших дней моих вьются к тебе следы.

*

Даже сокол порой прерывает полет,
И крошится гора из крепчайших пород.
Не гордись своей славой, вертушкой лукавой:
Обласкает тебя — и к другому уйдет!

*

Навеки наш Ильич остался жить с людьми:
Такого гония не разлучить с людьми!
И часто на заре мне кажется, что Ленин
Выходит из Кремля, чтоб говорить с людьми.

*

Гляжу я на солнце — и силу извечную вижу,
Гляжу я на море — и даль бесконечную вижу.
Гляжу на правдивые лица сограждан моих —
Достоинство, верность и дружбу сердечную вижу.

*

Все ближе коммунизм — народ его достигнет!
Кто смело в путь идет, лишь тот его достигнет.
Кто в жизни и в труде ему уже сегодня
Все силы отдает — высот его достигнет.

*

Есть города, чья слава гремит,
  легендами их окружает.
Есть города, чей нищенский вид
  душу в печаль погружает.
А мой Ташкент растет и цветет —
  маяк для всего Востока,
Как озаренная солнцем луна,
  сиянье Москвы отражает.

*

Листва оживает у ветра в летучих объятьях,
Глубокие корни — у влаги в текучих объятьях,
А жизнь человека, его вдохновенье и сила
Растут и цветут у народа в могучих объятьях.

*

У песни — запев, у реки — исток,— так говорит народ,
Но лучшей идем мы из всех дорог,— так говорит народ.
Партия — зодчий нашего счастья, всех наших дел
запев,
Всех сил исток, всех побед залог,— так говорит народ.

*

Густою пшеницей казахский простор гордится,
Сосною-красавицей северный бор гордится.
Гирлянду из хлопка вплели мы в венок отчизны —
Хлопчатником пышным не зря пахтакор гордится.

*

Чувствую в сердце знакомую дрожь — вдохновенье,
Ты, словно бабочка, к пламени льнешь, вдохновенье,
Пламя в груди у меня — пламя сыновней любви,
Родина-мать, это ты мне даешь вдохновенье!

*

Рекой загадочной Сырдарью¹ давно называли люди,
Пески превращает в сады она, давно это знали люди,
Ревниво тайну она хранит своей животворной силы,
Течет и не знает, что тайну ее давно разгадали люди.

*

Кто задумал гордо, смело, благородно жизнь прожить,
Тот о смерти даже мысли не желает допустить.
Если руки он протянет и схватить захочет солнце,
Пусть попробует вселенная объятий не раскрыть!

---

¹ Сырдарья означает в переводе «таинственная река».

*

Пусть каждый человек живет и продолжает род,
Но тех, кто лишь продолжил род, потом забвенье ждет.
А тот, чей неустанный труд приносит счастье людям,
Незримый памятник себе при жизни создает.

*

Сравню отчизну с щедрым Хатамтаем¹ — не ошибусь,
И назову свободным, светлым краем — не ошибусь,
Скажу, что счастье на земле мы строим, — не ошибусь,
Скажу, что звезды с неба мы хватаем, — не ошибусь.

*

Конечно, море — глубоко, но глубже моря — океан,
Хотя поверить нелегко, но знай, что это — не обман.
Был раньше морем разум наш, но океаном станет он,
Когда космических ракет умчится к звездам караван.

---

¹ Х а т а м т а й — легендарный владыка, прославившийся своей щедростью.

*

Летят космонавты — и мир погружен в изумленье,
При виде отважных застыл небосклон в изумленье.
Трепещут созвездья, любуясь на наших героев,
А был бы аллах — задрожал бы и он в изумленье.

*

Почему человек покорить всю вселенную хочет
И за тайною тайну открыть сокровенную хочет?
Как невесте — герой, на чело нашей славной эпохе
Он корону из звезд возложить драгоценную хочет.

*

Это что за звезда? Присмотрись: не Зухра¹ ли она?
Но так ярко на небе сверкает едва ли она.
Да, сомнения нет: это русская девушка Валя,—
Серебристой Зухре не родная сестра ли она?

---

¹ З у х р а — планета Венера.

*

Дождь окропит твой сад — и зреть начинает он,
Розу найдет соловей — и петь начинает он.
Если сумел поэт коснуться души народной,
Словно горячий ключ, кипеть начинает он.

*

Пусть каждая песнь иссушает силы,— не возражаю,
Сломайся, перо, если ты остыло,— не возражаю,
И если с ненавистью любовь примирится в сердце,
Пусть в тот же миг разорвутся жилы,— не возражаю.

*

Пусть осень моя настанет быстрее, чем у других,
Пускай седина проглянет быстрее, чем у других,
Я петь и бороться буду, хотя и заранее знаю:
Морщины мой лоб изранят быстрее, чем у других.

*

Недаром с древности говорят: дважды живет поэт.
Умер певец, но стихи звучат: дважды живет поэт.
И если не хочешь целую жизнь людям ты задолжать,
Будь за двоих душою богат: дважды живет поэт.

*

Есть ли год, что весны и цветов не знает,
И язык, что ни песен, ни слов не знает?
За признанье в любви не вини поэта:
Есть ли сердце, что нежных оков не знает!

*

Стихов о любви найдешь у писателей много,
Чернил на нее поэты истратили много,
Кто в душу глядит ей, а кто лишь на блеск показной,
Увы, у любви и таких почитателей много.

*

Любовь неожиданно перед тобою становится —
Твоим испытанием, твоею судьбою становится,
Но тот, кто сумеет ее испытания выдержать,—
Тот вдвое сильней и богаче душою становится.

*

У каждого года — время цветенья бывает,
У каждого сердца — счастья мгновенья бывают.
Чем для влюбленного — тайная встреча с подругой,
Тем для поэта часы вдохновенья бывают.

*

Твой лик для меня — как утренний свет, дорогая,
Весенней любовью взор твой согрет, дорогая,
Считать не желаю — я и без этого знаю:
Тебе и сейчас восемнадцать лет, дорогая.

*

Раньше дни без тебя мне хотелось с ночами сравнить,
А счастливые ночи с весенними днями сравнить,
Раньше звезды казались глазами твоими, а ныне
Не хочу даже звезды с твоими глазами сравнить!

*

Каждое пятнышко ясной луне к лицу,
Родинка эта тебе и во сне к лицу.
Красиво ли сердце твое? Нетрудно ответить:
Верное сердце каждой жене к лицу.

*

Жемчуг, таящийся в море, увидишь — не удивляйся.
В жемчуге звезды и зори увидишь — не удивляйся.
Если и жемчуг и море, если и звезды и зори
В любящем взоре увидишь — не удивляйся.

*

Любовь не в силах выбирать, любовь слепая, говорят,
Ее постигла с давних пор судьба такая, говорят,
И даже в жилах старика она по-прежнему горит,
Ведь ей блаженство на земле дороже рая, говорят.

*

Полиняет усма¹, а брови гнутся по-прежнему,
Тюбетейка слетит, а кудри вьются по-прежнему,
Вот уже голова поседела, лицо постарело,
А мечты не стареют, к любимой рвутся по-прежнему.

*

Шел согбенный старик, еле двигались дряхлые ноги,
Словно что-то искал на земле он, седой и убогий.
«Что, отец, потерял?..» А старик усмехается горько:
«Драгоценную юность, сынок, потерял по дороге!»

---

¹ У с м а — черный сок особой травы, которым узбекские женщины подводят брови.

*

Ты радуешься — это праздник, счастливые дни,
Ты гневаешься — это траур, тоскливые дни...
От горя до радости путь — как от глаза до глаза,
И все же недаром друг друга не видят они.

*

Если любимая не улыбнулась — плохи дела!
Если увидела и отвернулась — плохи дела!
Если с отчаянья в ноги ты бросился ей,
А дорогая твоя не споткнулась — плохи дела!

*

Скажешь «да», — на руках унесу и спасу,
Скажешь «нет», — что поделать, и это снесу...
Все капризы стерплю, лишь бы с милой остаться —
Никому не отдать это чудо-красу!

*

Друг с другом веревкой не свяжешь сердца,
Друг друга любить не обяжешь сердца,
Но если сердца вспыхнут любовью,
Родней они станут, чем два близнеца.

*

Крепкий чинар я, с ненастьями стойко борюсь я,
Засух и гроз, ураганов любых не боюсь я!
Лишь перед нежностью вся моя сила бессильна:
Дунешь — и сразу к ногам твоим милым
склонюсь я!

*

Цветок протяну, буду робко молчать,— не отвернись,
И выйду тебя на дорогу встречать,— не отвернись,
И если, по голосу милому затосковав,
В окошко осмелюсь тебе постучать,— не отвернись!

*

Глубью бездонной меня поражают твои глаза,
Будто капканами мне угрожают твои глаза.
Шутка ли, правда ли — разве смогу я узнать?
Уж не разлуку ли мне предвещают твои глаза?

*

Лицо доверчивой жены — светильника добрей,
Язык ревнивицы жены — напильника острей,
С ней на одной подушке спишь, из чаши ешь одной,
Но если не слились сердца, не будет счастья с ней.

*

Разве может, скажи, миновать хоть кого-то любовь?
Без разбору порой расточает щедроты любовь.
Одиноко живет лишь сухое и черствое сердце:
Все прощает любовь — не прощает расчета любовь.

*

Украла ты с неба луну, чтоб стало лицо светлей,
Украла звезды для глаз и радугу для бровей.
Ну что ж, красота твоя пускай при тебе остается,
А мне только сердце отдай — прятать его не смей!

*

Щедр я, любимая,— все я раздал бы друзьям.
Что мне богатство любое? Бессмыслица, хлам!..
Только в любви я ревнив и мучительно жаден:
Даже упавшей реснички твоей не отдам!

*

Все помыслы злобного — только о злобных делах,
Все помыслы подлого — только о подлых делах.
Но лишь человеческого можно назвать человеком,
И думай поэтому только о добрых делах.

*

Не будет сад скупой души зеленым и густым,
Колочка не дает огня, а только едкий дым,
И если света человек при жизни не давал,
Светильник имени его погаснет вместе с ним.

*

Не ел, не пил, а все копил,— что о таком ты скажешь?
Копил, а жизни не любил,— что о таком ты
скажешь?
А этот жизнь свою провел в кипучем вдохновенье
И людям радость подарил,— что о таком ты скажешь?

*

Дождик тебя замочил — жаловаться смешно,
Ветер лицо запылил — жаловаться смешно.
Если ты честно жил, а после одним проступком
Славу свою загубил,— жаловаться смешно.

*

Ты хрупкий саженец сберечь смог от любой беды,
Пусть благодарным он растет за все твои труды,
А станет дерево большим, пускай тогда похвалят
Глупец — его высокий рост, мудрец — его плоды.

*

Ударится камень о камень — искры во тьме блестят,
Ударится сердце о сердце — чувства в груди кипят.
А если сердца при встрече не высекут даже искры,
Такие пылать не могут, от них только едкий чад.

*

Скажи: без плавильных печей можно ли плавить медь?
Без шелковичных червей можно ли шелк иметь?
Без напряженных трудов, долгих, бессонных трудов
Может ли человек мудростью овладеть?

*

Злому и благо сомнительным кажется,
Доброе дело мучительным кажется,
Может ли иначе быть, если в сердце
Он и себе подозрительным кажется?

*

Тебя — эй, мелкий человек! — пугает глубина,
В колодец глянешь — и тоска в глазах твоих видна,
И тотчас хочешь завалить отверстие колодца,
А в нем, быть может, целый мир, — не вычерпать
до дна!

*

Воп туча, солнце заслопив, заносчиво встает,
Гремит, бахвалится она на весь небесный свод,
Но слезы брызнули из глаз от злости и досады,
И скоро на земле она в грязи себя найдет.

*

Хоть известно: без закваски тесту не взойти,
Хоть о том не только пекарь — знают все почти,
Но закваску разве станут подавать на стол?
Лишь хрустящие лепешки у людей в чести.

*

Острый нож в руках убийцы страх и гнев рождает
в нас,
Острый нож в руках хирурга людям жизнь спасал
не раз,
Значит, властвует судьбою не клинок, а человек:
Даже нож в руках разумных может петь, как звонкий
саз.

*

Что с нашим домом простым, друзья, по красоте
сравнится?
Что с нашим тесным столом, друзья, по широте
сравнится?
А если вспылит обидчивый друг, не понимающий
шуток,
Что с этой шуткой веселой, друзья, по остроте
сравнится?

*

Кумган¹ на огонь поставили — даже не застонал,
А в комнате чашки и блюда красуются, ждут похвал,
И все же кумган достойней всех этих блюд и чашек,—
Воды, закипевшей в нем, хватает на сто пиал.

*

В неподвижной бутылке так тихо, спокойно вино,
А в себя перельешь — с ног, проклятое, валит оно!
Но вино не вини: вся вина не в вине, а в тебе.
Так и знай, дорогой: состязаться с бутылкой смешно!

*

Уж ладно, коли хочешь, пей, по все, что есть,
И разум свой, когда решил с друзьями сесть,
Как говорил Омар Хайям: хоть выпей целый океан,
Да только совесть не теряй, да только честь не
пропивай!

---

¹ Кумган — медный сосуд для кипячения воды.

*

Конечно, любит всякий гость обильный дастархан,
Иной охотно в дом идет, где будет сыт и пьян,
Но главное — не в дом войти, а в душу человека —
Тогда сумеешь распознать, где правда, где обман.

*

Если у труса в глазах двоится — не удивительно,
Если он пробует в щель забиться — не удивительно,
Если за молнию искру примет, ветер — за бурю
Тот, кто и тени своей боится, — не удивительно.

*

Неужно тель свою рубить начнешь, глупец?
А я не тень, я — друг, потом поймешь, глупец!
Зачем, поссорившись, как пес, на друга лаешь?
Без друга верного не проживешь, глупец!

*

О счастье своем расскажи врагу — как огорчится он!
О горе своем расскажи врагу — как оживится он!
Итак, ни о горе и ни о счастье не говори врагу:
И горем и счастьем тебя погубить будет стремиться он.

*

Если треснет фарфор, чигачи¹, без сомненья,
найдется,
Он скрепит пиалу, ей опять примененье найдется.
Если ж треснет душа от удара, от грубой обиды,
То не так-то легко для нее исцеленье найдется.

*

Порой обопрись на друга, если устанешь ты,
Но вечно ища поддержки, себя лишь обманешь ты,
На силы свои надейся — не на чужую помощь,
Не то, потеряв опору, посмешищем станешь ты.

---

¹ Ч и г а ч и — мастер по починке фарфоровых изделий.

*

Пусть горькую правду сказали тебе,— не гневись,
Будь стойким, о сердце, на честного друга не злись.
Но горе тому, кто друзей за глаза упрекает,—
Все двери доверья навек перед ним заперлись.

*

Если у друга дела хороши — радуйся, улыбайся,
Первым поздравить его поспеши, радуйся, улыбайся,
Лишь бы глаза не страдали твои, видя чужое счастье,
Щедрости солнца учись: от души радуйся, улыбайся.

*

Сердце не сердце без боли, надежд и страстей,
Сказка не сказка без дэвов, героев и фэй.
Не себялюбец я — мне одиночество чуждо:
Радость не радость без верных, любимых друзей.

*

Прожитой жизни итог я в рубаи превратил,
Страсти невучий поток я в рубаи превратил,
Истинно любящий строг, скромн и немногословен:
Все, что из сердца извлек, я в рубаи превратил.

*

Могут высохнуть реки, увянуть чинары густые,
Могут звезды угаснуть, разрушиться горы крутые,
Но вовек не иссякнет любовь материнского сердца —
Будет вечно, как солнце, лучи расточать золотые.

*

Громкая слава не сможет голову мне вскружить,
Жизнь бескорыстно люблю, скромно готов прожить,
Честью клянусь, ради славы пот проливать не стану,—
Сделать бы что-то, чем люди после могли дорожить!

*

Герой благороден в каждом движении—не удивительно,
Гордо, отважно идет он в сражение — не удивительно,
Если же трус не в бою открытом, а из засады
Хочет тебе панести поражение — не удивительно.

*

Уж если цель избрал, стремись упорно к ней,
Уж если другом стал, так до последних дней,
А вступишь в бой с врагом — будь смел и беспощаден:
Кто всех сильнее в любви — и в гневе всех грозней.

*

Пока человек живет, ненужным он быть не должен,
Стремленья своей души до гроба забыть не должен,
И если ты даже без ног, даже без рук остался,
Не думай, что ты гореть, творить и любить
не должен.

*

Во прах не падет человек перед жалким скотом,
Хотя б этот скот красовался в венце золотом.
С чем в мире сравнить благородство и честь человека?
С орлом горделивым, парящим над Кафским хребтом ¹.

*

К душе народа путь найдешь, душой воспрянешь,
друг,
В ряды отважных попадешь, отважным станешь, друг.
Но если возгордишься ты, с народом связь порвешь,—
В пути отстанешь, пропадешь, себя обманешь, друг.

*

Иной великим хочет стать, себя навек прославить,
Как одержимый, лезет вверх,— чем пыл его убавить?
Скажи такому: — Не забудь, когда вершин достигнешь,
Про гору, что свое плечо тебе смогла подставить.

---

¹ Кафский хребет (горы Каф) — мифические горы, якобы ограждающие край земли.

*

Не по громким делам узнают человека,
Не по важным чинам узнают человека,
Не по шуму и звону пустых обещаний —
По достойным делам узнают человека.

ИЗ «КРЫМСКОЙ ТЕТРАДИ»

СКАЛА

Перед морем висится скала
И, встречаясь с золотым рассветом,
Кажется изгнанником-поэтом,
Не склонившим гордого чела.

Перед морем висится скала
Девушкой высокою и стройной,
Слышит ветра шепот беспокойный,
Ждет с волнением своего орла.

Перед морем висится скала,
И на ней однажды ночью лунной
Повстречался я с русалкой юной,
Что из древних сказок ожила.

Перед морем висится скала,
Словно братство наше — монолитна,
Расшатать оплот ее гранитный
Ярость волн и ветров не смогла.

Перед морем висится скала
Величавым, неприступным стражем,
Преградив дорогу волнам вражьи,
Отражая грудью силы зла.

1959

Я ВЫШЕЛ К МОРЮ...

Я вышел к морю. Нет тебя нигде.
Красиво было море в ярком свете.
Любуясь, я смотрел, как на воде
Играют бликов колдовские сети.

И, погружен, как в солнечные сны,
В мечты о счастье, шел я вдоль залива,
Бросался вплавь,— но не догнать волны,
Как не догнать красавицы игривой.

Я знаю: труден, долог путь к любви,
Но к ней стремлюсь я, с трудностями споря.
Так пусть всегда живут в моей крови
Волнение моря и терпенье моря.

1959

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Здесь повесть о любви звучит в журчащих волнах.
Здесь говорят со мной далекие века,
И смотрят на меня два нежных и безмолвных,
Рукою Пушкина положенных цветка.

Внимаю звону струй, и, словно из тумана,
Встают передо мной виденья той поры,
Когда пылала страсть в глазах Гирей-хана
И вздохи слышались печальной Диляры.

Вот старец немощный, чьи золотые руки
Из камня создали прославленный фонтан,—
Седой Умар-уста... На рабство и на муки
Когда-то и его обрек свирепый хан.

Затейливых легенд немало на Востоке,
Но этой повести печальней в мире нет,
И если сорок дней рыдал Гирей жестокий,
То как же мрамору не плакать сотни лет?

...Внимаю шепоту старинного рассказа,
И воскресают вновь далекие века,
И смотрят на меня, как два печальных глаза,
Два пушкинских невянущих цветка.

1959

ВСПОМИНАЯ ТЕБЯ

Где встал над морем кипарис,
На берегу япил кумыс,
А с моря веял свежий бриз,
В душе рождая нетерпенье.

В порыве юношеских сил
С волнами взапуски яплыл,
Как с другом, с морем говорил
И чувствовал его волнение.

Под вечер я спустился в сад,
Вдыхая пряный аромат...
А где же ты?.. Взглянув назад,
Я так и замер в изумление:

Казалось, ты ко мне идешь,
Но понял я, что это ложь,
И сердца горестную дрожь
Не мог я побороть в смятение.

Я знал, что путь к тебе далек,
Но с этим свыкнуться не мог,
Писал я письма в сотни строк
В неудержимом вдохновенье.

Ветвь кипариса тронул я,
И с новой силой вспомнил я,
Как ласкова рука твоя...
То было лучшее мгновение!

1959

НА ВЗМОРЬЕ

Мне странные мысли пришли в этот вечер,
Бродил я, грустя, будто что-то искал,
И, словно на место обещанной встречи,
На берег спустился, к подножию скал.
А море бурлит, недовольно судьбой:
Тоскует прибой
О встрече с тобой.

Я морю сказал: «Не волнуйся напрасно,
Позволь отдохнуть, все тебе объясню,—
Влюблен я по-прежнему верно и страстно
И образ возлюбленной в сердце храню...»
И море умолкло за пенной чертой:
Томится мечтой
О встрече с тобой.

Сказал я: «Не знаю, поверишь ли чуду,
Ты хочешь спросить: где же счастье мое?
Но знай: дорога со мною повсюду,
Мне в сердце взгляни — и увидишь ее!..»
Взглянул изумленно простор голубой —
И замер прибой,
Любуясь тобой.

1961

*

Я жду... Все глаза проглядел я давно,
А ты и не ведаешь — вот что досадно!
Ах, звездочка ясная, глянь мне в окно,
Не знаешь, как жить без тебя безотрадно.

Тебе я любви не открою моей —
Пусть в сердце томится, как узник в темнице.
Зато не спастись от насмешек друзей —
Влюбленному взору от них не укрыться.

Но пусть даже камни бросают в меня,
Готов я терпеть, каждый час ожидая:
А вдруг на рассвете весеннего дня,
Как солнце, придешь ты ко мне, дорогая!

1961

ПОМНИШЬ ПРОШЛОЕ ЛЕТО!..

Помнишь прошлое лето, наш отдых в Крыму?
В жизни не было нам веселей и чудесней. /
А теперь?.. Хоть и грустно мне здесь одному,
Но тобою наполнены думы и песни.

Море лижет края золотого песка,
Море спрашивает о тебе, дорогая,
И, забыв на мгновенье, что ты далека,
Не тугую волну, а тебя обнимаю.

1961

БЕЗ ТЕБЯ

Прошло без тебя сорок дней и ночей,
Лучистое лето уже на исходе,
И звезды ушли вслед за милой моей —
Все меньше их вижу я на небосводе.

Умчался и ветер — тебя догонять,
Мне душно, не чувствую ни дуновенья,
А сяду писать — бездыханна тетрадь,
Перо обессилело без вдохновенья.

Извелся... Нет силы бороться с тоской...
Но как хорошо, что живешь ты на свете!
Скорей возвращайся!.. А вместе с тобой
Вернутся и песни, и звезды, и ветер.

1961

КОГДА ЦВЕЛИ КИПАРИСЫ

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Сколько солнца, и свежести, и аромата!
Синь залива, курчавая зелень земли —
Где еще так природа щедра и богата?
Как чудесно в прибой окунуться с утра,—
Бьет волна голубая, в лицо так и брызжет,
Отбегает и пестрые камешки лижет,
Всюду блеск, всюду красок спящих игра!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Там бродил я, горам забираясь на плечи.
Много было друзей, незаметно текли
Беззаботные дни и веселые встречи.
По дороге зайдешь на бахчу или в сад,
Хандаляки лежат, золотясь на припеке.
Сколько солнца и неба в медвяном их соке —
От любого недуга тебя исцелят!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Любовался подолгу вечерним заливом:
Блещут сотни огней и вблизи и вдали
И по зыби узором бегут прихотливым.
Зачарован игрою воды и огня,
Я мечтой уносился в открытое море,
И как ласково утром лучистые зори
В мир цветущий опять возвращали меня!

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
Вечерами внимал я легендам старинным,

И опять предо мною в горячей пыли
Мчались конники в бой по ковыльным равнинам.
В каждой повести целый дастан заключен,
В каждой повести — мужество, гнев и страданья,
И с волнением слушал я эти преданья
О героях недавних и давних времен.

Был в Крыму я, когда кипарисы цвели,
По побережью бродил я, охвачен смятеньем,
Жадно в море глядел, провожал корабли,
И в простор уносило меня вдохновеньем.
Разве можно в душе вдохновенье унять,
Если чувства клокочат бурливей прибоя?
Днем и ночью стихи не дают мне покоя:
«Торопись, дорогой, вот перо, вот тетрадь!..»

1961

ЯЛТИНСКИЕ ВЕЧЕРА

Густая синь раздроблена, расколота,
И тысячи огней глядят в залив,
Как будто с берега стекает золото,
Ночные волны пламенем покрыв.

Подходит теплоход. Звучат внушительно
Его густые, важные гудки,
И крылья чаек машут нам стремительно,
Как резвые сигнальные флажки.

Под мягким ветерком листва колышется,
И аромат садов как свежий мед.
Во мгле вечерней флейта сердца слышится,
Но лишь влюбленный песнь ее поймет.

Чего сейчас мне только не мерещится,
Когда люблюсь с берегов крутых:
Не отблески огней в прибое плещутся,
А тысячи косичек золотых.

Ах, стать и мне бы волнами игривыми:
С каким восторгом в голубой ночи
Сверкал бы я тугими переливами,
Лаская эти волосы-лучи.

Ведь сердце не желает знать о старости,
И, сбросив бремя прожитых годов,
Приняться за ребяческие шалости
Я и сейчас бы с радостью готов.

И как мне дышится легко и молодо,
Когда гляжу на ялтинский залив,
Где с берега течет живое золото,
Ночные волны пламенем покрыв.

1961

АЙВАЗОВСКОМУ

О художник, где краски ты эти достал —
У закатного моря иль утренних скал?
Или радугу с неба похитить сумел,
Или в тайны природы проникнуть посмел?
Если б морю твое показать полотно,
Ревновать бы, паверное, стало оно:
Так с причудливым блеском его красоты
Состязаясь кистью волшебною ты!
Вот оно взбунтовалось, и бешеный шквал
Над угрюмыми гребнями забушевал.
К небу дыбятся темных валов языки,
И летят беломраморной пены клочки.
И как будто в грозу на морском берегу
Я недвижно стою и понять не могу:
То ли вижу свирепый тайфун наяву,
То ли в море бушующих мыслей плыву.

Вот другая картина: в ночной тишине
Тихо зыблется море в таинственном сне,
И как будто об этом просила волна —
Словно круглый фонарь, выплывает луна.
Ты решил подарить океану покой
И рассыпал узоры по глади морской,
И какое задумчивое волшебство
Из бездонного сердца течет твоего!
Но едва ты захочешь,— уснувшую гладь
Налетающий вихрь пробуждает опять,
И, бушуя, вздымаются тысячи волн
И кидают захлебывающийся челн...

Все стихии подвластны тебе, чародей!
И, задумавшись перед картиной твоей,
Не пойму: то ли в раме висит полотно,
То ли в Черное море раскрыто окно!

1961

КИПАРИС

О стройный кипарис, что ты молчишь тоскливо?
В каком раздумье ты томительном застыл?
Игривый бриз летит с лазурного залива,
А ты по-прежнему недвижим и уныл.

Любили в старину восточные поэты
С тобою сравнивать красавиц молодых,
Но, честно говоря, мне непонятно это:
Ты темен и угрюм — и непохож на них.

Мне жаль тебя чуть-чуть... И все-таки с тобою
Мою любимую сравнить я не могу,
И тайну грустную тебе я не открою,
О чем сейчас томлюсь на этом берегу.

Моя любимая — как радостная птица,
Как ветер ласковый, как вольная волна,
И красоты своей, как солнце, не стыдится,
А если грустно мне, то не ее вина.

1961

Я НЕ НАШЕЛ ЕГО...

Памяти В. А. Луговского

О пламенный трибун! Сюда, на берег Ялты,
Всего охотнее когда-то приезжал ты.
Где ж трубный голос твой, бровей крутой излом?..
Ушел от нас поэт — покинул этот дом.
Здесь, в парке ялтинском, под сенью лип
столетних,

Мне друг рассказывал о днях его последних
И молвил под конец: «А знаешь, круглый год
Он в Доме творчества по-прежнему живет». —
«Как смеешь ты шутить, — я возразил на то, —
И память оскорблять покойного поэта?»
Но друг задумчиво и строго произнес:
«Напрасно сердиться, я говорю всерьез...»
И вниз меня повел, по каменным откосам,
И тихо молвил, встав перед большим утесом:
«Здесь часто он стоял, в морскую даль глядел,
Здесь сердце он свое похоронить велел».
Вздохнул и продолжал, заметно опечалась:
«Мы в Доме творчества нередко с ним

встречались,

Он не щадил себя: ночами папролет
Любил стихи писать, когда весь дом уснет.
Хоть с юношеских лет гранитной был породы,
Но как, наверное, устал за эти годы!
А смерть как вечный сон... Так пусть под шум
морской
Спокойно спит поэт, — он заслужил покой!..
И молча я глядел на шрам в степе гранита,
Где сердце пылкое от нас навеки скрыто.*

Я не нашел его... Лишь место отыскал,
Где гордый дух уснул в тени прибрежных скал.
Уж не заботится о ритме и рифмовке
И не нуждается в литфондовской путевке,
Ушел от нас поэт — и даже не сказал,
В какой далекий край теперь путевку взял...

1961

Два дерева в степи широкой выросли —
Красуются над зыбью луговой:
Высокий тополь с липою раскидистой,
Одетые весеннею листвою.

Стоят они, едва касаясь кронами,
Стыдливо, как невеста и жених,
И кажутся счастливыми влюбленными,
Посмотришь — залюбуешься на них.

Как будто под шатрами их ветвистыми
Два сердца пылкой юностью горят,
И, как губами, трепетными листьями
Они друг с другом тихо говорят.

Когда же ветер пронесется по полю —
Весенней страсти радостный порыв,
Сплетаются ветвями липа с тополем,
В объятии восторженном застыв.

Чем их любовь нежней, самозабвеннее,
Тем пыл ее становится сильнее,—
Смотри, как тополь в пылком нетерпении
Склоняется к возлюбленной своей.

А липа тихо на ветру колеблется,
По-девичьи потупив робкий взор,
И стелет к их ногам весна-волшебница
Свой разноцветный свадебный ковер.

1962

ПУТЬ ВРЕМЕНИ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

РОССИИ-МАТЕРИ

О Россия! Россия!
Я — сын, а не пасынок твой,
Для меня — для узбека —
Ты матерью стала родной.
Я — твой сын,
Я — один из миллионов твоих сыновей.
Счастлив тот,
Кто родился
В семье справедливой твоей!

Был ребенком мой дед,
У порога играл на песке,
Первый русский тогда
Появился у нас в кишлаке.
Это было давно...
Если б жив был сегодня мой дед,
То ему бы весною
Исполнилось ровно сто лет.

Мог бы нам рассказать он —
Свидетель далеких времен,
Как впервые был русский
На праздник в наш дом приглашен.
Это было давно...
С той поры миновал целый век.
С русским братом с тех пор
Навсегда породнился узбек.

О Россия моя!
Я в тебя беззаветно влюблен.
Зимний лес твой люблю
И студеный, седой небосклон.
Зной ли пышет в лицо
Или снег обжигает до слез,
Ты всегда мне мила —
И в жару, и в жестокий мороз.

С полуслова всегда
Я желанья твои понимал.
Я творил и сражался
Не ради наград и похвал.
С каждым годом мой долг
Неоплатнее перед тобой,
А доверье твое —
Драгоценней награды любой.

И когда по полям
Я шагал сквозь грохочущий шквал,
Как святую присягу,
Я имя твое повторял,
Как тарантулов черных,
Врагов истреблял я в бою,
Хоть на миг, хоть на шаг,
А приблизил победу твою!

О Россия моя!
Слышу сердцем дыханье твое,
Прикажи — я исполню
Любое желанье твое!
Прикажи — я дехканином
Выйду в родные поля
Или сяду к штурвалу
Космического корабля.

Быть хочу только там,
Где тебе я нужнее всего,
Все тебе посвящу:
Вдохновенье, мечту, мастерство.
Я — рабочий в цеху,
Инженер — за чертежным столом,
Я по синему небу
Черчу серебристым крылом.

Позови,— где бы ни был,
Я тотчас откликнусь на зов,
Прикажи,— что ни скажешь,
Я тотчас исполнить готов,
По шагам семилетки
Я сердцем равняться хочу,
В золотой ее книге
Хоть строчкой остаться хочу!

О Россия моя!
Я — твой сын,
Твой солдат рядовой,
Я участвую
В каждой победе твоей трудовой,
И когда коммунизма
Придет на земле торжество,
Навсегда в нем останусь
Частицей труда моего.

1958

22 АПРЕЛЯ

Я помню, как двадцать второго апреля
Мы с сыном решили в саду погулять.
Нарциссы, пионы, тюльпаны пестрели —
Тут можно хоть сотню букетов собрать!

Казался мне сад разноцветной картиной.
Я раем назвать его был бы готов...
Вдруг слышу вопрос удивленного сына:
«Откуда такое обилие цветов?»

Как ярко и празднично солнце лучится,
Как много душистых цветов распцело!
Скажи, почему так восторженны птицы,
Так щедро весеннее льется тепло?..»

«Наш Ленин сегодня родился, сынок мой,
И правда всеобщая с ним родилась.
История смотрит в раскрытые окна,
История смотрит, сыночек, на нас!

Ковры расстилает весна по аллеям,
Тебе посылает охапки цветов...
Сегодня кремлевские звезды светлее
Горят над грядюю грядущих веков.

И спутники в небе все выше взлетают,
И новые песни несутся, звеня,
С победами люди страну поздравляют,
Ты ж новой «пятеркой» обрадуй меня...

Смотри, как ликуют сады и поля:
Рождение Ленина славит земля!»

1959

ДУМЫ О ТРУДЕ

• Труд! Он когда-то человека создал
Из темных недр слепых природных сил,
На небе разума затеплил звезды,
Сердца мечтой упрямой окрылил,

Нас вывел из невежества и горя,
Дал миллионам свет, одежду, кров,
И наших знаний солнечное море
Наполнил год за годом до краев.

Труда боятся только тунеядцы —
Хотят прожить без дела и забот,
Но человеком вправе называться
Лишь тот, кто сам творит и создает.

Я вижу, как, пылая дни и ночи,
Течет металла знойная река,
Как, овладевший знапьями, рабочий
Становится ученым у станка,

Как спеет хлопок, серебром блистая,
Как трактора по целине идут...
Жизнь без труда за жизнь я не считаю,
Жизнь только там, где торжествует труд.

Когда на сборе хлопка жарким летом
Тружусь и я, со лба стирая пот,
Какую радость чувствую при этом
И как душа взволнованно поет!

Жизнь без труда за жизнь я не считаю,
Служу на совесть я родной стране,
Трудиться до последних дней мечтаю,
Пока огнем струится кровь во мне!

1959

Тех, чье похмелье — на чужих пирах!
Враги прошли —

как будто смерч промчался.

Где города? Следов найти нельзя!..

А время шло, к тому спешило часу,

Когда пришли на этот путь друзья.

Того, что было, новое не смыло.

Да, было горе, беды были — пусть!

Пришли друзья — и наполнялся смыслом

Весь пройденный необозримый путь.

Дорога без конца и без начала,

Что в этом мире есть тебя длинней?..

Не спится мне, и долгими ночами

Мечта моя проносится по ней.

Тут бесконечным двигались парадом

Война и рабство, рабство и война.

И все-таки к истокам вечной правды,

В долину счастья вывела она!

И напоила мучившихся жаждой,

Дала голодным хлеб, глаза — слезам...

Хвала ж тебе,

Хвала ж тебе, вожатый,

Что нас повел, назло врагам любим!

Ты с нами здесь, тебя я прозреваю

В грядущем дне, и снова впереди

Все та же даль пылает заревая,

И нет конца, и нет конца пути!

1960

ЗАСТОЛЬНАЯ

Н. Грибачеву

Новый Ташкент созывает на той
Братьев своих на рассвете.
Спорит заря с предрассветной звездой,
Город по-юному светел.
Новой пленяет он всех красотой,
Светится праздничной чашей.
Наше сраженье с недавней бедой
Стало историей нашей.
Выпьем, друзья, за победу свою!
Братство навек нерушимо.
То, что в одну нас сплотило семью,
Вечно останется живо.
Нынче на празднике — дружба сама,
Мы не останемся немь!
Выпьем за ловые наши дома,
Новые наши поэмы!
Спорит заря с предрассветной звездой,
Ранний тревожится ветер...
Новый Ташкент созывает на той
Старых друзей на рассвете!

1971

ЖИЗНЬ ВЕЧНА

Видим время в неожиданной
вещности:
четверть века —
как четверть вечности!
С объектива пылинку сдунувши,
глянем в годы,
как в дол с высот:
эта целая жизнь ли юноши,
чьей-то зрелой поры кусок?..
Все равно: суровы — и бойки,
это — лета одной эпохи,
величайшей среди эпох!
В календарные
глянь
пометы:
легендарная
длань
победы
сводит заново
свой итог.
Вспомнясь каждому
не однажды,
что подскажут
потомкам нашим
наши верность и маета?..
А пока что —
полнее чаши:
полни чаще их,
тамада!

И давайте сядем пошпире,
чтобы в этот вместились круг
те,

кто с нами в пути спешили,
на всесветном сгорев ветру.
Те, с кем мы делили походы,—
работящие Доп-Кихоты,
бессребрепики, борцы,
что под кровом любой погоды
вдаль смотрели,

вперед за годы,
но, пылая в огне работы,
не имели к чинам охоты,
невзыскательны и горды...
Впрочем, были иные души:
луж не глубже,
всполошней клуши,
жиге студня при громе гроз —
каменевшие вдруг, как лужи,
что нежданно сковал мороз...
И еще таких мы знавали,
что меж злом и добром сновали,
как работающий челнок,
и отделявались словами,
будто вправду в одно сливали
то, что бело
и — что черно...
Мы их в этом кругу —
не вспомним.

Чаши полным —
за первых, тех!
И клянемся звенящим полднем:
неисполненное — исполним,
чтобы жизнь наша стала полным
подтвержденьем
их правоте... •

Сотрясаются стены люто —
это радостный гром салюта!
И гремит обновленный город,
точно все обретает голос —
и веселой травы побег,
камни улиц,
деревья,
стены

просят слова,
прострапства сцены,
продолженья своих побед!
Все растет в этот час весенний,
да и мы ведь растем со всеми,
вопреки увереньям лет,
и становимся все могучей:
чуть еще — и заденем тучи,
как Фархад
или Геркулес!
И вот-вот опрокинем вехи,
и уже в двадцать первом веке
у грядущих стучим ворот!
Что в руках наших?
Сабля, знамя?
Иль букеты — цветными снами?
И шагает победно с нами
в завтра
вырвавшийся народ...
Так!
Но время нас держит крепко.
Эти узы не превозмочь.
Клетка лет — как грудная клетка,
что не выпустит сердца прочь.
Да и в радости нашей — вдоволь
старой горечи.

Помолчи —
и услышишь: вздыхают вдовы ль,

мать ли плачет

в пустой ночи...

И бессонную эту горечь,
нейстертые чувства те
не отсеешь, не переспоришь
даже в праздничной суете.
Все мы помним!

Но тем сильнее
наши чувства,

и тем синее

эта майская синева,
и земля, побратавшись с нею,
тем прекрасней и зеленее,
поглотившая семена...
Как он рос, этот день девятый,
на крови и беде давящей —
как ни думать и что ни делать,
что ни думать

и что ни делать,

но с тех пор эта цифра «девять» —
наша гордость: минуты те ведь —
неизменный ее исток.

Этот день, полыхнувши алым,
накатился девятым валом
и, как вихрь с девяти вершин,
вздыбил тень девяти чинарам,
словно заново начинал он
и по-новому жизнь решил.
И, я помню, хотелось очень,
чтоб,

покуда тот день не стих,
ровно девятью девять строчек
уместил мой победный стих...

Даль годов

и пространства родины
озаряются светом тем:

ДРУГУ-ХУДОЖНИКУ

Р. Азмедову

Ты художник,
И ты влюбленный!
От кисти твоей
Звезды цветут
и цветы...
И природа
вопрос задает
Удивленный:
Кто их создал —
опа или ты?
Горы-камни
оглушены
Твоими печальями...
Эту линию ты начертил
Иль комета
Пролетела над далями?
Кто же
главный тогда
творец?
Чье чудесней
воображение?
Что же подлинник —
образец
Или изображение?
Ветер и люди
Гуляют в саду...
А ты?
Ты — дома,
Словно в бреду.

В тишине
ведешь бой
С самим собой...
Заблудился
в мечтах.
То, что знал,
повторяешь.
Ищешь цвета в цветах —
Себя теряешь...
Краски — твоя любовь.
Нет пути назад!
В любви ты Фархад,
Бехзад!..
Холст — пленка,
Младенец в ней,
Что растет
от твоих забот,
От опеки твоей,
От трудов...
И растет мечта,
Мадонны
нежней,
Новая высота!..
Мне ведь тоже
даровано
Это чувство.
Я ведь тоже
влюблен
В искусство...
Я грущу,
Я ответного чувства
Ищу!
Перед Решиным,
Перед Роденом
Я замираю:
Ведь любовь

Для влюбленного сердца
Подобна
и аду
И раю!

1971

ПРОСЛАВЛЯЮ ТЕБЯ

Прославляю тебя,
Ибо ты — убежденность моя,
Ибо мне без тебя
Невозможно представить и дня,
Ибо ты мне дала
Мою совесть,
И разум,
И честь,
Ибо ты для меня —
Все то лучшее,
Что во мне есть!
Моя дружба
И щедрость,
Душевность моя
И любовь,
Моя верность тебе,
Моя жаркая, алая кровь,
Радость праздника,
Ярость
И ненависть злая к врагу,
Все, что я написал,
Что еще написать я смогу,
Все награды,
Что я получил,
Жизнь...
И смерть...
Прославляю тебя!
Как мне это словами суметь?
О мать-партия!

Кланяюсь низко тебе!
Ты звездой путеводной
Всегда мне светила
В судьбе.
Над моей колыбелью
Склонялась,
Растила,
Дорогою правды вела.
Ты заботливой нянькой,
Наставницей мудрой была,
Моей матерью!
Та, что меня родила,
Мне на счастье,
Поныне живет.
Хоть за семьдесят ей,
Но она хлопотуньей слывет.
Если старость
Ее не пригнула к земле,
Если вдоволь всего
На ее хлебосольном столе,
В том заслуга твоя!
Что еще мне сказать?
Чем мне преданность,
Чем мне любовь доказать?
Только вера — порука.
В дни славы,
В дни горя
Ты — мое вдохновенье,
Моя неизбывная доля!
Моя доля из доль!
Мне не надо иной.
Делай все,
Что ты хочешь,
Со мной.
Посылай меня в воду,
В огонь.

Или в вечность веди!
Вижу завтрашний день
Впереди!
Мы шагаем вперед,
Весь народ
В этом строе едином.
Прославляю тебя,
Моя Мать,
Моя мама,
Онам ¹,
Онагинам ²...

1971

---

¹ О н а м — мать.

² О н а г и н а м — матушка.

БАЛЛАДА О ТРЕХ ГЕРОЯХ

Словно кувшин драгоценный
разбился...

Словно на землю,
Как сыч,
опустился

Мрак.
Три прекрасных
погасли звезды,
И никуда не уйти
от беды!

Словно
орган полновзвучный
расстроен...

Было их трое!
Было их трое!
Словно на клавишах
Белых и черных
Переплелись
в этих судьбах
тревожных

Смерть вместе с жизнью,
А счастье с несчастьем,
И изменить
ничего
я не властен!

Где три звезды?
Уж три дня
И три ночи
Сердце тоска беспощадная
точит...

В трауре люди,
Приспущены флаги,
Точками слезы мои
на бумаге...

Точка...
И хватит!
Возьмем себя в руки!
Хватит!
Забудем про горе разлуки!
Их беспредельное мужество
Вспомним,
Гордостью
воспоминанья наполним!

В памяти светлые
их имена:
Георгий Добровольский,
Владислав Волков,
Виктор Пацаев —
Будут храниться
во все времена!

Вспомним мы,
как экипаж корабля
В путь провожала
родная земля.

Двадцать четыре,
Двадцать четыре
Дней и ночей
Словно не было в мире
Темы иной для бесед
и для споров,
Кроме героев
вселенских просторов.

В космос все дальше
Они удалялись,
Силой земною
Их нервы питались.

Очень неясно,
                                  как будто в тумане,
Видели мы их
                                  на телеэкране,
И через множество
Разных помех
К нам долетали
Слова их и смех.
Вспомним
Высокий восторг
                                  тех моментов.

Шли поздравленья
Со всех континентов.
Мы и вздохнуть-то
Не успевали —
Землю герои
Вокруг облетали.
Сверху
                                  все страны
  точно игрушки,

А на Земле,
Как на мягкой подушке,
Белые пуговики
Двух полюсов
Плотно пришиты
С обоих концов.
А на Земле той —
Базы военные,
А на Земле той —
Ракеты прицельные,
А на Земле —
Империалисты,
А на Земле —
Дороги тернисты,
А на Земле той —
Ветра беспокойны,

А на Земле —
Продолжаются войны.
«Быть
или не быть...» —
Лозунг
для многих стран.
«Быть
или не быть...» —
Лозунг
для всех партизан!
А коммунисты
Недаром от века
Были ответственны
За человека.
И коммунист —
на переднем крас,
Легких дорог
он не выбирает!
И коммунистами
были все трое:
Георгий Добровольский,
Владислав Волков,
Виктор Пацаев,—
Соколы наши,
наши герои!
В космосе
Делали важное дело,
Делали то,
Что отчизна велела.
Помню я Кремль
И писательский съезд.
Люди из многих
Приехали мест.
Не удержал
Удивленного возгласа —
Вдруг голоса

Прозвучали из космоса!
Помню —
                приветствия не было выше,
Те голоса
                и поныне
                                я слышу,
Слышу —
Дыхание жизни в борьбе,
Слышу
Сердец их бесстрашных
                                биенье...

Кто мог утрату
Представить себе
В то потрясающее
                                мгновение?

Нет!
Я не верю
В подобную смерть!
Перечисляя их всех поименно,
Помню лишь только,
Как вздрогнула твердь,
Красная площадь,
Стена

И знамена...
Помню —
                три гроба,
Три гроба в цветах,
Словно весна
Им раскрыла объятия...
И имена,
Что у всех на устах,
Словно шепчу
                и шепчу,

Как заклетья...
Дарит земля им
Последнюю ласку

В этот печальный,
Торжественный день.
Бросила смерть
На правдивую сказку
Черную,
Черную,
Черную тень.
Не остановит —
Лучи свои льют
Звезды,
И света они
  не жалеют!

Не остановит —
«Союз» и «Салют»
В космос летят,
Горизонты светлеют!
И луноход
Продолжает свой путь!
С этой дороги
Уж нам не свернуть!
Не повернуть!
Трем героям
Хвала!
Вечно да будет
Их память светла!
Пусть установит, поставит
Навек
В космосе
Памятник им
Человек!

1971

СЕРДЦЕ, К БИТВЕ ГОТОВЬСЯ СНОВА

Обманул,
                  обманул
                                  я тебя!
В первый раз
                                  солгал,
  но любя...
Так
                  мне
                                  разум велит.
Мое сердце
                                  болит,
Я по лесу уже не брожу,
За столом не сижу,
Не могу сочинять стихи,
За какие
                                  такие грехи?..
Болен я.
                  Ты меня
                                  прости,
До тебя
                  мне
                                  сейчас
  не дойти.
Моя доля из доль,
Не могу
                                  разделить с тобой
  боль..
Ночь...
                  Уже три часа.
Острой боли прошла полоса,

Хорошо бы

поспать...

Но опять,

но опять,

по опять...

В сердце струны, видать, неисправны,

И мелодия сердца все глуше...

Может, это старые рапы?

Чем же я его ритм нарушил?

Среди множества дел

Поддержать не успел,

Подлечить не сумел,

А теперь вот таков мой удел,

Сам я,

сам я себя наказал.

От тебя это скрыл,

не сказал!

Уберечь хотел

от беды,

Замести хотел

все следы...

Я со смертью боролся

в тот день

И в ту ночь,

На меня надвигалась тень,

Не прогнать ее прочь!

На подушке моя голова,

И невняты слова,

слова...

Смерть — как море.

Я — лодка на сильной волне.

Утонуть мне придется вскоре,

Только что-то трепещет во мне...

Ложь, совсем не пустая,

Ложь святая,

Ложь во спасенье

Осенила меня своей сенью.

Эту ложь я к тебе несу:

«Я гуляю, родная, в лесу,
в лесу...»

Ты поверь,

ты поверь,

черноглазая,

Ведь тебе не солгал

ни разу я!

Но прошу,

ты сама не звони,

Извини,

извини,

извини!

Мне вставать не позволил врач...

Ты не плачь,

любовь,

ты не плачь!

Если

встать бы

я только смог,

Не жалея ног,

Я к тебе бы

дошел тогда,

Я остался б

с тобой

навсегда.

На плечах моих

столько

заботы!

Мной не сделано

столько

работы!

Нужен я еще

тем,

с кем дружен,

И народу,
и дому
нужен!
Быть врагом
хочу
я врагу!
Перед родиной
я в долгу!
В этом
жизни моей
основа —
Сердце,
к битве
готовься снова!

1972

ГОДЫ — НАГРАДЫ

*

Нет! Я не требую звания поэта,
Рано о том говорить.
Все, что покуда мной сделано, это —
Только лишь жажда творить.
Ночи и дни я стихам посвящаю,
Нет их дорожке на свете,
Их я учу, как отец наставляю,
Словно стихи — мои дети.
Рву ради них свое сердце на части,
Словно его тут вина,
Каждая строчка удачная — счастье,
Пьян я тогда без вина.
Все, что покуда мной сделано, — это
Только наметки пути.
Может, достигну я звания поэта,
Если как надо пройти.

1940

*

Сады парчою разукрасить рада
Несет весна охапками цветы,
Глаз бирюзу мне принеси и ты,
Моя невеста, радость и услада.

Когда, с небес покровы туч снимая,
Одарит солнце нас голубизной,
Не уходи, останься здесь, со мной,
Пойдем встречать веселый праздник Мая.

Развеет ветер лепестки соцветий,
На ветви вишен упадет роса,
И соловьев волшебных голоса
Вновь запоют о розах на рассвете.

Когда, любовь, перед твоею властью
Померкнут звезды, алая заря,
Румянцем ярким на щеках горя,
Пути укажет к завтрашнему счастью.

1940

Перед
    простым человеком!
Не стоит сила его
    ничего,
Припомнил
    сравнения ради.
А в Бекабаде
    идет торжество,
Праздник идет
    в Бекабаде.
Праздник
    до самой зари продлится,
И старые здесь
    и малые,
Отсвет багряных знамен
    на лицах,
Лица —
    тюльпаны алые...
Гряньте, карнаи,
    еще сильней
Среди
    веселого пира!
Металл — фундамент
    завтрашних дней,
Фундамент
    прочного мира!
Сыну-узбеку
    партия-мать
Вручает
    свое поздравление,
А завтра тебе
    дела принимать,
Грядущее
    поколение!

1946

ВЕЧЕР НА СТРОЙКЕ

На вершину холма по тропинке всхожу,
На черту горизонта, прищурясь, гляжу,
Где багровое солнце садится.

Вот на отдых плечистые парни прошли,
Их рабочие куртки в известке, в пыли,
Улыбаются потные лица.

А за ними гигантская стройка гудит,
И вздымаются краны, пацелясь в зепит,
И ползут трактора по равнине.

И с почтеньем на этих людей я смотрю,
Что, подобно старинному богатырю,
В бой вступили с драконом-пустыней.

О, могучая воля хозяев земли!
Сотни разных путей их сюда привели —
Из колхозов, и фабрик, и вузов.

Сотни чудищ стальных покоряются им,
И рычаг экскаваторы, щебнем сырым
Наполняя за кузовом кузов.

Вечереет... И заревом стройка зажглась,
И в широком канале, огнями искрясь,
Черно-синяя льется прохлада.

Словно вижу восход небывалой зари —
Это светится на берегах Сырдарьи
Негасимое сердце Фархада.

1947

СЛОВО О МОСКВЕ

Бессонное сердце России,
К тебе обращаю слова —
Все те, что мы в сердце носили,
Испробовав жизнью сперва.

В труднейшие наши години,
Когда ни звезды впереди,
Не ты ли для нас находила
К спасенью и счастью пути?

Питомцам великой державы,
Несчетным несхожим сынам —
Дороги расцвета и славы
Не ты ли наметила нам?

Каких бы имен ни носили —
Как лебедь надежды, бела,
В борьбе и работе не ты ли
Примером и светом была?..

Твой подвиг высок и огромен.
Мы помним, в душе затаив,
Кремлевское золото кровель,
Бессонницу улиц твоих,

Дыхание ветра сквозного,
Осенней листвы медяки...
Но вижу тебя я — и снова
Вскипают словами стихи!

Покуда глаза не смежили —
Ты с нами повсюду, Москва.
Ты слышишь? Покуда мы живы —
Ты в нас неизменно жива!

Бессонное сердце России!
Испробовав жизнью сперва,
Все те, что мы в сердце вложили,
К тебе обращаю слова...

1947

В СТЕПИ

Все степь да степь — и устают глаза,
Но поезд мчится к дальнему порогу,
С утра на стеклах светится роса,
А днем лучи струятся на дорогу.

Встав у окна, гляжу на степь,
И мне
Одна загадка не дает покоя:
Что шире — степь, летящая в окне,
Иль горизонт, объяввший степь собою?

Взлетает птица, крылья распластав,
И сердце дума новая тревожит.
Край так велик, что вновь стоит состав,—
Видать, и он без отдыха не может.

Опять на степь гляжу я из окна
И думаю, пока несется скорый:
Как велика родимая страна,
Коль эта степь — лишь часть ее простора!

1947

АРАЛ

Состав остановился у Арала.
Я из вагона вышел налегке.
Меня горячим ветром обдувало.
Морская гладь мерцала вдалеке.

И вспомнил я — ни веточки, ни стебля
Здесь не было в далекие года.
В песчаных бурях каторжники слепли,
Царем за правду сосланы сюда.

Здесь некогда — изгнанник из России —
Глядел Шевченко с грустью на пески.
Его стихи — свидетели живые
Насилия, несправия, тоски.

Здесь и другой поэт прошел, сгибаясь
Под ношей бед в былые времена:
Была душа великого Абая
Народным горем до краев полна.

А кем тут был Джамбул в глухие годы?
Не раз плетью избитый старожил,
Счастливый плод, желанный плод свободы
Не он ли только в старости вкусил?

Сейчас пустыня зеленью одета,
Народа жизнь, как летний день, светла.
Такое счастье даже мысль поэтов
Объять во всем величье не могла.

Горят огни бесчисленные в аулах.
По склонам бродят тучные стада.
И песни продолжателей Джамбула
Издали доносятся сюда.

И я люблю красоту Арала,
Землей, что так прекрасна и щедра.
А паровоз веселые сигналы
Нам подает... И снова в путь пора.

1947

В МЕТРО

По живым ступеням непрерывно
Вниз и вверх течет поток людской.
Под землю целый город дивный,
На стенах орнамент золотой.

Предо мной, как ясный день апреля,
Мраморная улица светла.
Поезд вылетает из тоннеля,
Будто бы ракета из ствола.

Я сажусь — по праву пассажира —
С чемоданом в поезд голубой,
Чтобы выйти в самом центре мира
И увидеть Кремль перед собой.

1947

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Разгорелась душа моя, взял я перо,
Что любовью к поэту согрето.
От цветов и плакатов в Ташкенте пестро
В этот день — в день рожденья поэта.

Сколько бурной воды с той поры утекло —
Целых пять многотрудных столетий.
От сиянья весны в нашем доме светло,
А весна — в небывалом расцвете.

Всюду видим и волю и силу свою.
Степь сверкает в ночи, как столица.
Будет день — и строптивую Амударью
Мы заставим себе подчиниться.

Посмотри, Навои, как расцвел Беговат,
Как чудесно Востока сиянье,
Как шумят корпуса, как мартены гудят,—
Разве знали о них в Хоросане?

И седой Самарканд, и завод наш гигант
Вдохновенья даруют истоки.
Не узбекская даль, а узбекская сталь
Знаменита теперь на Востоке.

Чтоб узнать благодатные звезды Кремля,
Нам не нужно таблиц Улугбека.
Посмотри, как богата узбеков земля
И как молодо сердце узбека.

Здесь иные законы, иные пути,
И, как море, стремленья безбрежны,
Если хочешь знакомых героев найти,
Посмотри на Восток зарубежный.

Посмотри: изнемог аравийский скакун,
Задыхается в путах свобода,
И бредет без Лейли одинокий Меджнун
Вдоль английского нефтепровода.

Посмотри на Стамбул, посмотри на Кабул,
На старинную крепость в Герате,
Где дехканин по-прежнему спину согнул,
Где святоши погрязли в разврате.

Посмотри на Иран, где несчастья приют,
Где живет лишь богатый в довольстве,
Где коварные дэвы плетут и плетут
Сеть интриг во дворце и в посольстве...

Тот Восток на Советский Восток не похож,
Как недуг не похож на цветенье,
И не там ты лежишь, а у нас ты живешь,
По-узбекски звенишь и по-русски поешь,
Обретая второе рожденье.

1948

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Спокойной ночи, мой читатель!
Спи сладко, до утра.
О резвый ветер, мой приятель,
Уснуть тебе пора!

А я в сад творчества пойду,
Коль сад себе завел,
Чтоб новый саженец в саду
Зазеленел, зацвел.

1948

ТАШКЕНТ

Рыжеватая горстка ташкентской земли
На широкой ладони моей.
По земле этой древней столетья прошли,
Кровь и пот перемешаны в ней.

Поколенья по ней чередою прошли,
Проросла на курганах трава.
Но парода труды не истлели в пыли,
Но народная мудрость жива.

Люди смертны. Но смерти не знают дела.
С малолетства — в труде человек.
Мастерству, вдохновенью, упорству — хвала!
Созиданию — слава навек!

Человек превращает пески в цветники
Силой мысли своей и труда.
Он в пустынной степи создает кишлаки
И закладывает города.

Он оазис взлелеял и крепость воздвиг,
Хоть безводна земля и скупа,
Так, мой город, в былые века ты возник,
И назвали тебя — Сочтена.

Ты надежной твердынею в древности был.
Сколько выдержал штурмов — не счесть.
Искандера нашествие ты отразил,
Отстоял ты народную честь.

Смерч иранский, самум аравийский не раз
Уносил ароматы твои.
Вражий ветер пытался похитить у нас
Золотые слова Навои.

Здесь великие предки увидели свет,
Мы их память нетленную чтим.
Древний город! Сияние будущих лет
Разглядел ты сквозь бурю и дым.

Налетала гроза, улетала гроза,
Шла История, в трубы трубя...
Я, счастливый, впервые открывши глаза,
В день рожденья увидел тебя.

Пусть ты в шрамах боев и от бед поседел,
Над тобой полыхала заря.
Наконец тебе выпал счастливый удел
В незабвенные дни Октября.

Город мой, ты столицей республики стал,
И гордится тобою Восток.
Здесь огнями проспект Навои засверкал,
Будто шумный, весенний поток.

Молодеешь и ширишься ты что ни год.
Вахту мира ташкентцы несут.
Календарь обгоняя, шагают вперед
Патриоты, влюбленные в труд.

Мелодично куранты ташкентские бьют,
Вторя дальним курантам Кремля.
На широких бульварах деревья цветут,
Хорошеет родная земля.

Мирный город! Ты светел и необозрим.
Песней славлю твое торжество.
Твой наследник, горжусь я наследством таким
И в труде умножаю его!

1948

МЫ СЕЕМ ХЛОПОК

Еще не поредела тьма ночная,
А старикам и юным не до сна,
И тракторы гремят, не умолкая.
Мы сеем хлопок. На земле — весна.

Весна не ждет и, план опережая,
Идет по фронту посевных работ,
А хлопкороб мечтой об урожае,
Заботою об осени живет.

На пашне — агроном и агитатор,
Врач, журналист, механик, полевод...
Трудясь, как все, с рассвета до заката,
Всю пашню председатель обойдет.

Где землю бороздили сотни трещин,
Растут сегодня яблони, урюк.
Миллионы нежных лепестков трепещут,
Сады в цветенье — дело наших рук.

Настанет утро. И чудесной былью
На пивах и в садах, из края в край,
Как море, разольется изобилье —
Узбеками возвращенный урожай.

1948

ОКТАБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Светаёт, и день начинается заново
Под гул голосов, площадями творимый.
Как будто опять занимается зарево
Зари октябрьской, неповторимой.
И ветер уже налетает по-зимнему —
Как выстрелы,
хлопанье крыльев огромных!
Как будто опять холостыми по Зимнему
Стреляет начавшая эру «Аврора».
А небо над городом серым зашторено,
Но в городе праздничном поминутно
Простое что-нибудь,
обычное что-нибудь
Напомнит нам то величайшее утро.
Не зря отмечается дата славная!
Нам представляя без ложного нимба,
Самую суть свою, главное самое
В нас революция сохранила.
Она не кончилась, революция!
Одолевая старья притяженье,
Стремит она вверх нас,
и наше лучшее —
Ее счастливое продолженье.
Утро. День начинается заново —
День грядущий, страной творимый.
И над землю не гаснет зарево
Зари октябрьской неповторимой.

1949

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА

Не раз объезжал я, друзья, Фергану,
Но снова и снова стремлюсь я сюда.
В долине здесь раньше встречают весну
Творцы изобилия, люди труда.

В садах я бывал и на пашнях бывал,
Глядел в зеркала пробегающих вод.
Созданье народа — Ферганский канал
Вдоль новых полей величаво течет.

Кетменщицы дружно вошли в борозду.
Красавицы! Ваша дорога ясна.
Вам осень сулит Золотую Звезду,
Ваш труд увенчает наградой страна.

— Удачи вам, девушки! — звонко кричу.
— Счастливой дороги! — несется в ответ...
Пусть песня поэта, подобно ручью,
Вливается в море народных побед.

Просторы твои, Фергана, широки.
В долине, где солнце печет горячо,
Уже заалел виноград чилляки¹,
А снег на вершинах сверкает еще.

Простым, но от сердца идущим стихом
Я славлю богатства твои, Фергана.
В оазисы, созданные трудом,
Сегодня природа сама влюблена.

---

¹ Ранний сорт винограда.

В степи, где трава засыхала в пыли,
Мы хлопок посеяли — радость земли,
Огни Кувасая сверкают вдали —
Мы в наши селения свет провели.

В долине, где пел незабвенный Хамза,
Красуются Шахимардана сады,
Чинара шумит, тяжелеет лоза,
Далеко разносится запах джиды¹.

Здесь персик созрел, поспеваает миндаль,
Мичуринцы выходили виноград.
Немолкнувшим гулом наполнена даль —
В степи неоглядной машины гудят.

Кто здесь побывал, тот вернется сюда,
В долину, что золотом белым полна.
Тут, словно три брата родных, города
Стоят —

Наманган,

Андижап,

Фергана.

Обильная осень приходит в наш край,
Две чаши весов расставляет она.
Коль взвесить республики всей урожай,
Считай, половину дала Фергана!

В долине здесь раньше встречают весну,
Здесь древние земли вспоила вода.
Не раз я объездил, друзья, Фергану,
Но снова и снова вернусь я сюда!

1949

¹ Джиды — дерево с серебристой листвой.

УКРАИНЕ

Песня дружбы летит
над великой страной,
Рассыпается эхом
в зеленых садах,
И всегда и везде
эта песня со мною,
Словно верный товарищ,
в боях и в трудах.

Эту песню повсюду
привычно ловлю я,
Эту песню по свету
несу сквозь года,
Эту песню хвалю,
эту песню люблю я,
Эта песня для сердца —
живая вода.

Эта песня о нашем
прекрасном грядущем,
И сегодняшний день
в этой песне воспет,
Украина поет
о Востоке цветущем,
Об Украине пишет
узбекский поэт.

Украина,
клянись тебе снова и снова,
Что меня покорила
твоя красота,

КАРАВАН

О горожане! Это к вам,
Дороги выбравши заране,
Спешит со щедрыми дарами
Груженный счастьем караван.
Дороги точно снег замел.
Грохочет труб разноголосье.
И зреют алые колосья
Подъятых праздничных знамен.
Перед осенней щедротой
Ты в удивленье рот разинешь.
О караван... нескоро финиш.
И на пути — за тоем той...
И говорит дехканин-дед,
Погладив бороду довольно:
— Да,
    поработали довольно.
И на лето — обиды нет...—
Земля, одень наряд свой лучший,
С поклоном встреть и провожай
Его Величество — идущий
Из кишлака к нам урожай.

1951

ТАШКЕНТСКИЙ ФОНТАН

Уж солнце прячется в раскидистых чинарах,
Вечерним небесам даря лучи свои...
Немало горожан — и молодых и старых —
Приходит в этот час на площадь Навои.

Высоко струи бьют. И купол театральный
Торжественно плывет в закатный небосвод...
А в зале — музыки растет прибой печальный,
Зарема жребий свой в отчаянье клянет.

Звенит ручьями слез фонтан Бахчисарая,
И скрипки вторят им то глуше, то звучней,—
Безумствует Гирей, от ревности сгорая,
Убить любимую готов во цвете дней,

И бьется — выхода из клетки не находит
Марии-пленницы смятенная душа!..
Закрылся занавес... И зрители выходят,
Вечерней свежестью задумчиво дыша.

Пред ними в сумерках на площади громадной
Бурлит другая жизнь, шумит фонтан другой,—
В блистанье фонарей, в кольце толпы нарядной
Он ввысь взметается серебряной дугой.

Народу будет здесь полно до самой ночи,
И кажется, сюда собрался весь Ташкент:
С женою и детьми пришел сюда рабочий,
С подругой стройною беседует студент.

Слова заветных дум, слова душевной ласки,
И каждая мечта — как пламенный тюльпан...
Каким печальным был фонтан бахчисарайский,
Как радуется сердца ташкентский наш фонтан!

Как много разных лиц — и молодых и старых,
И сколько в их глазах добра, надежд, любви!..
А солнце прячется в раскидистых чинарах,
Вечерним небесам даря лучи свои.

1952

ГОЛОС НАРОДА

Я думал, что рассвет так ярко светит,
А это свет зажег великий Ленин,
Чтоб он светил всех радостней на свете,
Для многих стран, для многих поколений.
Я думал, что — заря, а это — знамя
Пылает ярче алого восхода,
Победное, колышется над нами
Священной волей вольного народа.
Народ — мудрец, а мудрость — это море,
Чью глубину постигнуть невозможно,
Оно осилит и беду и горе,
Оно отбросит прочь все то, что ложно.
Чиста душа народа, словно небо,
Мечты народа — в этом небе птицы,
Он былью может сделать даже небыль,
Недаром он к иным мирам стремится.
Вскипает он высокою волною,
Сметает он с пути преграды прочь,
Народ, ведомый партией родною,
Рассеял в Октябре глухую почву.
Он счастлив жить в своем краю богатым,
В краю, где мир отныне нерушим.
Пред силою народа меркнет атом,
В бою, как лев, народ неустрашим.
И ничего угрозой не достигнет
Тот, кто готовит новую войну, —
С мечом пришедший от меча погибнет,
Враг не осилит мирную страну.

Да будет зреть на мирной пшве колос,
Да будет светел добрый мир во мне,
Я думал — это гром, а это — голос
Народа, говорящий «Нет!» войне.

1955

МОЕ ГРЯДУЩЕЕ

Занимается день, разгораясь в шелках
Первомайским рассветом полотниц.
Сегодня я сына несу на руках,
Мы идем с ним на Красную площадь.

Всех в нарядные платья
Одела весна,
Руки ввысь поднимая над нами,
Словно море, колышется нынче она
И играет на солнце волнами.

И мне хочется сына
Повыше поднять,
Чтоб взглянул
На колонны идущие.
Пусть он смотрит
На наш первомайский парад —
Сын! —
Надежда моя и грядущее.

1956

ПОЛЯ

Благодатью зеленые дышат поля,
Драгоценны в них воздух, вода и земля,
Как у матери милой, дары их светлы,
Как у матери милой, объятья теплы.
Небо алой зарей над полями расколото.
Хлопок — жемчуг в кувшине из чистого золота.
Завтра щедро прольется чудесный кувшин,
Завтра встанет хирман до небесных вершин,
В том высоком хирмане — желанье народа,
Чтоб росли урожаи от года до года.
Хлопок — хлеб наш насущный и наше дерзанье,
Хлопок — наших отцов и мечта и призванье.
Он недаром вобрал в себя многие хлопоты:
Нити дружбы и кровного братства — из хлопка.
Неразрывен он с бытом родных наших мест,
Ведь из хлопка приданое юных невест,
Хлопок — пища дехканина в голой пустыне,
Хлопок в космосе светит звездой отныне.
Так записано в сердце народном от века:
Хлопок — гордость узбека и счастье узбека.
Знамя мира из хлопка, багряное знамя,
Что горит над Кремлем, как победное пламя.

1957

*

Скорей хотел я в детстве взрослым стать.
О, до чего наивен был тогда я!
Могу мечту ту сбывшейся считать,
Ведь голова моя уже седая.

Свою судьбу держу в своих руках.
Нам никуда от времени не деться,
Не ямочки — морщины на щеках,
Под сорок мне, но нет дорожке детства.

1957

НОЧНЫЕ СТРОКИ

Крадется сон давно к моим глазам,
Смыкаются усталые ресницы,
Но эхо дня звучит во мне —

и сам

В мозгу он сотней образов теснится.
Вся лента дел проносится, рябит.
Стоит луна, в окно мое уставясь.
И мысли, мысли, точно воробьи,
Спешат по крохам всю склевать усталость.
И сон бежит. Включаю свет.

Встаю.

Настойчиво одна всплывает дума.
И я иду к рабочему столу,
Как бы ища лекарство от недуга.
Пора, перо! Лечи меня, лечи
В бессоннице моей непоправимой,
Лети вперед, перо мое, лети,
Как дождь косой над жаждущей равниной.
А ты, о белый лист,

мой лучший врач,

Ты все узнаешь, что со мной творится!
Тебе вовек я не смогу соврать,
Перед тобой не смею притвориться.
Да будет белизна твоя строга,
Чтоб помнил я,

ко лжи не приспособясь:

Убийственна фальшивая строка —
Как то пятно, что разъедает совесть!..
Перо летит... А рядом бродит сон,

Плывет сквозь тучи лунная пирога,
И образ дня, беззвучен, невесом,
Стоит всю ночь у моего порога.
И что-то словно шепчет мне:

«Не ты,

не ты один ночных свершений автор.

Твои ночные строки — близнецы
Несчетных дел, которым имя — Завтра.
Смотри, Восток ночной союз расторг:
Встает заря...

А где-нибудь на пашне
Вот в эту ночь проклюнулся росток,
Посаженный на целине вчерашней.
Всё стих вобрал, не зная сам о том:
И то, что этой ночью, может случиться,
В последний раз уложен был бетон
В плотины величайших гидростанций;
И то, как, наклонясь прощально над
Кроваткою с беспомощным созданием,
Готовится к полету космонавт
С еще неизвестным земле заданием;
И тень, что промелькнула мимо нас:
Шел юноша походкой легкой мимо,
Шел юноша, впервые объяснясь,
Поверив, что и он владеет миром!..

Все это — ночь, не ведавшая сна:
Громады дел, и чувств, и мыслей ворох...»

Прохладой утра веет из окна.

Стих — как металл,

что застывает в формах.

1962

СЛОВО

«Ташкентская правда»,
В утренний этот час
Прошу трибуны.
Слова прошу у вас.
Прошу, редактор,
Колонку хотя б одну,
Чтоб с урожаем
Поздравить свою страну.

Рано проснулся,
Яркий чапан¹ надел.
Ждет меня нынче
Много хороших дел.
Радость поет в груди,
Рвется наружу.
Я воздержанье,
Я свой обет нарушу.
Знаю, простится
Эта моя вина,
Что обойтись не смогу
Без глотка вина.

Сам удивляюсь:
К чему мне пынче вино?
Разве оно, как счастье,
Душе дано?
Разве оно —

---

¹ Чапан — национальный халат.

Волнение,
Желание,
Свет?
Разве оно —
Внешнего сада привет?
Разве оно —
Пенье свирели в саду?
Губы любимой
В сладком густом меду?
Гляжу на небо —
Пышен восход и ал,
То поднимает небо
Солнца бокал.
Я поднимаю чашу,
Ибо от века
Небо примером было
Для человека.

Нынче,
Покуда хватит дыхания,
Я говорю
О счастье дехканина.
Надели люди
Одежды нарядные,
На висках —
Коробочки хлопка парные.
Вот проходит
С невестой жених,
И любят все на них.
Это им
Все подвластно отныне.
Это они
Покорили пустыню.
Это они недра земли открыли,
Это они всюду первыми были,—
По проводам

Отправили ток,
К новой жизни
Воззвали Восток.

Дайте слово,
Прошу я снова
И снова!
Уж пролиться
Песня моя готова.
Мир и счастье
Вашим домам богатым!
Только парные
В рощах
Рвите гранаты!
Пусть приносят овцы
Ягнят по паре!
Кишлаки гордиться
Достатком вправе!

Ждите,
Ждите, люди,
Хороших вестей!
Ждите в дом
Веселых гостей!
Выше чаши с вином золотым.
Выше!
Новый праздник
В дорогу вышел!
Дайте слово
И полную дайте чашу
За победу,
За волю,
За долю нашу!

1966

*

Я странствовал и в лете и в зиме —
Текла жара и холода стояли;
Я одолел немало на земле
Отчаянных преград и расстояний.

Я распахал небесные поля
И хляби перепахивал морские,
И здесь равнина подо мной спала,
Там — горных кряжей дыбилась стихия...

Я прошагал по тысяче дорог —
То в облаках, то в черных коридорах;
Но ни устать, ни сдать я не мог:
Ведь каждый путь мне легок был и дорог...

Так отчего, мучительно мечась,
Мне застилает взоры недоверье
И так бессильно медлю я сейчас
У этой вот полуоткрытой двери?

В песке ли вязну, иль тону в снегу,
А сердце задыхается в тревоге,
И одолеть никак я не могу
До глаз твоих коротенькой дороги...

1972

Я — А З И А Т

ЛЕГЕНДА О МИРЗАЧУЛЕ

Нынче праздник хлопка в Мирзачуле.
Собрались колхозники на той.
Гости звонко песню затанули,
Заливается сурнай хмельной.

Той подарком дорогим украшен,
Как обычай прадедов велит.
Что сравнится с пышным хлопком нашим?
Дорог этот дар и знаменит.

Словно жемчуг в раковине,
Зрел он
В маленькой коробочке своей.
Как он нежен!
Как пушист и бел он —
Снега первого нежней, белей!

Только все, что есть на этом тое —
Белый хлопок,
Смуглые плоды
И вино прозрачно-золотое,—
Не пришло б, коль не было б воды.

Деды жили не в саду — в пустыне.
Травы были желты, как песок...
Часто мы позабываем ныне,
Как закон пустыни был жесток... •

Смолкло вдруг застольное веселье.
Лишь арык журчит в почпой тиши.
На свои места танцоры сели —
Слова попросил седой бахши.

— Расскажу вам о минувшем горе.
Расскажу о давних временах...
Жили деды, с нищетою споря.
Земли обратились в мертвый прах.

От безводья трескались, бывало,
Наши плодоносные поля.
Жутко выли по ночам шакалы.
Дети, о глотке воды моля,
Умирали,
Как цветы увянув...
Ждал во тьме добычи лиходея.
Гибли в зной десятки караванов,
И лизали волки кровь людей.

Тосковал народ по добром чуде.
Пропадали все труды зазря.
О живой воде мечтали люди,
И земля ждала богатыря...

В Мирзачуле,
Красотою славясь,
Юная Ширин тогда цвела.
Мир еще не знал таких красавиц.
Как луна, была она светла.

Но не только прелестью телесной
Девушка была одарена —
Добрым нравом и душою честной
Покоряла все сердца она.

И задумалась Ширин однажды:
Как избавить от беды народ?
Как спасти поля от страшной жажды?
Кто в пустыню воду проведет?

Много юношей за ней ходило,
О любви твердя ей без конца.
Все они красавице постылы:
Жарки речи — холодны сердца!

И поставила Ширин условие:
Тот, кто напоит поля водой,
Будет награжден ее любовью,
Будь он старый или молодой.

Только все усилия бесплодны —
Как пустыня превратится в сад?..
И тогда явился благородный
И отважный богатырь Фархад.

Не страшился недруга и зверя,
Жажду он терпел и суховей,
Рыл песок, в победу твердо веря,
Добывая воду для людей...

А злодей Хосров, коварный, ловкий,
Тоже был в прекрасную влюблен...
Камышовые собрал циновки
И пустыню ими выстлал он.

Это ночью было...
Утром рано
Пригласил Ширин к себе Хосров.
Не ждала прекрасная обмана
И доверчиво пришла на зов.

И сказал Хосров:
— Моя царица!
Хочешь ли на чудо ты взглянуть?
Едем тотчас — надо торопиться! —
Собралась она в недалний путь.

— Позабудь навек свое унынье! —
Молвил ей коварный.—
Посмотри! —
В мертвой, выжженной дотла пустыне,
В ярком свете молодой зари

Белые циновки в отдаленье
Показались речкой средь песков...
Дрогнули у девушки колени.
В свой шатер увел ее Хосров...

Но когда погас закат усталый
И разлился тусклый лунный свет,
Вновь в седой пустыне пусто стало,
Блещущей реки пропал и след.

Пасть пустыни воду проглотила!
Мир покрыла траурная тьма,
И Ширин сошла тогда в могилу,
Смерти обрекла себя сама.

А Фархад, узнавши о несчастье,
Отшвырнул кетмень свой, говорят.
Сердце вдруг разорвалось на части,
И окаменел навек Фархад...

Задрожали трепетные струны.
Голову склонил бахши седой...
Не один смельчак, горячий, юный,
Жаждал землю напоить водой.

Порознь гибли витязи впустую,
А земля богатыря звала,
Добрым чудом бредила, тоскуя,
Жаркая, сухая, как зола...

Но дождались чуда земли наши,
Пробудилась выжженная ширь.
Жизнь узбеков стала полной чашей —
Это сделал славный богатырь!

Это — дело рук простых героев.
Все осилил богатырь-народ.
Заново природу перестроив,
Он уверенно глядит вперед.

Восстают из мертвых наши степи,
Целина становится ручной...
Встал рассвет во всем великолепье,
Но не умолкает шумный той.

Белый хлопок, словно снег неожиданный,
Радостно сверкает на столах...
Хоть сейчас еще и очень рано —
Песни зазвенели на полях.

Звезды на небе давно уснули.
Влажный ветер трогает листву...
Нынче праздник хлопка в Мирзачуле.
Вижу, слышу сказку наяву.

1956

ДВА КОНТИНЕНТА ВСТРЕТИЛИСЬ

*Участникам Ташкентской
конференции писателей
стран Азии и Африки*

Наряд весенний, улицы, наденьте,
Пусть льется радость в наших голосах:
Два континента встретились в Ташкенте,
Два солнца повстречались в небесах!

Я — азиат, я — сын страны свободной,
Я счастлив братьям руку протянуть.
С волнением гостей мы ждем сегодня,
Продлавших такой далекий путь.

Ташкент, Ташкент, о мой любимый город,
На ста наречьях ты заговорил,
И сердце бьется радостно и гордо
В живом потоке этих свежих сил.

Как ты вместить могла, моя столица,
Так много разных мыслей и надежд?
Сиянье дружбы искренней струится
От смуглых лиц и красочных одежд.

Добро пожаловать, друзья и братья,
Глашатаи свободы и добра,
К борьбе за правду вас хочу призвать я,
Отточенного слова мастера.

Заря над Африканским континентом
Слилась с зарей над Азией моей!
Звучат, звучат над утренним Ташкентом
Приветственные возгласы друзей.

1958

ГЕОЛОГ

Жара в Кызылкумах!..

Палящего ветра дыханье...

Как море — пустыня,

попробуй пешком пересечь!

Бредешь, задыхаясь...

В глазах — лишь огня полыханье,

Равнина и небо — одна раскаленная печь.

Пылают барханы.

Кругом — ни куста, ни травинки.

Во рту пересохло, и кажется чудом вода...

Откуда же здесь эта девушка в пестрой косынке?

Красива, стройна...

Как такая попала сюда?

Скажи, не из тех ли она городских белоручек,

Что с первых же дней начинают проситься домой,

В песках очутившись, боятся фаланг и колючек,

Боятся, что кожу испортит им ветер и зной?

Но нет!

Не назвать ни капризной ее, ни трусливой,

Все время в пути — на коне, на верблюде, пешком...

Как горный тюльпан,

и красива и неприхотлива,

Она и в пустыне осталась чудесным цветком.

Я знаю ее,

да и вы ее знаете тоже,

Не зря наши парни по ней посходили с ума:

Короною — косы,

как золото — смуглая кожа,

А черным бровям не нужна никакая усма.

ДА, Я — АЗИАТ

Я — сын свободного Узбекистана,
Советского народа верный сын!
Горжусь своей судьбой,
Хоть это очень странным
Вам, видно, кажется,

заезжий господин.

У вас всегда усмешка наготове,
И, бросив на меня высокомерный взгляд,
Вы приподнимете седеющие брови,
Презрительно подумав:

«Азиат...»

Но что же унижительного в этом? —
Позвольте напрямик

задать такой вопрос.

Мы оба — жители одной планеты,
Пора бы нам поговорить всерьез.
Солидный, грузный,

в смокинге лощеном,

Вы с виду — настоящий джентльмен,
И удивляюсь я,

что в мире потрясенном

Не замечаете вы многих перемен.

Покорный раб,

жить в нищете привыкший,

Трудолюбивый, бессловесный скот,
Притоны,

опиум,

чахоточные рикши,

Нефть, и алмазы, и кровавый пот,

Экзотика лачуг да идолов старинных,

Литые мускулы, подобострастный взгляд,
Лохмотья,

грязь,

рубцы на тощих спинах —

Да, вот что значило когда-то:

азиат.

Сын континента,

необъятного как море,

Где, сбросив тяжкий чужеземный гнет,

На новых дней сияющие зори

Глядит с надеждой

трудовой народ,

Порывы смуглых рук,

срывающих оковы,

Сил пробужденных грозный водопад,

Весна народов,

солнце жизни новой —

Вот что сегодня значит:

азиат!

Я — сын цветущего Узбекистана,

Советского народа верный сын!

Нас представляли вы себе весьма туманно,

Узнайте хоть теперь,

почтенный господин.

Взгляните на меня.

Ни званий, ни отличий.

Таких — миллионы у моей страны.

Но мужество ее,

правдивость

и величье

В любом из нас, как в зеркале, видны.

Кто сеет и кует,

в степях сады сажает,

Всего превыше мирный труд любя,

Серпом и молотом

весь мир преобразует,

А вместе с ним — и самого себя?
Кто щедрой житницею
  сделал край целинный,
Запряг в турбины мощь сибирских рек,
Возводит зданья,
  стадионы
  и плотины?
Все это я — советский человек.
Кто день и ночь творит
  цветные реки тканей
И огневые реки чугуна?
Кто силу грозную,
  дремавшую в уране,
Разумной воле подчинил сполна?
Кто, Землю облетев в скафандре космонавта,
Теперь к другим мирам
  уже берет разбег?
Кто на Луну,
  на Марс
  готов лететь хоть завтра?
Все это я — советский человек.
Кто встал на страже,
  чтоб рукой рабочей
Сберечь от гибели
  свободу, счастье, жизнь?
Кто первый на земле,
  как неустанный зодчий,
По планам Ленина возводит коммунизм?
Все это я — сын родины единой,
Эстонец,
  белорус,
  грузин,
  узбек,
Со лбом мыслителя
  и зоркостью орлиной
Творец грядущего — советский человек.

Здесь все — мое!

Поля, заводы, недра,
И виноградный Крым,
и ледяной Памир...

И с этой высоты,
где солнце светит щедро,
Тюрьмой мне кажется весь ваш «свободный мир».
И улыбаюсь я,

веселый,
закаленный,
Весны и юности назвапый брат,
Неузнаваемый,
в труды и в жизнь влюбленный,
Когда-то угнетенный азиат.

А за моим плечом —
громадой величавой
Всей древней Азии раскинулся простор:
От рисовых полей

вечнозеленой Явы
До гордых граней Гималайских гор.
И там, где ницета царила вековая,
Где пот сочился с кровью пополам,
Оковы сбрасывая,

плечи расправляя,
Встают народы

к светлым временам!
Я — сын прекрасного Узбекистана,
Советского народа верный сын!
Теперь, наверно, вам совсем не странно —
Пожалуй, страшно вам,
зловещий господин?

Отвисла челюсть, и глаза застыли,
И проступила дряхлости печать...
О, лишь теперь во мне
вы силу ощутили,
С которой вам вовек не совладать!

Да, не помогут вам ни НАТО, ни СЕАТО,
Ни атомный шантаж,

ни яростная ложь...

Взвились над Азией

лучи зари крылатой —

Теперь ее попробуй уничтожь!

Вот почему горжусь своим происхождением

И, этой гордостью великою объят,

Друзьям — с улыбкою,

а недругам —

с презрением

Всегда отвечу:

— Да, я — азиат!

1960

БАЛЛАДА О СЕРДЦЕ ЛУМУМБЫ

Я видел его
на трибуне ООН.
И на неммыслимом расстоянье
Слушал его, затаив дыханье,
Грозным видением потрясен.
Да, это он,
глашатай свободы,
Распятого Конго бесстрашный сын,
Сердце отдавший
за счастье народа,
Как сказочный исполин.
Да, это он,
орел величавый,
С вороньей стаей вступивший в бой,
Да, это он,
чья внезапная слава
Спутником шар облетела земной.
Да, это он,
живая легенда,
Убитый,
зарытый,
воскресший вновь!
Над пальмами Черного континента
Зарей разливается его кровь.
Витают над Африкой
его призрак,
Горячим дыханьем в лица бьет
И снова,
до боли знаком и близок,

Здесь,
на трибуне ООН,
встает.
Стоит, обличая врагов
на чистом,
Понятном каждому языке.
Стоит — и сердце свое лучистое
Людям протягивает в руке.
Как вдруг
из простертой вперед ладони
Выпало сердце —
и дрогнул зал.
Казалось: вспыхнув на небосклоне,
Густую тьму метеор пронзал.
Падало сердце,
грозно пылая,
Все на пути превращая в прах.
Взвыли враги,
будто волчья стая,
В глазах заметался страх...
В дверях полисмен,
дрожа от испуга,
К месту прирос, отирая пот...
Крича,
грохоча,
толкая друг друга,
К упавшему сердцу
хлынул народ.
Хлынули люди с чистою совестью,
Скопище вражье
втоптали в грязь...
И, поднято бережными руками,
Над потрясенными материками
Вспыхнуло снова
сердце Лумумбы,
В солнце слепящее превратясь!

1961

СВЕТ И ТЕНЬ

ЦИКЛА «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»

НА ГРАНИЦЕ

Никогда я чужбины не видел,
Но всему наступает свой срок,
Никогда я границы не видел,
А сегодня ее пересек.

Но скажи: разве это граница?
Так она только прежде звалась.
Разве вправе назвать мы границей
Двух друзей нерушимую связь?

Предо мною раскинулась Тисса,
Как широкий солдатский ремень.
Отражает прозрачная Тисса
Нашей встречи сверкающий день.

И вхожу со словами привета
В этот край, где повсюду друзья,—
Пусть весенней улыбкой привета
Будет песня согрета моя.

Два побережья сияют цветущих
Над лазурной речною волной —
Два огромных букета цветущих,
Перевязанных лентой одной.

А над нами — летящее знамя,
Птицей дружбы его назови,
Словно пламя, колышется знамя
На волнующем ветре любви.

Две державы, два брата свободных
Отражаются в зеркале вод,
Два народа, навеки свободных,
А над ними — один небосвод.

Воя венгерский стоит пограничник
На широком и гулком мосту.
Улыбается нам пограничник:
Здесь доверье стоит на посту!

1957

БУДАПЕШТ

Каршаты позади —
И предо мною
Во всем величье Будапешт встает.
У ног моих Дунай, плеща волною,
Как музыка прозрачная, течет.

Я на мосту
И в тишине глубокой
Гляжу туда, где даль еще смугла,
Вот начинается солнце путь с востока
Жар-птицею, расправившей крыла.

Блестят лучи
На куполах и крышах —
И готика вся в радуге цветной.
Плоды трудов
Тех, кто на подвиг вышел,
Воочию встают предо мной.

События —
За далью лет в тумане —
В моем воображении встают.
То слышится легенда о Стефане,
То чудятся Петефи и Кошут.

Увы! На стенах,
Подходя к ним близко,
Я вижу след каленого свинца.
Прибитая к простому обелиску,
Горит звезда советского бойца.

О Будапешт,
Пройдя сквозь пекло боя
И уничтожив вирус мятежа,
Ты встал как богатырь —
И над тобою
Вновь блещет небо, тишиной дыша.

О город древний,
Где живет народа
Душа, вольнолюбивая всегда,—
В дунайские ты загляделся воды,
Как блещущая на небе звезда.

1957

ТОСТ ДРУЖБЫ

Дождливо, сыро за окном...

И вдруг

На нас теплом дохнул холодный зал,
Когда, поднявшись, будапештский друг
С проникновенной теплотой сказал:
— Не случай сводит преданных друзей,
Для друга друг — желанный гость всегда.
А разве дружба может быть верней,
Чем у людей свободного труда?
В ее лучах расцвел мадьярский край,
Как расцветают майские цветы,
И катит волны весело Дунай
В грядущий день прекраснее мечты.
Там, где вчера оставила война,
Казалось бы, неизгладимый след,
Прошла, как плугом, мирная весна,
И след исчез,

и разрушений нет.

Но, посмотрите, снова шар земной
Объят тревогой,

вновь расколот мир.

Грозит нам Запад атомной войной,
Несет Восток для всех народов мир.
Я верю: не померкнет синьсва,
Война убита будет наповал.
Тому, друзья, порукою

Москва!

Я поднимаю за нее бокал.

Она развеет в небе облака,
Она не даст лежать земле в крови.
Я пью за нашу дружбу на века
Вино великой солнечной любви!

1957

ПАМЯТНИК СВОБОДЫ

Рассвет над Будой занялся,
И в трепетном сиянье
Зажглось, как факел, над горой
Свободы изваянье.
Еще внизу синела мгла,
А там уже блистали
Победоносные черты
На гордом пьедестале.

Но вот с горы спустился луч,
Как робкая надежда,
И ласковым крылом скользнул
По кровлям Будапешта.
В глаза и окна заглянул,
Согрел сердца людские
И плечи фабрик озарил
И трубы заводские.

Потом позолотил холмы
И пламенным разливом
По свежим всходам побежал,
По бесконечным нивам.
Проснулась, ожила земля,
Теплом лучей согрета,
И разлилось по всей стране
Снятые рассвета.

1957

ТОКАЙ

Приходилось ли пить вам
Венгерский токай?
Он — как самая редкая роза.
Переносишься сразу в заоблачный край,
И тускнеет житейская проза.

А как тонко подобрана, как хороша
Пряных запахов сложная гамма,
И его ароматом волшебным дыша,
Как не вспомнить Омара Хайяма!

Он сказал бы о вкусе токая:
«Как целительна влага такая!..»

Мы летим золотистой долиной Токай,
А в лучах виноградники блещут
И, суля виноделам большой урожай,
Вырезною листвою рукоплещут.

Средь садов и селений дорога неслась,
Устремляясь в зеленые дали,
И своей благодатной землею гордясь,
Нас повсюду друзья зазывали.

Да, поистине разнообразны
Были этой долины соблазны!

Перед садом тенистым мотор заглушив
И решив отдохнуть хоть минутку,
Заглянули мы в сельский кооператив,
Задержались же там не на шутку.

Прямодушны улыбки венгерских крестьян,
И, желанью гостей потока,
Преподнес нам старик, седовлас и румян,
Полновесные грозди «токая».

Так и мы принимаем гостей дорогих,
Что знакомятся с Узбекистаном,
Да и стол, признаюсь, мог сравниться у них
Только с нашим большим дастарханом.

И скажу вам, друзья мои, прямо:
Был я в роли Омара Хайяма.

1957

ВЕНОК

Здесь советский солдат пал когда-то в бою,
И задумчиво, с братской любовью
На венгерской земле я у камня стою,
Что положен ему в изголовье.

А над нами черемуха в белом цвету,
Вешний ветер гуляет над нами,
И мне кажется, что не венок я кладу,
А горячее сердце с цветами.

1957

ВЕНГЕРСКОЕ МОРЕ

Здесь бродил я, густой синевой охвачен,
Здесь встречал я весенние зори
И постиг, почему голубой Балатон
Называют — Венгерское море.

В тишину было озеро погружено,
Серебрилось спокойно и сонно.
Словно синее море, бескрайно оно,
Словно синее небо — бездонно.

Даже птицу над ним ветерок не спугнет,
Не смутит это чудо природы.
Поднимается солнце над зеркалом вод
И спускается вновь в эти воды.

Говорят, это озеро в бурю страшно,
Бьет о берег волной разъяренной.
Словно сила народа, бескрайно оно,
Словно память народа — бездонно.

1957

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Искусство Венгрии кляня,
Они зажгли
Музей народный,
Но не смогли взнуздать коня,
Коня
Истории свободной.

Уже давно погас рейхстаг.
О, эти призрачные тени!
Они и здесь хотели так
Народ поставить на колени.
Но сбросил
Петефи тогда
Гранитное оцепененье:
— Вам не дожждаться
Никогда
От нас коленопреклоненья.

Набатом
В сердце проникая,
Поэта голос прозвучал.
И вот на берегах Дуная
Народ в одном порыве встал.

1957

ЧИНАРА

На окраине Буды
Я видел чинару большую,
Трепетала листва,
Серебрясь, как чеканный металл.
Присмотрелся я к ней
И припомнил, что точно такую —
Молодую, густую —
Я в нашем Ташкенте видал.

С чем чинару сравнить?
Говорят, что на нашей планете
Всех сильнее и выносливей,
Всех долголетней слоны,
Но еще удивительней
Гордых чинар долголетье:
Никакие на свете
Невзгоды для них не страшны.

Пусть ударит мороз,
Налетит ураган разъяренный —
Будут снова они
Шелестеть серебристой листвой.
Так я думал,
Любуясь
Чинары раскидистой кроной,
Об узбекской сестре,
Вспоминая ее молодой.

Две сестры, две чинары —
Они под одним небосводом

Широко распростерли
Свой пышный, зеленый наряд.
Так и наши народы
Под солнцем единой свободы
Поднимаются,
Крепнут
И свежей листвою шумят.

1957

БЕТХОВЕН

Он мадьярку любил молодую,
И, встречая рассвет голубой,
Говорят, что, безмерно тоскуя,
Он рыдал над своею судьбой.

Говорят, что сравниться с Зухрою
И с луной та мадьярка могла,
Что была безрассудна порою,
Но отважной и чуткой была.

Говорят, что мечтал он когда-то,
Вспоминая ее по ночам.
Есть в смятении «Лунной сонаты»
Отзвук бурь, что изведаль он сам.

Если б так он любить не умел,
Как бы чувства людей он воспел?

1957

НОЧЬ НА РЕКЕ

В прохладных сумерках тонули очертанья
Задумчивых дунайских берегов.
Плыл пароход...
Тускнели изваянья
Причудливых закатных облаков.

Стоял на палубе.
Ночная тьма сгустилась.
Лишь всхлипывала за бортом вода,
И в черной пустоте
Доверчиво светилась
Голубоватая далекая звезда.

Я вспоминал тебя —
Глаза, улыбку, плечи,
Весенним сумраком задумчиво дыша,
И белой птицею,
Как перед близкой встречей,
Истосковавшаяся дрогнула душа.

Наверно, и тебе сейчас не спится.
Украдкой вышла в сад.
Кругом ночная тишь.
И, стоя в темноте,
Сквозь влажные ресницы
На эту же звезду и ты глядишь...

Дрожали поручни,
С реки несло прохладой,
Огни пыряли в пенной борозде...

И верилось в тот миг:
Скрестились наши взгляды
На той далекой голубой звезде.

1957

СУМЕРКИ ДУНАЯ

Пленительный вальс голубого Дуная,
Наверное, слышали все вы не раз.
Я снова его берега вспоминаю
В закатном сиянье, в задумчивый час.

Прекрасен Дунай и мостов вереница,
Играет волна, подбегая к ногам,
Всегда на закате гуляет, толпится
Народ по обоим его берегам.

Тут старых рабочих ты встретишь под вечер,
Разносится девичий смех над водой,
И, вольно расправив широкие плечи,
Стоит на мосту штукатур молодой.

С реки ветерок набегает упругий,
Платки развеваются, плещет волна,
Задорно порхают ресницы подруги,
Любуется вечером ясным она.

А прошлое вспомнится — сразу сплошную
Багровою тьмой застилает глаза,
И нервы гудят напряженной струною,
И в сердце опять полыхает гроза.

Фашист, как собака, грозитя и лает,
Невинного травят и смелому мстят,
Отчаянье, злоба в душе закипают,
И пули шальные в проулках свистят.

На каждом шагу преступленье и горе,
Смятение и ужас на каждом шагу...
Но все миновало. И мирные зори
Горят на дунайском крутом берегу.

И годы боев не воротятся снова —
Навеки свободен воспрянувший край.
Сломав навсегда вековые оковы,
Привольно несет свои воды Дунай.

Особой овеяны здесь красотой
И город, и люди, и отдых, и труд,
А песня, и ветер, и свет над рекою
Одним величавым потоком текут!

1957

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Над побережьем синего Дуная
Льется песня с вешним ветерком.
Слушаю, невольно замирая:
До того мотив ее знаком!

Мне ее раздольное звучанье
Здесь еще дороже и милей,
И дунайских волн рукоплесканья
Радостно и дружно вторят ей.

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...»
И журчит в ответ волна Дуная,
С этой песней породнясь навек.

А кругом все ярче и чудесней
Пышный праздник празднует весна.
Да, едины стали наши песни,
Ибо жизнь и цель у нас — одна!

1957

БАЛЛАДА О СМЕРТИ КОММУНИСТА

Осенняя ночь,
Тревожная ночь,
Кровавая ночь мятежа...
Бушует на улицах белый террор,
От выстрелов стекла дрожат.
По мостовым израненной Буды
Рабочая кровь
Течет...
В тревоге не спит молодая жена —
Мужа с работы ждет.

Бывало, опаздывал он на свиданье,
Сердилась она не раз,
На тихой набережной Дуная
Стоя в закатный час.
Когда ж наконец появлялся он,
Улыбки сдержать не могла...
Но что с ним сегодня?
Черно за окном...
Непроглядна сырая мгла...

Осенняя ночь,
Тревожная ночь,
Кровавая ночь мятежа...
Пули шальные свистят в проулках,
Как яростный рой жужжа...
Взыла на гребне мутной волны
Хортистская гниль и мразь.

Пьяная свора
С воем звериным
В цех заводской ворвалась.

Стоял у станка молодой рабочий,
Обтачивая деталь.
Вдруг крики и брань,
И прямо в глаза
Глядит вороненая сталь.
Рыжий громила рычит свирепо,
Злобно кривится
Слюнявый рот:
— Кончай работу!
И марш за нами —
Поможешь поджечь завод!..

Молчит рабочий,
Стучит станок.
А взор непреклонен, чист...
— Ты что, оглох?..
Коммунистам продался?
А может, и сам коммунист?..—
И, с вызовом глядя в лицо врагам,
Кулаки тяжелые сжав,
— Да, коммунист я! —
Крикнул рабочий,
Ненависти не сдержав.

Выстрел грянул...
Еще... Еще...
И гордое сердце свинец пробил...
Так в этот миг, в свой последний миг
В партию он вступил.
Шатнулся —
И рухнул возле станка...
Грудь бездыханная кровоточит...

Но не смолкает верный станок —
Упрямо стучит,
Стучит...

Утро встает.
Раздавлен мятеж.
Насмерть гидра поражена...
Увы! Не дождется теперь любимого,
Плачет в тоске жена.
На свежей могиле вянет венок.
Молчат цветы,
И плита молчит...
Но слышишь?
Гудит могучий станок,
Стучит, не смолкает верный станок —
Это сердце героя
Стучит.

1957

В ДОМЕ ПОЭТА МАДАРАСА

Позвал меня он в гости как-то раз.
К поэту старому иду с визитом.
Встречает у калитки Мадарас,
Улыбка на лице его открытом.
Спешим друг другу руки протянуть.
Его глаза горят хорошим светом...
Помялись, постеснялись мы чуть-чуть —
И по-узбекски обнялись с поэтом.

И вспомнились тревожные года,
Страдания, утраты и невзгоды...
Была война.
Пылали города.
Отстаивали жизнь и свет пароды.

Хоть эти времена и далеки —
Не позабыты слезы жертв невинных...
Поэт сжимает гневно кулаки,
Припомнив Будапешт родной в руинах...
Огонь и кровь.
И горе. И позор.
И в небе Венгрии — вороны стаи...
Хозяин снова поднимает взор,
И я в его глазах любовь читаю.

Он, за плечи обняв,
К столу ведет.
Я объясняю:
Мол, домой спешу я!
Не отпускает:

— Дом — он подождет! —
И в комнату мы входим небольшую.

Как много света в ней!
Как много книг!
Задумчиво прихлебывая кофе,
Стал о Ташкенте говорить старик.
В глазах его увидел солнце вновь я.

Он передал привет моим друзьям —
Встречался с ними он в Узбекистане.
Спросил он, как живет Гафур Гулям,
И вспомнил о Хамиде Алимджане.

Потом портреты близких показал:
— Вот мой сынок —
Цветок, что в сердце вырос...—
И, помолчавши, Мадарас сказал:
— В Москве родился сын мой —
В сердце мира.

Вот внук...
А это — правнук. Озорной!
Вот — детище души, как говорится...—
Он рукопись кладет передо мной,
Как седина, светлы се страницы.

Горя на солнце чистым серебром,
Она дрожит на сквозняке весеннем,
Насыщенная мыслью и добром,
Трепещущая строгим вдохновеньем...

А за окошком — вольный небосвод,
И набегают облака все реже,
И кажется,
Что тихий дом плывет
В цветущее весеннее безбрежье.

1957

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ВОЛНЫ

Я в дальний путь отправился, моря пересекая,
Плывем, покинув Балтику, по Северному морю,
И чудится: могучая красавица морская,
Раскрыв объятия белые, играет на просторе.

Привет вам, волны вольные, в рассветной позолоте
Искрящиеся бликами, катящиеся в пене,
Подобно крыльям беркута, трепещущим в полете,
Вы в сердце пробуждаете порыв и нетерпенье.

Люблю вас, волны шумные, изменчивые волны,
Ваш каждый гребень кажется клокочущей строкою.
О стань, моя поэзия, такой же своевольной,
Упругой и сверкающей, не знающей покоя!

1961

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Плывет теплоход «Эстония»,
Взрывая тугие волны...
Давно берега знакомые
Скрылись в седой дали...
Плывет теплоход «Эстония» —
Плавающий кусочек родины,
Незримою нитью связанный
С сердцем моей земли.

Плывет теплоход «Эстония»,
Над Балтикой ночь рдеет,
В сырых, предрассветных сумерках
Заря вдали занялась.
Еще не достигли порта,
А чудится: в пенных волнах
Наяды корабль встречают,
Нырняя, плеща, резвясь...

А вот на летучем катере
Несется навстречу лоцман,
На трап перепрыгнул ловко,
Взбирается на теплоход.
Первый посланец берега!
Как друга, его приветствуем.
В объятья большого порта
Он наш корабль ведет.

Что крепче и благородней
Традиций моряцкой дружбы?
Предчувствием близкой встречи

Уже затомилась грудь...
Над Балтикой меркнут звезды,
На вахту выходит солнце,
И звезды и солнце в пебе
Сулят нам счастливый путь.

Прибытие в час рассвета —
Для путника добрый признак!
Швеции серый берег
Тянется в сизой мгле.
Стою, прислонившись к борту,
Вглядываюсь с волнением:
Кто знает, какие встречи
Нас ждут на этой земле?

Уже сквозь туман прорезались
Краны стокгольмской гавани,
И чайки, как мысли, реют
Над морем моей любви.
Плыви, теплоход «Эстония»,
Плавучий кусочек родины,
С приветом советской родины
К чужим берегам плыви!

1961

СЛЕПОЙ СКРИПАЧ

Стоял он сгорбленный, с застывшею улыбкой
В Стокгольме ясным днем, в аллее городской.
О грустный соловей! Наедине со скрипкой
О чем, отверженный, он пел с такой тоской?

Быть может, он любил... А что потом случилось?..
И молча я стоял, взволнованно следя,
Как в яркий летний день мелодия сочилась
Дрожащей струйкою осеннего дождя.

А сытой публики течет поток ленивый,
И некому вздохнуть над бедным стариком...
Но разве песнь его была б такой тоскливой,
Когда бы плакал он лишь о себе одном?

Наверно, в тайный мир — мир скорби и печали
Его незрячие глаза устремлены...
Но и за сотни лет он выплачет едва ли
Всю боль, все горести своей родной страны.

1961

СЕВЕРЯНКА

Ты с моря мне русалкой показалась,
Холодной, дерзкой хищницей морской:
Клыками скал в тумане ты вздымалась,
Жемчужным поясом кипел прибой.

И лишь сойдя на берег спозаранку,
Едва туман студеный поредел,
Задумчивую деву-северянку
В твоих чертах я вскоре разглядел.

Да, Швеция, красою прихотливой
На девушек своих похожа ты:
Они тонки, бескровны и стыдливы,
Как северные бледные цветы.

И пусть на западе считают модной
Болезненную эту хитрость —
В их красоте утонченно-холодной
Я с грустью различал твою судьбу.

Я понял, хоть и пробыл здесь недолго,
С волпением подмечая каждый знак:
Ты в пасть заатлантического волка
Попалась — и не вырвешься никак.

За пышными фасадами столицы,
Где все богатством показным блестит,
Я видел, что в душе твоей таятся:
Уныние, униженность и стыд...

О Швеция! Не ты ли восхищала
Орлиный взор строителя Петра?
Но мощь иссякла, слава обветпала,
Твоих побед давно прошла пора.

Расправь же плечи, оглядись упрямо,
Настало время смело выбрать путь:
Одни тебе стремятся вырыть яму,
Другие — руку дружбы протянуть.

Знай, северянка нежная, мне больно
При виде нынешней твоей судьбы,—
Хочу тебя увидеть гордой, вольной,
Преображенной в пламени борьбы.

О Швеция, страна цветов усталых,
Холодных скал и вековых легенд,
Еще воздвигнешь ты на этих скалах
Свободы величавый монумент.

1961

ПОД ПЛАКУЧИМИ ИВАМИ

Я плакучими ивами залюбовался
В копенгагенском парке, над сонным прудом.
Тихой грустью их шепот в душе отдавался:
Подойди — мы тебе о разлуке споем!

Я стоял у пруда, был немного печален,
Вдруг послышался смех, и над самой водой,
Не заметив меня, появился датчанин —
Рослый парень с подругой своей молодой.

Подбежали, играя, к задумчивым ивам,
Озорные, беспечные, как мотыльки,
Обнялись горячо и со смехом счастливым
Устремились вдоль берега вперегонки...

Юность, юность.. Куда эти годы умчались?
Разве не были так же и мы влюблены?
Но ведь мы не под ивами в парке встречались —
Под свинцовым, дымящимся небом войны.

Были наши дороги тревожней и круче,
Опаленные вспышками грозных зарниц...
И на сердце, как будто от ивы плакучей,
Я почувствовал тень твоих длинных ресниц.

1961

ПРИЗРАК

Над старой Данией маячит призрак...
Кто верит, кто не верит — все равно
Его присутствия тревожный признак
Повсюду люди чувствуют давно.

То грозно в море волны забурили,
То молнии сверкнули из облаков...
Чей это призрак?.. Гамлету в могиле
Не спится ли под пологом веков?

Спи, гордый принц! Истерзанный, бесстрашный,
Свой тяжкий долг ты довершить сумел,
Шатая замков сумрачные башни,
Твой голос горькой правдой прогремел.

Ты выстоял, ты превозмог мученья,
Когда открылись гнусные дела,
Когда с прощальной песней по теченью
Несчастливая Офелия плыла...

Прошли столетья... Превратясь в руины,
Пустые замки беспробудно спят,
И память о трагедии старинной
Лишь камни их замшелые хранят.

Но я успел воочью убедиться,
Что и поныне для простых людей
Осталась Дания глухой темницей,
Как принц когда-то говорил о ней.

Нет, то не волны в море забурлили,
Не молнии блещут среди облаков,—
То, тяжело содрогаясь от усилий,
Клокочет мир голодных и рабов.

Над всей Европой виден новый призрак,
Он не скрывает своего лица —
Волнующий предвестник коммунизма,
Надеждой окрыляющий сердца.

1961

ЛОНДОН

Этот город застыл изваяньем спесивым —
Сыр, туманен, знаком по несчетным томам.

Так он, кажется, стар,

что ему не по силам

Встать, встряхнуться,

Пробиться сквозь этот туман.

Заштриховав дождем и туманом все тем же,

Смывшим радугу папрочь с веселых палитр,

Он стоит, перерезанный надвое Темзой,

Как собрание старинных кладбищенских плит...

Как извечно камней этих нагроможденье!

Как упряма безжизненность этих камней!

Это в камень сгустились минувшего тени —

Тени тел или душ, кораблей и коней...

Может быть, это попросту прихоть погоды?

Но в багровом тумане, где ночи горят,

Вижу липии красномундирной пехоты,

Притулившейся к черным афганским горам.

Ах, прости меня, Лондон,

но где же занять мне

Всепрощенья?..

И память позора и бед

Подымает при виде тебя в азиате

Привиденья твоих азиатских побед.

О, поверь, самому мне от этого горше!

Но смотрю я — и вижу сипаев в цепях;

И парламент простер свои крылья, как коршун,

Увидавший вдали беспризорных цыплят...

Все промозгло в округе —

за что ни возьмись ты.

И седеют у дремлющих башен виски.
Опускает суровые своды Вестминстер
Над оплаканным, проклятым прахом людским.
Сколько пролито крови к подножию трона!
Сколько скрыто под ним безымянных могил!
Сын-убийца тут действовал,
сердца не тронув

Видом старца,

который о жизни молил...

И без публики длился спектакль заветный,
Жадно жаждал дотаций кровавый театр;
И почит державная Елизавета
Но соседству с казненной Марией Стюарт!
Те, что бились, и грабили, и умирали
Ради жадных подвалов, грабительских жатв —
Эти пэры,
пираты,

купцы,

адмиралы,—

В общей яме истории пыле лежат.
И империи гордой обшарпанный остов
Дотлевает на картах, обшивку содрав,
И стоит на приколе прославленный остров,
Как засосанный мелью дырявый корабль.
И наряд твой державный распродан, о Лондон!
И разорванной сети ничем не помочь...
И встает Гулливер пад игрушечным флотом,
Охранявшим века лилипутскую мощь!..

. . . . .
А сегодня —

сегодня Виктории площадь

Непривычно пустынна. Распался туман.
Только ветер какие-то флаги полощет,
Прижимая случайных прохожих к домам.

Что-то в лондонском климате сбилось со счета,
И сентябрь на чужую понал колею.
И иное мне в Лондоне видится что-то...
Просто — Лондон другой я вокруг узнаю!
Это город рабочих кварталов и доков.
Это город наполненных гневом трущоб,
Предъявивший свой давний,
Свой горький, свой долгий,
По-иному, чем в Сити, подписанный счет.
Сколько раз филантропы его находили —
И старались немедля забыть, уходя...
Но живет он, прикрыт суетой Пикадилли,
За высокой стеной из реклам и дождя!..
...День глядит на меня, неприметно ослабясь.
Время позднее — что-нибудь возле шести.
В это время, наверно, по улицам в «Глобус»
Торопился из темной таверны Шекспир.
В этом городе гордая мысль обитала.
И — великий учитель трудящихся масс —
Нес по улицам этим главу «Капитала»,
И смотрел, и смеялся, и гневался Маркс.
Вот мне слышится чье-то трагичное скерцо:
Эту горькую строчку нашел Огарев.
Вот ударил в свой «Колокол» яростный Герцен,
Вышибающий головы из-под корон!
И, в тиши подводя свой итог поколениям,
Перед схваткой врагов отделив от друзей,
Тут часами над книгой просиживал Ленин,
Заходя как читатель в Британский музей...
Этот город — какую дорогу прошел он!
Этот город — какие хранит голоса!
И живет парадоксом неизданным Шоу,
И сближает нежданно борьбы полюса...

1961

МОНОЛОГ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Увы, я не смог вместиться
в границах своей отчизны:
В Англии сердце осталось,
в Париже я был зарыт...
Но полон мой дух изгнанника
жгучею укоризной,
Вулканом незатухающим
горечь в груди горит.

О светские лицемеры,
лжецы и ханжи тупые,
Пороки свои вы прятали,
я ж их, смеясь, воспел,
Прозрел я великую душу
неведомой вам России,
Все страны мечтал объездить,
да мало прожить успел.

Бурлила моя фантазия,
плаваясь в огне надежды,
Орлиные крылья ширила,
в небо взлететь стремясь...
Тогда, ополчившись дружно,
о яростные певежды,
Ее вы в тюрьму упрятали
и затоптали в грязь.

В руках не цветы держу я —
горькую горстку пепла,

Не лавры чело венчают —
    презрение и хула,
Душа истекает кровью,
    в чаду клеветы ослепла —
Так много от светской черни
    она патерцелась зла.

Ужели давно увяли
    мои несравненные пери?
Ужели миражем тешился
    некогда острый взор?
Ужели под пресной пылью
    пристойного лицемерья
Давно потускнели люди,
    забыли меня с тех пор?..

Но слава Оскара Уайльда
    лишь расцвела в изгнание,
Недаром с богиней Иронией
    я заключил союз:
Не выстрадал до сих пор я
    всего моего страдания,
А думаете, я плачу? —
    Нет, все равно смеюсь!

Смеюсь! Потому что верю,
    что смех — это дар бесценный.
Смеюсь! Потому что знаю,
    что создал пример для всех,
Что в битве с мещанской спесью
    я не сойду со сцены,
Пока еще тонкой шпагой
    трепещет мой горький смех.

1961

СВЯЩЕННАЯ СЕНА

Я цветы положил
Под исклеванной пулями кладкой
И услышал молчание
Старой кирпичной стены.
Много в жизни видал я,
Но дрогнуло сердце украдкой,
Как от песни бахши,
От сказанья седой старины.

Приезжаешь в Париж,
И вручают вам перечень длинный
Многих мест, что священными
Здесь по привычке зовут:
Нотр-Дам де Пари,
Сен-Мишель,
Храм святой Магдалины,
Галереи, музеи —
Обычный туристский маршрут.

Но на этой стене
Нет ни надписей, ни украшений —
Лишь тщеславы они,
А не истинной славе пужны.
О стена Пер-Лашез!
Нет дороже ее и священной —
Здесь бессмертие спит
Возле этой щербатой стены.

Да, под этой стеной,
Что навеки обрызгана кровью,
Спят бойцы-коммунары,
Укрывшись песком с головой.
Молча,
С братской любовью
Стоим мы у их изголовья:
Страшно вымолвить слово —
Так чуток их сон вековой.

1961

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Среди моих парижских встреч
Нельзя и этой пренебречь.

Его в лицо припомнить трудно:
Он весь каким-то тусклым был.
На улице немногочелюдной
Он сам со мной заговорил.
Но сразу холодок недобрый
Украдкой в душу мне проник:
Меня коснулся жалом кобры
Его раздвоенный язык.
И вправду: мой попутчик тусклый,
Насколько я судить берусь,
По-русски говорил, как русский,
А по-французски — как француз.
Как на двуногую загадку,
Я на него глядел сперва,
Но вскоре стало слушать гадко
Его скрипучие слова.
Он возбуждал то гнев, то жалость,
Но — с отвращеньем пополам.
Его душа мешком казалась,
Куда натискан старый хлам.
Но кем он был на самом деле,
Не знаю я и до сих пор.
Дипломатической дуэлью
Был этот странный разговор.
За мной он попросту шпионил?
Хотел иную жизнь начать?..

Одно я вскоре ясно понял:
Такого поздно убеждать.
Лишь по каким-то гнусным слухам
Он, видно, знал, как мы живем...
Расстались мы довольно сухо:
Остался каждый при своем.

Вот так, глазам своим не веря,
В парижском каменном лесу
Еще не вымершего зверя
Я повстречал —
Лицом к лицу.

1961

НОЧНОЙ ПАРИЖ

Днем отсыпается, а в сумерках выходит,—
Как мышь летучая, ночной Париж живет.
За окнами — огней цветное половодье,
Бурлит, волнуется, ждет, на улицу зовет.

Там, перед храмами законного разврата,
И старички юлят, и трется молодежь.
От модной хищницы, надменной и богатой,
До жалкой нищенки — любую здесь найдешь.

Сверкает Плас Пигаль. Мигает лихорадка
Лучей — оранжевых, зеленых, голубых...
Толпятся женщины, смеются, липнут гадко,
Хватают за рукав — отбою нет от них!

Вон размалеванная дерзко и вульгарно
Вихляет бедрами, с тебя не сводит глаз,
Худые прелести, как на лотке базарном,
Но людной улице пронесит напоказ.

А чуть поддашься ей — затащит в подворотню
Да чем-нибудь еще в придачу наградит...
Ведь это Плас Пигаль — развратница и сводня,
Где все продажное, где стыд давно забыт.

Да, не напрасно я бродил ночным Парижем,
Теперь я буду знать: есть и такой Париж,
Гнилой, угодливый, прилипчивый, бесстыжий,
В чьем приторном чаду и вправду угоришь.

Но разве дело в них — в покрашенных и жалких,
Что у дверей всю ночь торчат на Плас Пигаль?
Цветы пропащие, гниющие на свалках,—
Скажу по совести, что мне их просто жаль.

Хочу сказать о тех, кто в жажде чистогана
Честь, совесть, родину — все в жизни распродал:
Писаки, маклеры, дельцы, политики,—
Да, вот продажными кого бы я назвал!

1961

СВЕТ И ТЕНЬ

Тихо звезды мерцают, плывет полумрак
Над прохладной рекою осенней.
Как влюбленный, понявший условленный знак,
Направляюсь я вечером к Сене.

Здесь искусство природы с искусством людей
Предстают в сочетании слитном,
И струится река в переливах огней
За прямым парашютом гралитным.

Я стою и гляжу: то ли явь, то ли сон,
И завидую сердцем ревнивым,
Я стою, в романтический мир унесен
Вдохновенья внезапным порывом.

У поэта — всегда непоседливый нрав,
Вечно мало ему впечатлений,
И, от блеска парижских бульваров устав,
Вновь иду я к задумчивой Сене.

Но брожу ли вдоль улиц, где говор и шум,
Или в парке сижу на скамейке —
Всюду штатского вижу: бесцветный костюм
И глаза полицейской ищейки.

Все равно вдоль реки, в эту сипую тьму,
Как ни в чем не бывало иду я.
Пусть он ищет, к чему бы придраться ему,
Я же занят другим — я рифмую.

Пусть он бродит прилипчивой тенью за мной
И бочком пробирается с краю,—
Значит, вправду я свет отражаю земной,
Если тень за собой оставляю.

1961

В АТЛАНТИКЕ

Картиной Атлантики бурной люблюсь,
Восторженной песнею сердце полно.
Так смотрит, наверно, художник, волнуясь,
На гения солнечное полотно.

Хвала красоте первозданной природы!
В ее мастерской ты — простой ученик.
Ударь по куску самой грубой породы,
И в нем самоцвет засверкает на миг.

А волны, как дикие звери, играют,
Седые загровки сгибая дугой,
Резвятся беспечно, на солнце сверкают,
Гоняются с шумом одна за другой.

И чайки то мечутся с гребня на гребень,
То вслед теплоходу плывут по волнам,
То дружно взлетают и кружатся в небе,
Как будто, смеясь, аплодируют нам...

Сырой небосвод потемнел к непогоде,
Тревожно кипят за кормою следы...
Но сила любви, разлитая в природе,
Всегда торжествует над силой вражды.

И ясно увидел я в это мгновенье:
Царит и меж нами такой же закон,
Людские сердца — это прочные звенья,
Что спаяны в цепь бесконечных времен.

1961

ТВОРЕЦ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Трудный век — девятнадцатый век...
Сквозь него,

из грядущего призван,
Над толпой убеждений и вер
Коммунизма проносится призрак.
Под папором растущей волны
Содрогается мир капитала.
И дрожат они, страха полны,
Обветшалых судов капитаны.
Но в восстаньях и ропоте масс
Им слышны не бесправье, не голод:
Им повсюду мерещится Маркс,
Агитатора грозного голос!
Это он замышляет сломать
Вековечных порядков махину.
Это он сочиняет слова,
Что, как заступ, ей роют могилу!
Трудный век — девятнадцатый век.
Рабство древнее дышит на ладан...
Где-то умер большой человек.
В долгом трауре пасмурный Лондон.
Бунтаря величайшего нет,
Что такое внушал беспокойство,
И печальный хозяин — Хайгет
Приютил бородатого гостя.
Но все глубже тюремщиков страх,
Все сильнее обездоленных натиск.
И звучит над десятками стран:

Мы грядущего строим дворец.
Подвиг твой — этой стройки начало.
Мы твой путь продолжаем,
  творец
Мирового Интернационала!

1964

ИНДИЙСКИЕ НАПЕВЫ

*

Звучат в вечерней мгле индийские напевы —
В Ташкенте, на полях, на берегу канала.
Вивают эту песнь сады, луга, посевы,
Всех песен для меня она дороже стала.

Могучею волной течет поток эфира,
И в песне бьет крылом надежда и свобода,
И чувствует душа тепло большого мира —
Дыханье и борьбу великого народа.

Хоть непонятны мне слова его наречья,
Но как волнует грудь порыв его стремлений!
Несется песня вдаль, счастливым дням навстречу,
Звонит и ширится над всей землей весенней!

1954

6

ИНДИЙСКОМУ МАЛЬЧИКУ

Не бойся, смуглый мальчуган,
росток земли индийской,
Светлеют небо и земля,
смелее вдаль гляди:
Идет усталый караван,
и цель его — неблизко,
Но светятся вдоль всей тропы
зовущие огни.

Тяжелый путь, далекий путь...
Но подрастай упорно,
Борцом и тружеником стань,
всегда вперед стремись,
К земле родимой припади,
где прорастают зерна,
И, не колеблясь, жизнь свою
отдать ей поклянись.

1964

МОСТ

К. Чугунову

Когда пад рекой, что бурлит и клокочет,
Направиться по мосту путник захочет,
Пускай с благодарностью вспомнит о том,
Чьи руки трудились над этим мостом.
Ведь если б не мост, что поделать он смог бы?
Быть может, на лодке поток пересек бы
Иль бросился вплавь и клокочущий круг
Прорвал бы упрямыми взмахами рук.
Быть может, отчаясь душою бесстрашной,
С волнами не справясь в борьбе рукопашной,
Пропал бы пловец, переплыть бы не смог,—
Когда бы не мост через бурный поток.
Стоят берега, словно верные братья,
А мост — их сердечное рукопожатье.
Так в Индии дальпей, в потоке людском,
Для нас переводчик был крепким мостом.

1964

ЛЮБОВЬ СИЛЬНА

*Когда красавицу Шираз своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам и Самарканд и Бухару.*

Хафиз

Загрустил я, как только приехал в Бомбей.
Что со мной? Захворал? Чем-нибудь недоволен?
Нет, иною болезнью сегодня я болен:
Трудно сердцу в разлуке с хозяйкой своей.

О моя Сурайя! Сколько рек и хребтов
Без тебя пересек я в далеком скитапье,
Видел мрамор гробниц, видел пышные зданья,
Видел пестрые толпы больших городов.

Был огромен мой путь... Но слились навсегда,
Как два горных ручья, наши чистые судьбы.
Мне сейчас не на древние храмы взглянуть бы —
В глубину твоих глаз, где мерцает звезда.

Яркий день за окном... Шелест пальм, голоса...
Там заманчиво, шумно, пестро, многолюдно...
Но сегодня со мной будет городу трудно:
Без тебя не милы мне его чудеса.

Никогда еще не был я так одинок,
Как в красивом, бурливом, крикливом Бомбее...
Сердце молит о встрече с хозяйкой своею, —
Нам сейчас повидаться бы хоть на часок!

Да, за то, чтоб сейчас быть с тобою вдвоём,
Весь Бомбей я бы отдал — весь красочный город,
А в придачу и все Гималайские горы!..
Лишь в разлуке мы силу любви узнаем.

1964

МАТЬ-ИНДИЯ

Двенадцать лет назад, в Париже, в Музее Родена, я увидел мраморную абстракцию. Гид нашей экскурсии назвала ее одним из самых выдающихся экспонатов Музея. Мой спутник, московский инженер, недоверчиво поинтересовался, что же выдающегося в этой мраморной глыбе. Женщина сказала: «А вы сами всмотритесь... Видите что-нибудь?» «Нет,— сказал инженер,— а вы что видите?» Гидша улыбнулась: «Вот этого я вам не скажу. Каждый должен увидеть здесь свое — в этом и заключается смысл вещи...»

Каменную загадку я не сохранил в памяти. Слова поневоле вспомнились мне три года спустя, когда я стоял на индийской земле, перед символическим мраморным монументом, воздвигнутым в честь Республики Индии. Эта могучая конструкция из мраморных балок произвела на меня удивительно сильное впечатление, хотя в ней нелегко было уловить тот конкретный образ, от которого отталкивались авторы. И все же, пока я стоял перед нею, такой образ зашевелился во мне. Мне почудились очертания стройной женской фигуры в белом сари. И когда потом я вспоминал монумент, фигура женщины все более заслоняла реальную конструкцию на постаменте. Таким — пересозданным в Воображении — монумент и остался в моей памяти.

Фигура из камня в древней столице. Мраморная женщина. Я все вспоминаю: как ей стоится? Руки скрещены. Под душным, жарким, пламенным небом в белое ее одели: носи, мол. Но ведь она не женщина — символ! Символ первого взгляда,

символ последней надежды. Она и прощенье, она и суд. Она — суть! Как понять, как уловить ее? Она — Мать. Она — Индия.

1

Вечер нисходит.
Вечер...
Лунный лимонный свет.
Звездные очи —

свечи

С вечных
                                небесных сфер.
Свет темноту обрамил.
Сумрак стесал углы.
Пало на белый мрамор
Серое сари
Мглы...
Вечера чары
Легли,
                                как парчовые ткани.
Падает Чандра
В печали
                                на черные кампи.
Корчится Чандра
В тоске
                                у священного места,
Где величава
Мать
                                на ступе постамента.
Где же, о, где же
Из горя и веры —

из яви

Ярче надежды
одежды ее
Изваяли?..
Символа нету
Точней
и незамысловатей
Белой вот этой
Женской фигуры,
о Матерь!
Индия-Мать...
Пусть мчатся года
безудержно —
Им не измять
Твоей
белоснежной одежды.
Солнце палит,
Или дождь в тебя
пальцами тычет —
Свет твой парит
Для тысяч,
и тысяч,
и тысяч...

И они идут, идут
Вечной вереницей,
Чтобы сердцем тут
Поклониться
Чистой той
Бескорыстной ласке,
Самой светлой и святой,
Самой вечной власти!..
Подойди,
поклонись
и замри
Перед славой, что не увядала.

Есть ли что на просторах земли,
Что без Матери

свет увидало —

Этих рук

Не знавало родных,

Этот нежный

не помнило голос,

Этот луг,

Этот сладкий родник,

Этот теплый,

налившийся колос?..

Даже воин, что вырвался вдруг

Из безжалостной сечи,

Обретет в теплоте этих рук

Милосердие все человечье.

Даже странник, бывшее стерев,

Дням не ведая счета,

В летней,

сладкой прохладе дерев

Ощутит материнское что-то.

Даже камень, упавший с горы

И доверивший сердце паденью,

Жаждет лечь у подножья скалы

И укрыться

родимую тенью.

Чуть жары обозначится спад,

Схлынет полдень, растаяв,—

Посмотри, как предгория снят

В материнской тени Гималаев!..

Поклонись,

подойдя.

В этом мире тревоги и риска

Что спокойнее есть,

чем дитя

На груди материнской?

Все, что видеть хотим,
Открывается в глуби бездонной,
Если смотрит с картин
Материнское око мадонны.
Подойди,

поклонись —

И опять с высоты постамента
Глянет женщина вниз
Так печально,

светло

и приветно...

И опять, и опять

Все проснется,

что в сердце схоронено,

И начнешь понимать:

Мать бессмертна, как родина,

Родина-Мать!..

Кто к ней подходит

С тоскою

Ирой —

На тех нисходит

Покоя

Ясность;

И кто надежды

В ночи

Не чаял —

Тем знак утешный:

Начни

Сначала...

А бедная

Чандра

Лежит так безмолвно,

Отчаянно,

Как белая

Чайка,

Что в бурю на волнах

Отчалила;
И руки, как крылья,
Легко и внезапно
Раскинуты,
И слезы в открытых
Огромных глазах — как
Росиночки...
Так девичье чисто чело
И горькие очи внимательны,
Но все им на свете черно —
Бела только

статуя Матери!

И месяц над вечером взмыл
И замер, как меч оробелый,
И кажется девушке мир
Пустынею черно-белой...

А были любви
Цвета любые —
Алые губы,
Небеса голубые,
И весны
В радостном
Цветов убранстве,
И росной
Радугой
Умытый праздник...
Горе,

усталость.

Все, что осталось
От дней от тех --
Беда замела.
Умер отец.
Мать умерла.
Вынесли тело!
Конец всего.
Опустело

Вконец село.
 Огромен город.
 Огромней — голод.
 Брела тонкостапная,
 Без надежды.
 Где пристанище?
 Помощь где же?
 И вдруг за листьями
 Мелькнула близкая
 Фигура белая
 Материнская!
 Душа закричала!
 Родная статья.
 Дочь свою, Чапдру,
 Прими, о Мать!..

...Индия, в шири
 Твоих широт
 Сколько живо
 Таких сирот!
 В трудных заботах
   нового мира
 Скольких еще ты
   не накормила!
 Трудной дорогой
   идти дано.
 Горя-то много,
   сердце — одно.
 И все-таки всех ты
   знаешь и помнишь.
 Впустую не сетуя,
   спешишь на помощь.
 Сердце чуткое
   бьется часто.
 Матери чудо —
   чувствуйте, чада!

И Чандра
Подняла очи.
Глядит — и верить невмочь ей:
Ветром ли ночь
                        разлохматили,
Тьма ли взметнулась на метр —
Нет на посту
                        Матери,
Пуст
Постамент!
Под кропами ль теми
Белое сари?
Фигура в теми
Идет босая.
Чур, не чары —
Лишь тень да свет!..
Встань же, Чандра,
Иди вослед!
...И тысячи видели —
Ночами виднее:
Мать
                идет по Индии,
Чандра —
                за нею.

2

Взгляни же, художник:
Поля отдохнули от зноя.
Ты тоже идешь в них
Сквозь кружево ночи резное.
Таиться не глупо ль,
Лицо между строчек запрятав?..
Счастливей Колумба —
Ты Индию видишь
                        взаправду!

И, ночи иначе,
Ночные виденья начнутся:
Черты обозначат,
И сиящие краски очнутся;
И в теней сплетенья
Ты смелою ступишь стопою,
И чуткие тени
Очутятся рядом с тобою.
И чудится, будто
Бывалый огонь не угас в них...
И встретишь Бабура
Словами приветствий ферганских,
И дивную повесть
Услышишь в полуночном часе:
Поклонится в пояс
Старинный кунак Афанасий!
На черном пороге
Свеча ли, звезда ли сверкнула —
Там с торной дороги
Фигура Фурката свернула!..
Идут, необуты,
Устало руками махая,
Ваятели Будды
И каменщики Тадж-Махала.
Шагают, робея,
Под белой луною рогатой
Ткачи из Бомбея
И пахари с гордого Ганга.
В родные пределы
На путь возвращаются страдальчий
Повстанцы из Дели,
Расстрелянные демонстранты...
Взгляни же, художник:
Их
    время,
Как ветер,

Шатает.

Пасквозь ты пройдешь их,

Они ль

сквозь тебя прошагают —

Ужели не выйдешь

Из круга заученных маггий

И все, что увидишь,

Поведать не сможешь

бумаге?..

А новые тени

На путь возвращаются страднй,

Выходят из теми,

Бредут

вереницею странной...

Бредут — иль парят?..

И вторгнется Мать не бесплодно

В бесплотный парад

Всей массою мрамора плотной.

Идет среди них,

Голубит иззябшие души,

Воссоединив

И прожитый день,

и грядущий.

И кажется ей

Живой

в этом призрачном свете

Шеренга теней:

Ведь все — ее кровные дети!..

Но черную темь

К себе подгребают деревья,

И будущий день

В ночном зачинается чреве,

И где-то —

не зря

Над черным простором пылая,—

Встает, как заря,

Могучес пламя Бхилаи!
Всему — сначала
Начаться тут!

А Мать и Чаандра
Идут, идут...
И словно где-то
Стрела поет,
И, может, это
Не шаг — полет!
Шагнули раз —
Куда, откуда? —
И вот Мадрас,
А вот — Калькутта.
Куда теперь?
Лети, не старясь!
Сперва Бомбей,
За ним — Бенарес...
Но — будет!
Встер впизу увяз.
Гудят городов щиты.
Сколько на теле родины язв
Голода и нищеты,
Сколько жизней,

•

умов

и дней

Отдано задарма —
Облаком смрадным
повис над ней
Ста религий дурман!
Калеки,
Слепцы,
Наркоманы
И дервиши,
Бродяги,
Купцы,

Паралитики,
Девушки —
Блаженны и гадки,
Смывают грехи
Течением Ганга,
Священной реки...
Древние язвы
Водой не смоются!
Живое напрасно
Отжившему молится —
Рвануть бы фуганком
По грязи кругом,
Чтоб ветер над Гангом
Пронесся,
                    как гонг!
Но день, как фуганок,
Скрежещет по днищу:
Смотри — спозаранок
Нищие, нищие.
Что
                    вера в бога,
И совесть, и честь,
Когда на дорогах
Нищих не счесть!
Лихих лимузинов
Победная скорость,
И тут же,
                    рядом с плотью холеной,
Без слов,
                    без звука
  молитву о корочке
На арфе ребер
  играет голодный.
А утром
                    тошно
  богам и музам, *

А утром —

ужас и смрад в лицо:

На свалку, как мусор,

Везут мертвецов...

И слышишь справа и слева:

— Хлеба! хлеба! хлеба! —

Бродишь вразвалку

или спешить —

Тянут руки:

— Бакшиш!

Бакшиш! —

Вот оно,

дней безымянное днище:

Нищие,

Нищие,

Нищие,

Нищие!..

Старуха беззуба,

Выпали волосы,

Глядит безумно,

Твердит без голоса.

Четыре года —

Совсем малыш! —

Сгорблен голодом:

— Бакшиш...

Бакшиш... —

Синее небо

Скребют отели:

Бродяги без хлеба —

Гнойник на теле!

Кому-то куш,

А кому-то — шип.

И тянутся руки:

— Бакшиш!

Бакшиш!.. —

Неправда, что пету

Из этого выхода!
Кому-то это
Доселе выгодно:
Каждой округе —
Круг темноты,
Свободные руки,
Голодные рты...
Ходит Чандра,
Слушает чутко.
Бедные чада,
Где же чудо?
Веру, надежду,
Скажи, о Мать,
Где же,
Где же,
Где же
Взять?..

3

И низкий голос утешный
Доносится через миг:
— Доченька,
  в вас — надежда...
Слышишь ли?
  В вас самих!
В тех, что, лжи не мусоля,
Трудом
Наводят мосты,
Чьи ладони в мозолях,
Чьи
                                  в заботах
  мозги.
В тех, что нутром провидели

Все,
    в чем слепы правители!
Это они победили
Беду,
    не ради хвалы,
Любили —
Как в строчках Бедиля,
Делили
Боль Дехлави.
Из гордого рода такого —
Махатма
    и Джавахарлал,
И славное слово Тагора,
Звучащее, как хорал!
С тех пор как история крутится
И время идет вперед,
Те,
    что творят и трудятся —
Те и есть Народ!
Его со счета не скинешь,
Он —
    и вечность
        и миг...
Ты слышишь, доченька, слышишь?
Грядущее —
    в вас самих...
Речь отзвучала.
Сквозь тень и свет
Снова Чандра —
За Матерью вслед.
И слова очи
Глядят окрест,
И слова очерк
Все тех же мест.
Те же просторы,
    по и

Видится в них
Иное.
Предметом
Высокой заботы
Народные
Встали заводы!
И тут —
Опора прочная! —
Идут,
Идут рабочие.
Со зрячих
Повязки черные
Срывают врачи,
Ученые...
Из груди традиций
Лучшие выделяют,
Это родится
Новая Индия —
Чтоб уходила в былое
теперь
Та,
что умела только терпеть!..

4

Память
лица
верлет
сторицей:
Мать
опять
идет
столицей.
И вот
Перед Чандрой

Широкая площадь,
Где флаг величаво
Полоски полощет,
Где длинной громадой
Белеет дворец —
Мишень для взглядов,
И дум,
И сердец..
Республики сердце!
Люди в здании
Спешат усесться
На заседании..
Но Мать, забыв параметры,
Всей массой нависая,
Прямо в зал парламента
Входит
        в светлом сари!
Славься, славься, чудо,
Свыше всяких смет!
Разом все и всюду
Вскакивают с мест.
Что
        кричать пытаться!
Даже вопль тонет
В громе депутатских
Плещущих ладоней!..
Сегодня
        чудо любое
                                обыденно,
И все же
        нельзя удивленья сберечь,
Когда
        сама Мать-Индия
Перед парламентом
                                держит речь!
Разве вы этой ждали

Встречи,
Когда перед нею держали
Речи?
Теперь,
        впервые и сполна,
Послушайте,
        что вам скажет она!
Про общую боль
        и общие беды
Будет речь небывалая эта.
Выскажет вещие
        все надежды
Эта женщина
        в белой одежде!
Стоит бела,
        словно свет из мглы,
И в этом бьющем свете
Те,
        на скамьях,
        пред ней малы:
Просто
        старшие дети...
И мать
        говорит про все, что знает,
Что слышала и что видела,
И фразы четки,
        как тель резная
На лунных дорогах Индии.
Она говорит о воде
И хлебе,
Она говорит о земле
И небе,
Она говорит о вине
И вере,
Она говорит о войне
И мире,

О злобном отребье,
О мнимых загадках,
О том,
        что в отрешьях
Страна богатая,
И сердце колет
Правдой голой
О том, как голод
Берет за горло;
Она говорит
        о женской той ли
Неизмеримо горькой доле,
О том, что мучит,
О том,
        что ждет
Ее могучий
Родной народ!
И с жестом надежды —
        не с жестом отчаянья —
Она обращается
        к маленькой Chandre,
И вместе с нею
        в этот миг
Смотрит на девушку
        целый мир!..

5

Камень вечен.
Воздух сер.
Гаснут свечи —
Очи сфер.
Небеса ли
Мрак обрамил?..
В сером сари

Белый мрамор...
Внизу же,
        как будто ростки в ночи,
Белые руки раскинувши,
Девушка в темном сари
На камне лежит босая.
О Индии бедное чадо!
Твой странный и пестрый сон
В мгновение ока,
        Чандра,
Как взрывом,
        шагами снесен...
Но, выстрадав сердцем чистым
Вместе со всей отчизной,
Ты будешь счастлива здесь
Воистину, без чудес!
Я видел Индию, Чандра,
И это
        тебе
        обещаю.
...А в небе —
        рассвет невиданный,
И купол растет голубой,
И солнце встанет над Индией,
Как йоги,
Вниз головой.

1964

ПОЭМЫ

ВСТРЕЧА С ДЕДОМ

Ленина видел дед мой,
С Лениным он беседовал...

Незабываемый, милый
Дедушка мой Ачил,
Если б ты встал из могилы!
Если б заговорил!..

Многое мне рассказал бы
Ты о своей судьбе.
Если ты рядом встал бы,
Было б сто лет тебе.
Как бы заговорил ты,
Красноречивый Ачил!..

Дедушка, встань из могилы,
Дедушка, не молчи!

О детстве своем в селенье
Рассказывать ты не любил,
Главный рассказ твой — Ленин...
Я до сих пор не забыл,
Как загорался ты взглядом,
Как горячо говорил,
Что был ты с Лениным рядом,
Посланцем к Ленину был...
Ленина видел дед мой,
С Лениным он беседовал...
Не дождалась его Мекка,

Пророка он не почтил,
В Ленина-Человека
Веровал дед Ачил!
Отверг он легенду про бога,
Поднял на борьбу раба...
Шуть деда — моя дорога,
Твоя, читатель, судьба.

Из всего, чем душой дорожу,
Поэму по строчке сложу.

В судьбе и душе человека
Противоречий — тьма...
Поэзия нового века,
Вобравшая Правды тома,
С воззваниями ты сдружилась,
Которые мир потрясли,
Ты бури не утратилась,
Меняющей лик земли.
Ты в битве миров рождалась,
Ты закалялась в огне,
Ты мне в наследство досталась...
Так помоги же мне!
Пусть будет перо мое острым,
Пусть в сердце огонь горит,
Пусть время, ставшее прошлым,
По-новому заговорит...
Устану,—
Прошу, читатель,
Родной мой и близкий друг,
Судья мой и врачеватель,
Приди, укрепи мой дух!
Клянусь оправдать твою помощь,
Я слышу твой голос живой...

Итак, застает меня полночь
За первой моею главой.

— Ассалам алейкум!
 — Ваалейкум салям! —
 Дверь открыл я и замер —
 В саду
 Предо мною мой дед,
 Улыбаясь, стоял...

Я в горячке, должно быть,
 В бреду!

Вышел в сад я,
 Теряя реальности нить...
 Засиделся, наверное, я за столом...
 Не писать, вероятно, я начал,
 А жить
 Этой ночью задуманным мною
 Трудом.
 Превратилась
 В живое виденье глава,
 Позвала меня
 Голосом деда живого.
 Неужели
 Улыбка его
 И слова —
 Результат моего вдохновения почного?!
 И едва лишь
 Начать поэму сумев
 И успев лишь
 Над первой главою склониться,
 Перед дедом своим
 Я стою, онемев,
 И не знаю —
 Мне видится это или снится?

А в саду — безграничное царство весны,
Сад сияет и пенится розовым цветом,
А над садом витают беспечные сны,
Соловьиные песни из лунного света...

Дед стоял, зачарованный садом почным,
И сказал мне:

— Мой внук, ты состарился, что ли?

Стал каким-то задумчивым ты и чудным,

Расскажи мне,

Какие заботы и боли

Одолели тебя?

Ты молчишь, как немой,

Где, мой внук-непоседа, твой смех

озорной?!

Почему ты молчишь?

Не зовешь меня в дом?

Что за дума твою озаботила душу?

Почему ты на все, что сияет кругом,

Так невидяще смотришь

И так равнодушно?

Или горе какое

Обрушилось вдруг,

Или в сети любви

Угодил ты, мой внук?..

Слышу:

Голос — не голос,

Как будто сквозь сон,

Сквозь года позабытые слышится он.

И колотится сердце мое, как во сне,

И язык мой

Не подчиняется мне,

То ли явь, то ли сон —

Ничего не понять.

Далеко до рассвета...

И слышу опять:
— Может быть, испугался ты встречи
со мной?

Я не призрак,
Не бойся,
Я дед твой живой!

Это дед... Это он... Узнаю его лик,
Излучающий свет... Дорогой мой старик!
Ты по-прежнему бодр...
Ты по-прежнему сед...
Почему ты по-зимнему только одет?
Кунья шапка. Чапан.
А на свете — весна...
— Я замерз,— говорит он,—
Земля холодна,
В ней согреться нельзя никаким чапаном,
Лишь одним —
Драгоценного солнца лучом!
Если б только блеснула небес синева!
В куньей шапке замерзла
Моя голова...
Еле выбрался я из могилы моей
И сбежал в мир деревьев, цветов и людей.
Только мне
Возвращаться придется назад...
Я сбежал повидать этот мир, этот сад!
Все бежал я,
Бежал в бездорожье пустом,
Тяжек путь из загробного мира,
С трудом
Я сбежал...
Жажда мучит меня
С того давнего-давнего
Смертного дня.
Я сюда добежал па колени упасть

Пред арыком,
Напиться воды его всласть.
«Ассалам алейкум»,—
Сказал я ему.
Как услышал ты это, мой впуск,
Не пойму...

То я хочу обнять его сердечно,
То задрожу, готовый убежать,
Раз погляжу —
Да, это он, конечно,
Опять взгляну —
И не могу узнать.
Нет, и во сне такое не приснится...
Опять гляжу, гляжу в его глаза,
И кажется, что на его ресницы
Мерцаньем черным выпала роса...

— Не бойся,— говорит он мне,— родимый,
Все тот же я,
Неистовый «большак»,
Который дал тебе когда-то имя
И направлял твой первый в жизни шаг.
Вот, погляди-ка,
Если ты не веришь,
На старое оружие мое —
Я не какой-то
Странствующий дервиш,
В моей руке не палка,
А — ружье.
С таким ружьем —
Взгляни-ка на приклад —
Передо мной бессилеп даже ад!

И помогла мне
Ночи лучезарность,

На дарственную надпись я взглянул:
«От Фрунзе
За отвагу в благодарность...»
Я, не сдержавшись, руку протянул —
Ведь это то же самое ружье,
Что на стене висит у нас, как память...
Но холодом мне руку обожгло,
Да так, что я едва успел отпрянуть.

— Родной мой,
Не пугайся так,
Я жив,
Хоть холоднее снега мои руки,
Я жив во всем,
Чем в мире дорожил,
В тебе я жив — наследнике и внуке!
Не уходи, не бойся, погоди...
Не все еще я свел со смертью счеты,
Она не сможет
Мир мой поглотить,
Мечты мои
Своим провалом черным.
Она не уничтожила мой дух,
Лишь плоть мою
Она смогла осилить...
Не будь ко мне
Жестокосерд и глух,
Невмоготу мне
Одному в могиле.
Я времени принадлежу — не ей!
К его труду причастен я и к бою,
В разгар его сегодняшних идей
Прошу тебя,
Возьми меня с собою!
Мои глаза надеждою горят.
Хочу пройти по улицам Ташкента,

Увидеть свой Дегрез — литейный ряд,
Меня узнают там без документа.
По людям стосковался я душой,
Где родственники, где мои соседи?
Уже мне за сто,
Начинайте той,
Не шутка ведь — прожить сто лет
на свете!

Таким неугасающим огнем,
Что вся душа моя
Пылала в нем!..
Могла поспорить с книгою иной
Страница, не дописанная мной.
Она была
Не вымыслом моим,
А взглядом деда моего
Живым!

Да, дед живой
Со мной заговорил!..

Я в комнату другую поспешил,
Зачем — и сам не знаю до конца,
Наверное, чтоб разбудить отца:
— Отец, отец, проснись же!
Гость у нас,
Он в неурочный появился час,
Но это он,
Мой дед и ваш отец,
Проснись скорей,
Проснись же наконец!

— Оставь его, пусть выспится мой сын,
Мой баловень, шутник мой Насреддин! —
И над моим
Давно седым отцом,

Как над ребенком,
Дед склонил лицо...
— Мой сын,— я слышал шепот старика,—
Моя опора,
Правая рука,
Я чувствовал всегда —
В труде, в бою —
Поддержку неустанную твою.
Ты на коня,
Отважный сокол мой,
Садился, как буденновец лихой,
Скакал, не зная, что такое страх,
И не один тобой повержен враг.
Когда Октябрь разбудил народ,
Со мной пошел ты в боевой поход...

Так говорил он спящему отцу,
Так прикивал лицом к его лицу.
И над моими
Дедом и отцом
Шумел весенний ветер
За окном...

И я увидел:
Дед мой — вдалеке,
В тех днях,
В которых — вовсе не старик —
Сжимает «Искру» он в своей руке,
И рядом с ним
Корнюшин — большевик.
Их окружили,
Слушает народ...
Рабочий сход...
Девятьсот пятый год...

Молодым еще «бунтовал» он,
 Непокорный мой дед Ачил.
 Русский друг,
 Подпольщик Баталов
 Его правде своей учил.
 Крепость
 Правде их угрожала
 И всеильный Ахрорходжа,
 Но уже
 И крепость дрожала,
 И у бая тряслась душа.
 Революция!..
 Это слово
 Все слышнее в зловещей мгле.
 В нем начало
 И в нем основа
 Справедливости на земле!
 Это слово
 В голод и холод,
 В нищету, покорность и страх
 Нес мой дед.
 И звучал его голос,
 Зажигая огонь в сердцах.
 Поднимая забитых и бедных,
 Сам потомственный был бедняк.
 Батраки ждали с ним беседы,
 Ждал подвал его и чердак.
 Открывались бедняцкие двери
 Новой истине, новой вере.
 Так порой «засидится» где-то,
 Что забудет про дверь одну,
 За которою
 До рассвета
 Ждет его Амила-бану.

Как тревожны ее были ночи!..
Что ж такое
Случилось с ним,—
Не спешит он к друзьям-рабочим,
Все стоит над сыном своим...
Ведь нужны и сегодня народу
Его мудрость,
Его совет,
Его страсть борца за свободу,
Убежденный партийный свет!

II

Ночь все тише. В доме все светлей.
Мы проходим в комнату детей.
Три кровати, три постели в ней,
Дед остановился у дверей...
Долго-долго смотрит на троих
Тихо спящих правнуков своих.

Говорит:
— Теперь я узнаю
Три звезды, что долгу мою
И глухую озаряют ночь:
Вот Наргис, а эта — Корасач,
Ну, а этот — озорник Назим,
Очень многим я обязан им.
Я согрет дыханьем их живым,
Неразлучно будущее их
С ярким светом дней моих былых...

Вдруг тревога у него в глазах.
Не тревога, а тоска и страх,
Словно в черном увидал гробу
Жизнь свою опять он и судьбу,

Словно оборвалась счастья нить...
Понял я,
Что хочет он спросить:
Где же Амила его, бану?
Лишь ее не видит он одну!

Я не в силах дать ему ответ,
Словно я молчанья дал обет,
Я не мог сказать, что умерла
Бабушка родная, Амила.
Как немой, перед его тоской
Я стоял...

И думал: боже мой!
Все он видел на веку своем,
Пытан был железом и огнем,
От боев и от забот устал,
Видел смерть
И сам ее узнал,
Но любовь
Сильнее всех смертей —
Из могильной темноты своей
Он явился повидаться с ней!

Ночь все тише. В доме все светлей.
Все печальней
На душе моей —
Не дождалась деда,
Умерла
Бабушка родная, Амила.

III

Мы по Ташкенту шли...
За домом — дом,
За садом — сад

Нас на пути встречали,
Казалось,
Мы давно уже идем,
Но день ли, ночь ли,—
Мы не различали.
Луна ль еще не устает сиять,
Или рассвет неудержимо брезжит...
Не может дед мой
Улицы узнать,
На город смотрит,
Словно гость приезжий.
Не узнает Ташкента он —
Того,
Какой был сердцу
И глазам привычен,
И странен он для деда моего
Всем обликом
Прекрасным, необычен.
Как многое здесь в прошлое сдано!
Здесь фонари свои не зажигает
Саидахмат-фонарщик,
Он давно
На пенсии, должно быть,
Отдыхает.
Здесь сами зажигаются огни,
Все улицы, проспекты освещают,
Все переулки, скверики...
Они
Одним влюбленным, может быть,
Мешают!..

Баланд-мечеть нам преградила путь,
Но мы к широкой площади свернули
И здесь остановились отдохнуть
И оглядеть просторы светлых улиц...
— А где же неказистая Хадра?

Куда она исчезла и когда? —
И, улыбнувшись, я ответил деду:
— Давно уже Хадры в Ташкенте нету,
Земля ее на месте остается,
Но Комсомольской площадью зовется...

Мы дальше шли...
У зданья одного
Вдруг замер он...
«Нет силы у него
Путь продолжать»,—
Подумал я,
Но тут же
Узнал я зданье, ветхое снаружи,—
Почетный дом!
Располагался в нем
Давным-давно Ташкентский исполком.

Прошли в нем
Деда лучшие года,
Его труда бессонная страда...
И дед шагнул, как прежде, на порог,
И вдруг сама собою дверь открылась,
И перед ним
Красноармеец вырос,
И штык отвел,
И взял под козырек,
И так сказал:
— Прошу вас, дед-раис,
Трибуна ждет вас,
Люди собрались!..
— А что у вас в повестке дня сегодня?
— План перестройки города.
— Его я
Со всякой одобряю стороны!
Но это лишь у нас в повестке только?

— Нет, люди ждут доклада:
«Подготовка
К пятидесятилетию страны».
— Постой,
Не ты ль в отряд наш добровольцем,
Одним из тех,
О ком пеклось лишь солнце,
Пришел,
Одетый в рваный свой бешмет?..
Неужто
Пятьдесят минуло лет?!
— Да, пятьдесят...
И убедиться просто
В величии и сказочности роста,
Так изменилось все за этот срок!
Спросите вот у речки, у Анхора,—
Блестя, как серебристый поясок,
Где старый город,
А где новый город,
Забыл Анхор...
Ташкент шумит, как сад!
Послушайте его,
Вам не придется,—
Уверен я,—
Как у иных ведется,
Читать за них написанный доклад!

Пришлось по праву деду это слово...
За ним — след в след — отправился

я снова.

Все вокруг изумляет деда,
Одного не поймет мой дед —
Как же все чудесное это
В пятьдесят уместилось лет?!
Не одни дороги и зданья,

И машин сверкающий бег,—
Как успел изменить сознание
И обличье свое человек?
Где он, тот веками кипевший
Мир, в котором вся жизнь — игра,
В чайхане до утра потевший
И кальян куривший с утра?
Где они, всех мастей шарлатаны,
Надувающие народ,
Зазывалы и горлопаны,
Закоулочный, темный сброд?..

*

Повеял ветер... Утро наступало...
Мы проходили Занжилика тишь...
Вдруг я увидел,
Как на землю пала
Летучая испуганная мышь —
Не долетела до норы своей,
Застигнутая проблеском лучей.
И я подумал: есть и среди людей
Такие, кто еще боится света,
Как мышь вот эта,
Пленница ночей...
Полна загадок древняя планета!

Как сложен мир...
Порою странно мне,
Что человек еще в своем уме!

Как могут в мире грязь и чистота
Сосуществовать?
С уродством — красота?
В нем существуют — пропасть и скала,
Змеи ползучесть и полет орла,

Тут — ласка, там — безжалостный пинок,
Тут поцелуй я слышу, там — плевок.
Тут — благородство, мужество и честь,
Там — униженье, раболепье, лесть.
Тут — вдохновенье, творческая страсть,
Там — торгашей расчетливая власть.
Тут — братство душ,
Тут — рук сплоченный взмах,
Там — злоба, одиночество и страх...
Как сложен мир...
Порою страшно мне,
Что человек еще в своем уме!..

Рассвет спешил. Его лучи уже
Парили в мире
И в моей душе...
И Ленин помогал рассвету,
Он
Возник пред нами.
На Кизил Майдон¹
Стоял он,
Руку протянув к восходу
В порыве,
Пробуждающем природу!..

На деда я взглянул:
Его чело горело вдохновенно и светло.
— Пойдем, мой внук, — сказал он мне, —
Пойдем,
Наш путь рассветный
Осенен Вождем.
Иди, отбросив всякие сомненья,
По этому пути,
Он чист и прям,
Так поступало наше поколенья

---

¹ К и з и л М а й д о н — Красная площадь.

И не ошиблось.
Хоть и было нам,
Быть может, во сто крат
Трудней, чем вам!

Я слушал, но дышал...
Его рассказ
Весь мир, казалось,
Слушает сейчас.
Листва чинар
Спешила к нам склониться,
И замерли, прислушиваясь, птицы,
И раскрывались чашечки цветов,
И озарились стайки облаков,
И гулким эхом горы отвечали,—
Во всех краях
Слова его звучали.

Как мы,—
Не заметил я совсем,—
Оказались у внушительного здания.
«Государственный,— с его гласило стен,—
Исторический музей Узбекистана...»
Что позвало нас к нему
И как
В этот час внутри мы оказались?

Только помню,
Что на каждый шаг
В нем шаги стократно отзывались.
Словно в этот ранний тихий час,
В вековой томящей скуке,
Прошлое
При каждом нашем звуке
Пробуждалось
И сопровождало нас.

Стоило остановиться нам —
Затихало сразу по углам...
И среди давящей тишины
Кто-то угрожал мне со стены,
И, крича и лая, словно пес,
Кто-то руку и наган занес
Надо мной...
Да это же миршаб! ¹
Оп, расправу над людьми верша,
До сих пор кричит,
Как в страшном сне,
Со стены
В музейной тишине!

С сжатыми стоял я кулаками...
Вдруг, как призрак, промелькнул пред
нами,
В качестве музейного жильца,
Некто, не имеющий лица.
Пустота зияла вместо глаз,
Но, казалось, он глядел на нас!
Дед мой вздрогнул,
В сторону подался,
Словно в страхе убежать собрался,
И вскричал:
— Узнал, узнал его я,
Он могильщик был всего живого!
Это он, слуга аллаха злобный,
Не земную жизнь,
А мир загробный
На земле веками прославлявший,
Это он,
Безжалостно топтавший
Мудрость

---

¹ М и р ш а б — городской.

И поэзию земли,
Руку поднял на стихи Хамзы.
Это он,
В безволие и мрак
Вовлекавший души и народы,
Это он,
Святоша безбородый —
Мразь, мошенник,
Просвещенья враг!
Вот он, вот — глядит со всех сторон,
В душу влезет, коль ему позволишь!..

— Успокойтесь, я прошу вас,
Он —
«Пережиток прошлого» всего лишь,
Их не все и разглядишь подчас,
«Пережитки» — так их называют,—
Что живут сегодня среди нас
И порою
Нас переживают...
Тот сидит лениво во дворе,
Дни перебирая, словно четки,
И тоскует люто о чадре
На жене, на дочери, на тетке.
Этот весь за наш, за новый мир,
Только не за труд его — за пир!
Тот — «борец»!
Покоя нету миру —
«Борется» за новую квартиру.
Есть еще,
И очень не редки,
Жулики, лжецы, клеветники,
Кто живет и «действует» подспудно,
Распознать их сразу
Очень трудно...—
Дед сказал:

— А ну, пойдём отсюда!
Дверь закроем
И оставим здесь
Пережитки все, какие есть.
Пусть живут они
В стенах музея,
Друг на друга в ярости глаза...
Ну, а тех, что встретим на пути,
Уничтожим,
Не дадим уйти!

*

Слов не тратит попусту поэт,
Всей душой он слушает их звуки.
У земли — сияющий рассвет,
У поэта — творческие муки.

IV

Рассвет переливался и звенел
На весь мой город,
На весь мир аллея.
И каждой веткой
Сад мой запумел,
От ветерка весеннего хмелея...
А где ж луна?
Куда платок Зухры исчез?
В каком сияет крае?
Он растворился в золоте зари,
Его лучи рассветные украли!

Вновь за дедом я иду след в след
Сквером Революции просторным...

Новая гостиница «Ташкент»,
Словно птица, крылья распростерла,
Точно бы готовая взлететь...
Вот фонтаны начинают петь,
Новый день приветствует прохладой.
Дышит город
Утренней отрадой...

Мы приходим на Упрак-курган.
Смотрит дед растерянно и страшно:
Нет на месте
Древнего кургана.
Быть не может!
Что за ураган
Снес его?
И цитадели нет —
Той, что здесь стояла сотни лет!
Не земля ли крепость проглотила?..
(Дорогой читатель, друг мой милый,
Ты прости, что не успел тебе
Я о нашей рассказать беде.
Тяжело мне говорить о том,
Как она ворвалась в каждый дом,
Как земля ходила ходуном,
Все перевернувшая вверх дном!
Гул ее весь город сотрясал,
Не один разрушен был квартал.
Трудно мне описывать руины,
Разрушений страшные картины.
Как о них смогу я рассказать,
Я, привыкший землю воспевать?!)
Но курган,
Но древний бастион
Не землей,
А временем проглочен.
Оказалось,

Что не так уж прочен
Был он,
Грозный страж былых времен!..
И на месте
Старого кургана
И повыше башни крепостной
Вознеслась
Действительность другая,
Новою блистая красотой,
И в высоком воплотилась доме,—
Виден весь Ташкент, как на ладони,
Из него...
Он излучает свет —
Это
Наш Центральный Комитет...

Здание ЦК... Из монолита
Светлого,
Из цельного гранита
Высечено временем оно.
Блещет солнцем
Каждое окно...
Поднялись мы
По его ступеням.
У дверей —
Учтивости пример —
Встретил нас,
Подтянут и степенен,
Образцовый милиционер!..
Партбилет свой предъявил у входа
Дед мой.
И дежурный страж
Произнес:
— С семнадцатого года?
Поздравляю!

Чрезвычайный стаж! —
Отдал честь
И дверь открыл:
— Прошу...

Шли мы по шестому этажу,
Прямо шли
Дорожкой ковровой
К двери той высокой,
За которой —
Саркотиб наш,
Первый секретарь!
Погружен в нелегкие заботы
Седовласый этот человек,
Ритмы государственной работы
Жизнь диктует,
И торопит век.
Все тревожит,
Требует решений
Быстрых, четких,
Мудрых, не простых,—
Хлопок и проблемы орошений,
Хлеб и освоение пустынь.
Ко всему прямое отношенье
Он имеет всей душой своей —
Стройки дней, искусство, просвещение,
Благосостояние людей.
Кажется,
С рассвета до рассвета
Он с людьми беседует...
И вот
Мы к дверям
Большого кабинета
Подожли —
Открыт был кабинет...

— Разрешите к вам? —
Спросил мой дед.
Секретарь шагнул ему навстречу,
Словно ждал его.
Приветствуя сердечно,
Деда моего за плечи обнял.
— Пятьдесят исполнилось нам лет!
Поздравляю! — он сказал,
И орден
На груди у деда засверкал...

Несказанно был доволен дед,—
Грудь его наградой украсив,
Родина ждала его на праздник,
На большой, на всенародный той!..
Это значит —
Не забыт страной
Тот, кто первым
Знамя наше поднял,
Кто пошел с ним на борьбу и подвиг.
Это значит —
Неподвластен годам,
Кто судьбу свою связал с народом!..

Пусть подпишет Время
Резолюцию:
«Живы все,
Кто делал революцию!»

Пусть издаст
Страна моя указ:
«Недействителен их
Смертный час!..»
Остается
Средь живых павечно,
Кто звезде служил пятиконечной,

В наших думах
Продолжает жить,
Продолжает
Партии служить!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не нужно ли памятника тебе?
Из бронзы отлить,
Из гранита высечь?!
Но ты его сам воздвигнул себе,
Судьба твоя
Величавей и выше
Тысячи памятников.
Она —
Коммунистического литья!
Твоей борьбой и трудом твоим
Время
Гордиться не перестанет —
Ты будешь навечно
Сказаньем живым,
Из прошлого — в будущее посланник!
Иди же, мой дед,
Сквозь просторы лет,
Не уставая
Светить расстояньям.
В твоём светильнике —
Ленинский свет,
Знамени Красного
В нём сиянье!

1968

Жили

словно

с адом в соседстве:

За бедствием — бедствие,

за бедствием — бедствие:

Жаркий ветер за горло душит сады —
воды, воды!

Песок

заметает

селений следы —

воды, воды!

Ураган песчаный желтым дымом

Летит, все живое ниц валя.

— Воды нам!

— Воды нам! —

Стонут деревья, люди, земля.

Воды?.. Но вот она, пустыне завещанная,

Летит под солнцем Аму вода

Буйнопомешанная,

Бешеная,

Порвавшая все повода.

И меня как бы дразнит: — Эй, поэт!

Хоть в твоём, может быть, не сильна

искусстве я,

Брось

стихи про цветы,

выходи на дискуссию,

Что с людьми веду я

тысячи лет! —

А я? Приглашеньё отрину разве я?

Первы — в кулак,

вдохновенья конь крылат.

И не подумайте, что, мол,

разыгралась фантазия

Или что улаживаю разногласия,

как дипломат.

Хлопководы,
трактористы,
дети и старики.

Зал судебный — долина целая,
Истцы и свидетели — один к одному:
Слушается
уголовное

дело
О двуличности и коварстве Аму.

И не злобься, река,
не ярись в гордыне,
Не переоценивай
собственных сил,
Головы человеческие —
не желтые дыни,
Что скатываются
волнами
в твой рыжий пл!

4

Воплем паровоза, криком младенца в ожоге,
Не скрывая боли и слез,

Зовет Чарджоу,
кричит Чарджоу:

«СОС!

СОС!

СОС!»

Когда лес горит — все подряд горит,
Когда в городе наводнение —
все бежит или тонет,

И воздух
сам
языком беды говорит,
И ветер, как человек, вздыхает и стонет.

Какое встречное двинешь оружие,
Какую пулю или снаряд?
Свирепеет Джучи ¹,
хуже Буджи ²

Волны разбой и разор творят:
Дом был —

глиной поплыл,
улица не улица —
поток беснуется,

Пеной играет и воет люто.
И только люди насмерть стоят...
Вспоминаю

героический Ленинград —
Город строек,
искусства
и веселого люда.

Война. Окруженье. Тупые чудища
Прут, кровавый печатая след.
Еще поднажать.

И еще.

И чуть еще —

И город сдастся...

Не сдастся!

Нет!

Не взять ни огнем,

ни морозом,
ни голодом,
ни жаждой —

на сутки воды глоток.

Не три недели —

три с лишним года,—

И вспять отброшен мутный поток...

---

¹ Джучи — внук Чингисхана, жестокий завоеватель Хорезма.

² Буджи — дьявол.

Быть может,
с Ленинградом относительно сравнение,
Формуле Эйнштейна место не здесь,
Но человеческих душ горение
И там
и тут
было и есть!

5

По пояс вода Чарджоу, по горло,
Но он не сдастся, беде вопреки.
Детей и женщин
увозят из города
И хлеб в отдаленные кишлаки.
Жвачку жуя —
За верблюдом верблюдов
Со скарбом житейским
В степи идут:
Были — богатством
В цене таланта,
Теперь — экзотика,
Возят — и ладно;
Самолеты словно
Алюминиевые стрижи,
Вертолетные сонмы —
В Бухару,
В Карши.
Старики, старухи, казаны, сковородки,
«Чарджоуский фронт»,
боевой маневр,
И гудит
телеграфа
железный нерв,
Захлебываясь тревогой
от сводки к сводке.

Паники нет,
но труд нелегок,
На беду
не надета еще
узда —

Из песчаных,
из темных илистых логов
Лезет,
лезет,
лезет вода!

6

В комнате дым —
Сумрачно днем,
Пятый час
Заседает обком;
Ночь,
Тьма — не пробить кулаком,
Пятнадцатый час
Заседает обком.
Рассвет.
Облака — как ржа по железу.
Сжатые рты. Воспаленность глаз.
Драма Чарджоу
Идет к Хорезму.
Через день? Через час?
Множа морщины, считай минуты,
Сжигая нервы, угадывай миг,
Когда набрякшее, сизое, мутное
Небо сорвется с опор своих.

В долине по-волчьи
вост зима,
Аму,
как выжившая из ума,

Путь себе
преграждает сама —
лед!

Лед!
Как в жилах холестеринный тромб,
Закупорил жизни бег.
Все было —

ни дорог, ни троп:
В небесах — лед,
на воде — лед,
и на земле — снег.

— Пусти! —
в завихренях вода ревет,--

Пусти, не чини преград!

Пускай

из тысячелетий придет
С киркой на плече Фархад!
Пусть спешит, если сила его жива,
Потому что время не ждет,
Дома — на щепу,

сады — на дрова

В Хорезме

лед

перетрет!

7

По берегам на снегу костры —
На белом розовые кусты,
И люди, повсюду люди

в молчании,

И над каждым усталости

власть,

Кажется,

заденешь нечаянно —

И может замертво пасть.

Они в работе
Им бы уже с утра,—
давно
отдохнуть пора,
Но все,
что ни сделай,—
мало,
И плотина
наращивается,
как гора,
По берегам канала,
Аму кипит в котле молоком —
Сдержать ее
всплески
бешеные!
Правительство,
министерства,
обком —
Как говорится,
при деле таком
Вровень
святые и грешные.
В дело — кирка,
экскаватор — в дело,
Мысль — об одном,
и порыв — один:
Кажется —
возводится вал Искандера
В ущелье Туямуйин.
Руки строителя, сердце воина,
И хоть мороз
наступает
в дыму густом,
Еще Хорезму,
как ребенку в люльке,
дышится вольно

За железным людским щитом.
А ниже первничает Аккум,
И не спит Акбилак,
Как будто
        захватчик
                        идет на штурм,
Выметнув черный флаг;
Как будто слышат голос Аму
С морозным парком у рта:
— Я радуги дам вам,
        а жизнь возьму.
Эй,
        открывай ворота!
— Ты, река, неумна,
        ты, река, хмельна,
        ты, река,
        подожди хвалиться:
Под бедой народ стоит, как стена,
Не пролиться тебе,
                        не пробиться.
Опозоришь, река, свою седину
Неизбежностью
                        поражений!..—
Но и мы бываем порой
                        в плену
У собственных заблуждений.
Как гуляющая жевница,
                        что променяла
Одного на другого
                        в дури своей,
Ринулась
        каракалпакским каналом,
Руша плотины
                        и насыпи
                        у дверей.
Увы, тысячу тысяч раз увы!

Повидавшие
                                в жизни
  разного,
Мы были
                                на этот раз
  неправы,
Понадеялись
                                на доводы разума.

А что ж теперь,
Когда дамба прорвана?
Смотреть и терпеть?
Молчать покорно?

Нет!
                        В нашей памяти
  живы атаки,
Когда с гранатой
  бросались под танки.
Мы помним, что все
  одного полка —
Русский, туркмен, узбек,—
И мы
                        не отступим в бою,
  пока
Жив хоть один человек!
Не ты нас,
                        рассеяв по одному,
А мы тебя
                        вместе скрутим,
  Аму!

8

— Аму — враг? Антагонист?
  Ерунда! —
Кто-то подал реплику
  из зала суда.—

— Навет не истина,
что из мудрости выросла,
от шелухи придирок
очистим рты.

Приятны для глаза
цветочки вымысла,
А для ума —
прямота правоты...

Словно карнай, прогремел тот бас.

И смолк. И взорвался зал:

— Хитрит!

— Призывал судить без прикрас,

А сам узлов навязал!

— Аму виновата!

— Хищник!

— Волчица!

— Селенье смыла!

— Поле!

— Мой дом...—

С носом, что, как сосулька,

пóтом сочится,

Новый свидетель перед судом.

В зале смешки:

— Вот это — да!

— Лед-человек!

— Холоднее льда!

— А может быть, он

из тех,

из снежных,

Помычит перед нами —

и в горы да в лес?

— Худ, да жилист,

видать, не из неженок,

В одном

энергии

с Фархадскую ГЭС!

И кто-то в роге,
                                насмешки ради,
Поднес ему крепчайший арак:
— Выпей до два
                                по дороге к правде —
                                умному хмель не враг! —
Но он, разгладив клин бороды,
Сказал:
                                — Я выпью воды!
Отары пася ли,
                                сея ли,
  строя,
В начале, в конце ли дня,
Я знаю —
                                вода
                                всей земли здоровье,
Без нее ж —
                                ни тебя,
  ни меня!..

9

Вода —
                                H₂O.
                                Это очень просто
И сложно,
                                как жизнь сама.
В ней таинство
                                возникновенья и роста
Листа,
                                травинки,
  ума.
Два слога: во-да,
Но суть — не количество;
От нее и провода,

Мы многое смеем,
многое можем,
и силы растут что ни час.
Скажи нам в раздумье своем
тревожном —
Что нужно
от нас?

10

— Спокойствия,
спокойствия
и спокойствия,

А не безумства
раздоров и драк.
По мне разбрасывал
человеческие кости
Уже не один дурак.
Я вас вскормила,
я вас вспоила,
воду дала
и свет,
А в сынах моих
согласья и мира
нет!

Нет!
Нет!

Когда ты спотыкался —
Я старалась быть пухом,
когда умирал —
принимала тебя,
Я злаки
стеной поднимала за плугом

Атомная бомба,
водородная бомба.
Содом!

Вы придумали грешникам
ад после смерти,
а потом

из жизни
сделали ад,

Где смерть
для народов
планируется по смете
И коршуны страха
сердца когтят.

Слезы мои — вода морская,
И река,

и ручей,

и капля из облаков,

Но какая вода вас отмоет,

какая

Слижет шрамы от гусениц,

сапог

и подков?

11

Стоп! Необходимое отступление —
для объяснения прерву рассказ.

Поэма эта —

о воде,

о свете,

о Ленине,

А значит,

о тебе,

обо мне —

о нас.

Представляю, как некий бдительный
критик,
В собственных домыслах
увязнув
по собственный нос,
Не найдя здесь
новомодных дерзаний и открытий,
Поведет меня на допрос,
Начнет душисть,
как веревкой намыленной,
Очередную
из бесчисленных жертв:
«Поэма? А где тут завязка,
мленький?
Где — сюжет?
Почему
не видно
лица и характера,
Душевных тонкостей
и психологических бездн?
Ни поэзия, ни проза,—
Болтаешься без фарватера.
А может, пойти
в литературный ликбез?»
Знать тебе правду хочется
Об этом труде моем?
Над вымыслом
в Доме творчества
Не млея ночью и днем,
С натурой не той закваски,
Что в хитрых делах ловка,
Сюжет при хитрой завязке
Не слизывал с потолка.
Не хвастал, что слово найденное,
Как редкостная виноградина
Из всех, что были и есть,

Мир гремит
                                голосами
Нашего бытия.
И нет прекрасней удела,
Чем бы
                                ты
                                ни владел,
Ставить
                                общее дело
Над мелочью
                                личных дел!

12

Тяжелы в распустье дороги,
                                годы —
                                хуже дорог.
С тухлым
                                привкусом пороха
                                каждый выдох и вдох.
Колесо истории медленно,
Та же ось,
                                тот же вроде след...
И тогда
                                ♦ за подписью
  Ленина
Появился один декрет.
Почерк быстрый, как пуля,
Стиль суховат и строг,
Будущее
                                Мирзачуля
Встало из этих строк.

Время борьбы и риска.
Битвы. Ночи без сна.
Тучи, нависшие низко,

Горная крутизна.
Но, чтобы в пронасть
    не пасть
    и поменьше в пути
спотыкаться,

Сказано:

    «Коммунизм —
    это советская власть
    плюс электрификация!»

Говорят,
    что лампочку Ильич зажег
От спички одной.
    Но это

Был
    как в звездное небо прыжок,
В звездное
    небо
    лета.

Волхов всныхнул,
    Чирчик воссиял,
На празднике бурей —
    карнаи,
И пенится
    первый
    зеленый вал
В первом пока канале.

Музыка ветра
    и музыка вод,
Тополь — все выше,
    взлетит вот-вот,
И, как волна,
    нежно и зыбко
Девичья
    в душу
    льется улыбка.

Мы победили усталость,
и жажду,
и зной,
И вылетел в хлопковое поле,
как в пенное море,
Белопарусный корабль Турсуной!

14

Тяжелы по распутью были дороги,
Годы —
тяжелее
тягчайших дорог...
Сталинградские дни,
сталинградские почвы,
обжигающие,
мучительные,
бесконечные, долгие,
И последний
умирающего
еле слышный вздох.
А до этого
подмосковная зима
и юная Зоя,
Что в муках
виселице
палачом отдана.
Быть может,
в последнее мгновенье,
перед насильниками стоя,
О глотке воды
мечтала она.
Пить!
А к детским губам —
огонь керосиновой лампы.

Эй,
истерзайте меня,
наложите на меня
свои грязные лапы —
Я отдам ей
свои слезы,
чтобы могла напиться она!..
Помните, люди,—
люби она лишь себя,
она жила бы,
И гибель ее —
добровольная —
за наше счастье цена!..
Это в наш счет
занесенная на века
Добровольная плата за нашу свободу,
За свет с Ангары,
за зеленую воду,
Журчащую в русле канала
И оросительного арыка.

15

Вижу, фантазия,
расправив крылья,
Далеко унеслась
от сегодняшнего
дня —
Может, оттого,
что любви обилие
К земле
и к женщине
томит меня.

Но разве
    для дела жизни
    полезнее
Перебирающая бусинки строк,
Как слепая красавица,
    равнодушная поэзия,
Не знающая,
    что такое боль,
    страсть,
    восторг?
Ах да,
    я отвлекся,
                    забыл,
                            что в суде
Решается вопрос
    о воде.
Может быть,
    это даже и странно малость:
Сколько
    земля
    по бедам ни маялась,
А такого не знали
    творившие будто
    за чудом чудо
Ни Христос,
Ни Муса,
Ни Мухаммед,
Ни Будда.
Пользуясь тем, что святые немы,
Играя, как щепкой,
    людской судьбой,
Смывая посевы
    и выкручивая нервы,
Вода,
    как хотела,
    творила разбой.

Зной ли сушил,
                                гром ли басил,
Не зная подступа
                                к собственным силам,
Называли мальчика — Тухтасин¹!
Сколько было их —
                                Тухтасинов!
А стихиям что слова? Тарахти,
Сколько влезет, игрушкой слова —
На своем коне
                                на своем пути
                                заезжают
                                снова и снова.
Признают они только власть ума,
Но пока
                                кой-где
                                и поныне
То, как лодки,
                                в потоке плывут дома,
То пылают пеклом
                                пустыни...

16

Но суд идет. Продолжается заседание,
И слово
                                адвокату
                                за обвинителями вслед.
— Вода
                                приносила
                                людям страдания.

---

¹ Тухтасин — имя собственное, означающее — «Пусть остановится».

Но враг ли она нам?
Нет
и нет!
Смешно искать в ней
разум и чувство:
Всеобщим
законам
подчинена,
Сверкать и литься —
единственное искусство,
Которое знает она.
И в зле, что свершилось,
виновны все мы —
Не приручили,
не научили
быть поумней.
Она же не читала
«Педагогической поэмы»
И не слушала
наших лекций о ней!
Озорна? Не спорю —
да, озорна,
Но водится это
не только за ней,—
При глупом муже
иная жена
Бывает вертлявей
и озорней! —
Тут слово взял бородатый старик:
— Я знаю причин родство:
от горя — слеза,
от гнева — крик,
от сытости — озорство.
То снег на горах, то к лету жара
И сонмы ручьев с хребта,

И наша Аму
                                иждивенкой
                                жила,
Своей красотой сыта!
— Речь мудра,— сказал адвокат,—
И в помощь суду и мне.
Красивая женщина —
                                лучший клад,
При умном муже —
                                вдвойне.
Довольно нам поносить Аму,
Путать
                                путь суда
Вопросами —
                                как?
  когда?
  почему?
Нужна нам вода!
                                Нет или да?
                                Да!
                                Да!
                                Да!
Человеку,
Весне,
Полю,
Саду,
Повару,
Шахте,
Пустыне,
Травинке в горах,
Парящей птице
И ползучему гаду.
И смешно
                                судить о ней —
                                друг она
                                или враг.

То хмурит
                    бровки
                                    свои.

И в сердце моем
                    просыпаются
                    соловыи,
                    соловыи,
                    соловыи.

Чудеса,
                    чародейство,
                    магия,

Светлый сон
                    в колдовской
                    стране...

Нет,
                    о том бы
                    не на бумаге —
На скрипичной бы
                                    петь
  струне.

А она? Ей любовь свою пести
Не со мной. Ушла навсегда.

Но прекрасный облик той юности
Все хранит живая вода.

И в пример нам легенда ставится,
Что, как той умыться водой,
Некрасивая
                    станет
                                    красавицей,

Станет старая — молодой.
Не в родстве ни с богом,
                    ни с чертом я,
Сам с обоими наравне,
Но в легенду ту
                                    безотчетная

Вечно
    вера
        живет во мне!

18

Вот и снова,
        едва упустил весло,
Меня в романтику занесло.
А между тем, как любому известно,
Со всех своих рубежей и орбит
О воде не только я
        или ЮНЕСКО —
Весь мир трубит.

Две трети планеты —
        моря и океаны,
Реки,
        озера,
                снега,
                льды,
А мы уже
        порой
                орем окаянно:
— Воды!
        Воды!
                Воды! —
Пшеница и хлопок,
        города и заводы
Требуют: «Дай!»,
        просят: «Налей!»
И хлопоты наши
        с ней и о ней,
        и наши заботы

Что ни день — тяжелей.
Засуха —
Недород
За горло
Страны берет;
Наводнение —
В щепки жилище,
И к нищим
Новые нищие.
От стонов и жалоб некуда деться,
Раздергивают нервы, в ушах гудя.
В море
                    постепенно
                    топет Венеция,
В Атакаме
                    сорок лет
                    ни капли дождя.
В Турции наводнение,
                    в Индии ливни,
                    в Японии цунами,
                    в Африке снег.
Неужели не удержим
                    против стихий
                    оборонительной линии,
Не остановим к пропасти бег?
Да? Нет?
                    Человечество
                    тем и живо,
Что дерзало.
                    Земля
                    сквозь бездны
                    мчит космическим
                    кораблем,
С тремя с половиной
                    миллиардами
                    пассажиров

На нем.
Звезды, как журавли,—
    позади,
    впереди.
Кометы —
    ракетами при салюте.
Улыбается
    Гагарин,
    стоя
    на Млечном Пути.
«Дерзайте, люди!
    Действуйте, люди!»
Говорят, что в Шотландии
    какой-то лорд
Верит,
    что земля плоская,
    будто всю ощупал
    руками.
Дурак врет —
    немного берет,
Но нам-то
    к чему
    глушеть с дураками?..

19

— Я узбек! — свидетель очередной
Говорит.—
    Поверьте узбеку!
Жалкий скарб свой
    покачивая
    за спиной,
Не ходил я за мудростью
    в Мекку,
Не пылил по пескам,
    как двугорбый верблюд,

Но видел я
при всем при этом,
Как в турбинах
Братской
волны ревут,
Становясь незакатным светом.
Это значит — я видел силу воды,
Что смирили силы людские.
На какие
способна она труды,
На большие
дела
какие!
Я — узбек, и пенять на судьбу —
не мне,
Ленин слезы народа вытер.
У меня свой огонь,
на своем огне
Свой с барашком плов
в своем казане.
Я в стране —
и слуга
и правитель.
Как хлопкороб, я открыт и прям,
Лжесвидетельствовать не стану.
Я свою
характеристику
дам
Амударье,
Сырдарье,
Зарафшану.
Верно, никто из них
не без греха,
Хоть не вровне —
менее ль,
более.

Чтоб
    не буянила
        и не пересыхала,
Смирив
    плотинами
        буйство души,
Сослать ее —
    работай! —
    в степи Сурхана,
Прописать
    на жительство
    в пустыне Карши!
Землю пои,
    хлопок расти,
    светом сияй
    у людей в чести!
Твое последнее слово, Аму,
Говори!
    По струе
        от заката
            алость.

Молчит Аму.
    Растерялась
    неведомо почему.
Растерялась Аму.
    Растерялась!

21

Степи под током воды остыли,
Рецепт исцеленья надежный дан.
Словно фантазией рожден,
    в пустыне
Раскинулся
    Пулизандаң.

Шаг
    вода прошла —
        и рожден кишлак,
Шаг еще —
        белый лебедь
        на озере,
Шаг — поле,
        шаг — сад.
    За шагом шаг
В предвиденье богатой осени.
Чарджоу не то чтоб Аму простил,
Но и не бранит ее,
        бедную,—
Беги, сияй,
        сколько хватит сил,
Пой под звездами
        колыбельную,
Беги первожданности вопреки,
Пусть
    стезя твоя
        трижды славится,
Надевай
    на себя
        садовые венки,
В рыжей степи
        хлопок расти,
        хлопок расти,
    на перинах спи —
На пуховых перинах,
        красавица!

22

Будет когда-нибудь: воды стакан —
И всю зиму отапливается дом,
Но покамест она,
        слетая со скал,

Рожденная снегом и льдом,
Будит землю весеннюю —
  вставать пора!
И в травы
  жемчугом
  ложится роса.
И на Аму
  рождают волну
  катера
И проносятся паруса.
Ее, погрывая бровями роц,
Манит Бухара
  на шелковый шум,
Ее, как в спальню,
  заманивает Кызылкум
В теплую, бархатную,
  поющую ночь.
Кизилаяк,
Талимарджан,
Наманган,
Апдижан
По наказу
  Двадцать третьего съезда
В будущее
  сердец своих жар
Вкладывают совместно.

Ах, как изменилась жизнь,
  как изменилась!
Будто переехали в новый край,
  в новый дом.
То, что у природы
  выпрашивали
  как милость, —
Вместе с братьями взяли
  общим трудом.

Для ушедших
  не вымолишь
  отпуска у вечности,
Не закличешь в гости,
  сколько ни кличь.
О, если бы,
  человечнейший в человечестве,
Пришел к нам
  сегодня
  Владимир Ильич!
От радости
  у глаз бы
  лучи морщинок —
Исполнено
  завещанное с давних дней,
В наших женщинах
  и наших мужчинах
Узнал бы он
  своих почтительнейших
  внуков и сыновей.
И даже вон тот старик,
  которому без года сто,
Похожий на Маркса
  в своих сединах,
Понял бы мгновение это
  как высочайшее торжество
Всех лет своих,
  как дорога до солнца
  трудных и длинных.
Он еще без очков,
  посохом в дорогу
  не тычась,
Идет и смотрит,
  щуря пристальный глаз;

На цифру —
                        четыре миллиона
                        сто тысяч
Хлопка,
                        выращенного у нас.
Даже Ньютону,
                        открывшему
                        закон тяготения,
Подошла бы эта цифра
                        с другими в ряд.
Одни говорят,
                        что хлопок —
                        это растение,
Другие —
                        что «белое золото»,
                        говорят.
Но мы
                        не станем
                        открывать дискуссий
В литературном вкусе
И доводы городить,
                        как холмы на холмы.
Главное —
                        что страна на ленинском курсе
И на ленинском курсе
                        вместе с нашими братьями —
  мы!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Несись, Аму,
На Сурхан и Карши,
Не ленись, Аму,
Но и
                        не спеши,

Роди цветы,
                                зерно
  и плоды,
Расплачивайся
                                за наши труды!
Тысячелетья
                                колеса истории
                                по-разному
Скринели.
                                Теперь у них —
                                железный ход.
Воду и землю уму-разуму
Учит
                                народ!
Казах ли,
Узбек ли,
Каракалпак ли —
Разный язык
                                при сердце одном.
Вместе веками
                                от горя плакали,
Вместе —
                                новый строили дом.
И, сердца того
                                исполняя веление,
Когда хлопок
                                пустыню
                                высеребрит добела,
В праздник друг другу
                                шлют поздравления,
Желают успехов,
                                счастья,
  добра,
Уверенные,
                                что недолго будут уже
Свистеть камыши
                                и шипеть пески,

Видят
      свое
          коммунистическое будущее
На расстоянии
          вытянутой
                          руки!

Будет
Новая создана
С «белым золотом»
Фергана.
Станут
Страхи давнишних дней
Только сказками
Для детей!

И, хоть тема эта
      для многих немодная,
Славлю братский союз
      ума и труда,
Чтоб ушла сумасшедшая,
      сгнула мертвая
И чтоб вечно
          журчала
Живая вода!

1969

ДИАЛОГ

*...и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.*

В. Маяковский

Молодость!
Лучшая в жизни пора!
Молодость!
Ты и щедра
и добра.
Молодость!
Время надежд
и решений.
Молодость!
Время великих свершений.
Молодость!
Зрелости нашей основа.
Кто,
потеряв,
не искал тебя снова?
Кто не восхищался твоей красотой,
Твоей чистотой,
твоей высотой,
Статью,
властью,
Волею к счастью...
Кто жалел
для тебя укоров,
Жалел раздоров?
Кого не пугал
твой поров?
Кто не вел с тобой
разговоров,
острых споров?
Кто?

1

— Эй!.. Погоди,
 Что привело тебя сюда?
 Знаешь, что ждет впереди?
 — Да!
 — Готов корабль огромный к полету,
 И пассажиров на нем без счету.
 Кто на Луну,
 Кто на Марс,
 Кто на Юпитер —
 Кто куда...
 А я?
     А я туда —
 Вновь
 В молодость,
                     в веспу,
                                     в любовь...—
 Все взглянули. Заметно смущение.
 — Возвращение?
 — Да, возвращение!
 Держу в руках желанный билет
 Туда,
     где не был уж столько лет...

2

Сказочный тот корабль могуч,
 Мчал он сквозь целые горы туч.
 И я летел,
 Куда хотел,
 Без робости
 В невесомости,
 У планет на виду,
 Со звезды на звезду,

В дали далекие,
В выси высокие!..
Может, это небыль?
Может, это снится?
Земли и неба
Где граница?
Хлопок белый,
Хлеб спелый...
Мчит сквозь лес
Паровоз бойко,
Дальше ГРЭС,
Новостройка...
В высоту вознесение,
Изменение...
Металл плавят,
Труд славят...
Стальные опоры, провода,
Ласточек череда...
Пастбища, стены,
Трав великолепье...
Неустанно
Меняются страны,
Земли, воды,
Годы...

3

Пятьдесят мне минуло, но
Одного я желал давно,—
Молодость снова вернуть,
Вот он — желанный путь...
Обветренный веками
На перекрестке с надписью камень:
Налево — Смерть,
Гнет — направо.

Молодости сметь
Дано право...
Но Старость не отставала,
Упорно меня нагоняла.
Смерть следила за каждым шагом,
Гнет со Смертью ходили рядом.
Молодость пока
Спрашивала издалека:
— Кто ты?
— Пленник твоей мечты,
Твоей красоты.
— Ты уже седой?
— Сердцем я еще молодой!
Полон я,
        как и ты, огня,
Разве ты не узнала меня?
Разве путь мой тебе неведом? —
...Старость шла следом,
В ней еще надежда жила.
Гнет нервничал.
        Смерть ждала.

4

Эй,
        душа моя,
        гордой будь
В своей главной сути!
И о выдержке не забудь
На распутье...
Вдруг
        не будет так, как хочу,—
В страну молодости
        ворота

Не откроются?

Горы я сворочу,—
Не пугает меня работа!
Пока я живу,
Молодость зову!
Молодость — счастье,
Во всем участие,
Она чудеса,
Моря и леса,
Звезд кружение,
Гор крушение —

волей мечты,

властью мечты.

Без мечты

творчества нет!

Жизни нет!

Мечта — крылья уму...

С нее начинается потому

Стиха сотворение,

Света распространение,

С нее пошло

Даже ГОЭЛРО!..

Был великий Ленин мечтателем тоже!

Уэллса тревожа,

Историю итожа,

Жила она, сила та,

Человека

в космос отправившая,

На Луну

доставившая,

Мечта!

Мечта!

Только

успев вздохнуть,

Преодолеть

Млечный Путь,

Ворчали:

— Жизнь отниму! Не спрячешься!

— В муки отдам! Наплачешься!

— К цели своей не дойдешь!

— Молодость не вернешь! —

Вперед устремляясь, назад я взглянул,

Словно время вспять повернул,

Плыву рекою мечты,

Вокруг берега круты.

И снова всплывают в памяти

В тот же самый момент,—

Из белого камня памятник,

Из черного — монумент.

Сверкает бронза литая,

Святая...

Люди встают прекрасные,

Чистые, ясные,

Жизни свои отдавшие,

В битвах жестоких павшие.

И я всем обелискам

Кланяюсь низко-низко...

Гнет беззастенчив.

Смерть жадна.

Но продолжает Молодость бой,—

В битву по-прежнему она

Нас ведет за собой...

7

Памятники стоят рядами.

Годы идут за годами.

Годы ушли.

Я остался

И чуда дождался:

Зашевелились,

вдохнули,

Головы повернули...

Узнал одного —

в глазах печаль,

Смотрит куда-то вдаль...

Убитый белою бандой,

Замученный палачами,

То Абдулла из Коканда,

Корчагина однополчанин.

Тогда, когда палачи,

Тогда, когда басмачи,

Напутствуемые Чемберленом,

Зашевелились в ночи

И с гор покатился гул,

Эй, Смерть,

тыдохнула тленом!

Эй, Гнет,

тыкамень швырнул!

Ушел молодым Абдулла Набиев...

Вы,

выего убили!

Вздروгнули детские плечи,

Морозов обрел дар речи:

— Я жив!

Ясчастлив счастьем твоим! —

Но выросла Смерть за ним.

Сказала: — Нет!

Тынашел свой конец.

Лишил тебя жизни отец!

Ты умер давно,

тыдавно отгорел! —

...Я словно на тысячу лет постарел.

Памятники снова вздохнули,

Что-то шепнули...

Тихий раздался стон —

Нурхон!

Девушка-узбечка,

Мужественное сердечко!

Искусства улыбку,

Любовь,

Плач

Не пощадил палач!

В груди не цветок — а нож,

По телу — дрожь!

Эй, Гюльсары,

Гульчехры,

С лицами как цветы,

Отзовитесь из темноты!

Разве может такое быть —

Брат брата убить?

Сын — отца,

а отец — сына,

Или дочь,

что кровью едина?

Кем подобный обычай рожден?

Кем из мрака освобожден?

Из каких далеких времен,

От каких забытых племен,

От каких пришел поколений

Он, достойнейший сожалений?

Не отвечают

Ни Адам,

Ни Ева,

Ни Каин,

Ни Авель,

Ни завоеватели,

держащие мир когтями,

Драконы,

полные гнева,

Не отвечают —

шахи,

эмиры

И народа кумиры.

Инцидент!
Кардиограмма...
Драма,
Волнение,
Столпотворение...
Собрались все медработники,
Накинулись,

как охотники...

Послышался клич,
Замкнулся круг,
Я — дичь,
Ястреб — хирург!
На сердце нацелился...
Отнять намерился?
Стукнуло сердце,
В груди дверца...
Жрец науки
Сердце мое берет в руки,
Какие муки!
Головой качает:
— Кинжала след? —
Все примечает
Через столько лет!
— Заменять,—

сказал,—

новым сердцем буду!..

— Новый цветок старому сосуду?..—

Весь сжался,
Стал бледен,
Не соглашался,
Возможно, бредил.
Как дуновение ветерка,
Голос любимой издалека:
— Нет!

Сердце свое дай!

Счастье мое дай!..—

В это вмешалась Смерть:
— Чем выяснять,
Лучше напасть,
жизнь отнять! —

Гнет

Все свое гнет:

— Просто смерти мало ему,
Лучше страхом его пройму!

Буду мучить мукой —

Разлукой...

До того его доведу,

Что заплачет у всех на виду!

Даже ночью он не заснет,

Ведь недаром зовусь я — Гнет!

Бесполезна со мной борьба,

Перед Гнетом

и Смерть слаба! —

Говорит ему Смерть: — погоди!

Моя речь еще впереди.

Что и кто ты?

Отродье гнуснейшее!

Убивать ты — не убиваешь.

И в покое не оставляешь.

Мое дело зато — вернейшее,

Я взяла —

и жизнь отняла! —

Отвечает ей Гнет с усмешкой:

— Зря гордишься такою спешкой.

Видел я недавно убитого,

После смерти славой повитого,

Он тебя совсем не боялся,

Умирая, в глаза смеялся!

А подверженный пыткам запомнит,

Свою душу болью заполнит,

И беспомощно, словно птица,

Он в тисках моих будет биться.

Будет ждать тебя, как избавленье,
Будет ждать, как свое спасенье...
Да,

я Гнет — вот таков,
У меня немало оков!
Пыткам я подвергаю,
В преисподнюю повергаю!
Я сгущаю над миром тучи,
Мои изгороди колючи,
Я Мусу Джалиля замучил!
Мучил я, не жалея,
Тельмана,

Галилея,

Лумумбу

и Прометей!..—

Распоясался Гнет на воле,
Собой доволен...

Вышла Молодость,

величественная,

могучая,

Сказала:

— Молчи уж лучше!

Прочь, негодяй!

Как хвалиться смеешь?

Какое право имеешь?

Из-за тебя на свете

Не видели радости дети,

Подростки весны своей не замечали,

О смерти мечтали!

Мечтали уйти скорей!

Книга ужасов —

муки концлагерей!

Ты Смерти хуже в тысячу раз!

Вон с моих глаз!

Не подходи!

Правый суд свершится!

Не только ты —
  меня Смерть боится! —
Гнет и Смерть попятнулись,
  оробели,
Но
        злоствовали,
  как умели:
— Жизнь отниму!
— Пыткой дойму! —
Камни мести
  за пазухи спрятали,
Ушли, проклятые...
Точно в ад провалились,
Скрылись...
Осталась Старость, заговорила,
Как могла, окрылила:
— Значит,
  и Гнета,
  и Смерти
  сердце твое миновало,
Это уже немало!
Температура тридцать шесть и шесть,
Что у нас еще есть?
Не плох мотор —
Осилит простор,
Болты механизма еще прочны,
Стрелки — точны,
Глаза — прожектор,
Мозг не ослаб,
Нервы — телеграф,
Голова — Верховный штаб.
Все вместе,
В общем, на месте.
Все настоящее
И сохранилось неплохо,
Хоть позади — эпоха...—

Вдруг
ворота настежь,
Шлагбаумы — настежь.
Вижу то, чем так дорожу,
Ради чего живу.
В Молодость я вхожу!
Перед глазами туман...
Правда это или обман?!

11

В страну Молодости
ступил радостно —
Снова родился,
Снова родился,
Обласканный светом,
С рассветом.
Кисти Пикассо —
на горизонте радуга...
У каждой девушки сорок одна
косичка...
Сердце влюбленного кричало,
В небе — гром,
на воде — волна...
Таким оно было, это начало!
Огни сверкали,
знамена реяли там,
На рассвете шум-гам...
Гремят всюду бубны,
Танцы танцовщиц чудны...
В домбры трам-там заиграли...
Сурнай, карнай...
Тысяча мелодий звучит,
Никто не молчит,
Музыка звонче,

Песня — громче...
Коврами радости устланы дороги,
Обиты пороги,—
Ступишь ногой,
Станешь другой,
Удивишься,
Развеселишься.
На улицах Молодости праздник,
Праздник!
Фейерверк
                            звезды на небе дразнит,
Праздник!
В стороне останешься разве?

Дорога —
Народу много...
Друг друга догоняли,
Обгоняли
Спешно,
На авто и пешие...
Альпинисты
Вершины брали,
Футболисты
В футбол играли,
Везде игра,
Такая пора.
Всюду — юг,
Цветет урюк.
Время года молодо,
Солнце над трибуной молодо,
Человечество молодо...
Непреклонна
Идет колонна...
В рядах передовые
Соколы огневые,
Ударники-молодцы,

Пятилетки бойцы,
Нации, племена,
Славные имена,
Счастья добытчики,
Мира защитники...
На площади — трое,
Три героя,
Три маяка,
Чья жизнь высока.
Из военных ночей,
От доменных печей,
Из олимпийских игр
Сила комсомола,
Широк их мир,
Труд — их школа!..
Фестиваль Молодости на крыше планеты.
Песни мира, дружбы заветы...
Молодость — в теме,
Молодость — в поэме...

12

Вдохновение,
потерпи,
Место спору пока уступи!
Вдруг
замкнулся загадочный круг,
Стало все сомнительным вокруг:
И работа моя
и борьба,
Биография и судьба...
Липимка пришла на меня,
И певзвидел я белого дня...
В день тысяча вестей,
Тысяча новостей...

Комиссия села,
Взялась за дело,
Видать, задело...
Чтоб снять навет —
Вопрос — ответ...
— Год рождения?
Происхождение?
— Что увидел, родившись, я?
То была земля Октября.
У России, матери мудрой,
Родилось

        в хорошее утро
Государство счастья народного,
Государство труда свободного,
Желанное,
Долгожданное,
Я родился в те самые годы,
В полюводье реки Свободы.
Из руин вставала страна,
Набирала силы она.
Думал Ленин о судьбах страны,
Мы тогда еще были бедны,—
Ни зерна, ни воды,
Недалеко и до беды...
Но в ряды мы вставали слитно,
Монолитно,
Как одна семья,
Встану и я...

— Профессия?

— Странник,

        в пути года,

В поисках всегда...

— Отца профессия?

— Строитель.

Людской хвалы достоин родитель,—
Вырастали из-под его руки
Города,

кишлаки...

След его как красная нитка:

Сторона родная,

потом Магнитка,

Днепра и Чирчика

электрические моря,

Комсомольск-на-Амуре!..

Прожил жизнь мой отец не зря,

Шел не зря он навстречу буре.

— Образование?

— Высшее.

Не кажусь себе

от этого выше я,

Но в данный момент

знания

Достойны внимания.

— Раса?

Нация?

— Что такое раса — не знаю я!

Нация моя — советская нация...

Безразличен для меня цвет кожи,

Впечатления подытожив,

Так скажут:

— Человечность от века

Украшение человека!

— Мировоззрение?

Убеждения?

— Лениннизм.

Не спрашивая разрешения,

Вынес решение,

Верный путь нашел,
По дороге правды пошел,
Сердцем чист...

— Звание?
— Коммунист.

— Были за границей?
— Знаком с французской столицей...
Видел Лондон,
Токио
и Рабат...

Видел тех,
кто душой горбат...
За караваном прахом развеявшихся,
В волнах пеною вспенившихся...
Видел Христосов новых,
На все готовых,
Пустоголовых...
Много видел обманов,
Видел молодых паркоманов,
Лишенных святыни,
Живущих, словно в пустыне,
Косматых,
Патлатых,
Истины не изведавших,
Под корень себя подрезавших...
Видел почти не живших,
Себя убивших.
Видел беззаботных,
Видел безработных...
Видел обидой горящих,
Камнями окна дробящих,
Видел борцов настоящих,
Манифестации,

Демонстрации...
Слышал чарльстон
И твист,
И стон,
И пули свист...

— Военнообязанный?

-- Рядовой в запасе,

Но врагам,

как и прежде,

опасен...

По призыву родины

готов явиться,

До победы биться!

Стены Бреста

кровью моей красны,

Бледны...

Орел,

Курск

отстоял

в огненном кольце,

Отсвет тот

на моем лице,

Как награда,

Потому не прячу лица...

Могила брата

у ворот Сталинграда,

У Даугавы —

могила отца...

Могилы,

могилы

на каждом шагу,

Могилы в цветах,

могилы в снегу...

В них братья,

как на одном одеяле,

Обнявшись, лежат...

Хотели встать они,
но не встали...
Рот мой сурово сжат...
Я проходил
грозным громом атак,
Я знамя свое
водрузил на рейхстаг,
Чтоб весне рукоплескало,
Чтобы солнце над ним сияло!
Гнет и Смерть отступили оба,
Не помогла им лютая злоба...
От первого выстрела
До бегства врага
Я с честью выстоял
В бою тогда!
Я выполнил долг!
Я вернулся в свой дом,
Себя испытывал в доле,
в пещере,
На мирной вахте,
В угольной шахте,
На хлопковом поле,
В горах,
в пустыне,
во льдах,
в лесах,
На земле и на небесах...
— Увлечение?
— Фотография!
— Влечение?
— Поэзия.
Весь ей отдаться рад я...
— Вина?
— Влюбленность одна...

Замирает душа,
Молодость — хороша!
Вокруг — послы,
                                дипломаты,

Солдаты,
Спортсмены,
Рекордсмены,
Ученые,
Просто влюбленные,
На губах приветы,
Уваженьем согреты...
Говорить мой черед,
Выхожу вперед,
Не робея,
Сказал:
— Жить долго,
                                молодея,—

Веков идеал...
Один цветы растит,
                                по Молодости тоскуя,
Другой не ценит
                                красу такую...

Иных же в царстве Гнета
Тревожит одна забота:
Спасения ищут
                                в том,
                                что уснут,

Надеясь,
                                что после их к жизни вернут,
Решают проблему разом,—
Страх смерти сильнее в них, чем разум...
Я же по-своему дело решил,
Я преждевременный саван не шил,
То быстро,
                                то мало-помалу

Шел от привала к привалу.
Нервы сдавали,
Преграды вставали,
Шутки в пути помогали...
Прибыл я
                    в Молодости страну,
Прибыл в весну...
В зале — оживление,
Удивление...
— Возвращение?
— Да! Возвращение!
Старость пыталась в ногу идти,
Но отстала в пути.
Смерть я на место поставил,
Гнет задрожать заставил...
— Видели Смерть в лицо?
— Нет, хотя и сжимала кольцо,
И был ее гнев велик...
— А Гнет?
— О, он многолик!
Многое можно сказать о нем...
Он и сейчас за моим окном.
Я знаю — он меня видит,
Он меня слышит,
Он меня ненавидит,
Как все, что живет и дышит!
Люб ему черный мрак,
Не устает он от драк,
С теми в ссоре и с теми,
Рушит дома и семьи,
Губит добро —
Такое его нутро.
Стреляет в прохожих,
На него похожих,
На него не похожих...
Он — в Индокитае ползучий,

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Сурков. О времени и об авторе этой книги</i>	3
<i>«Не печалься напрасной обидою...» Перевод С. Кузнецовой</i>	12

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ

СЕРДЦЕ НЕ СПИТ

<i>Солнце земли. Перевод А. Наумова</i>	15
<i>«О сердце!...» Перевод С. Кузнецовой</i>	17
<i>«Еще ласково светятся звезды...» Перевод С. Кузнецовой</i>	18
<i>Сон. Перевод С. Северцева</i>	19
<i>Зимнее утро. Перевод Ф. Губера</i>	20
<i>1941. Перевод С. Северцева</i>	21
<i>Письмо с фронта. Перевод С. Кузнецовой</i>	22
<i>Ленинграду. Перевод Я. Хелемского</i>	24
<i>Юность. Перевод С. Северцева</i>	25
<i>Альбом. Перевод С. Кузнецовой</i>	26
<i>«Ты для меня, родная, давно...» Перевод С. Кузнецовой</i>	27
<i>Говорят. Перевод С. Кузнецовой</i>	28
<i>Последнее письмо. Перевод А. Наумова</i>	29
<i>Весна. Перевод В. Липко</i>	30
<i>Ветер. Перевод А. Наумова</i>	31
<i>Нынче вечер такой. Перевод А. Наумова</i>	32
<i>«Вернется с войны любимый...» Перевод С. Кузнецовой</i>	33
<i>«Я прислушался к лесу...» Перевод С. Кузнецовой</i>	34
<i>«Каждой осенью тянет в дорогу...» Перевод А. Наумова</i>	35
<i>Наш сад. Перевод Я. Хелемского</i>	36
<i>«Я проснулся на белом рассвете...» Перевод А. Наумова</i>	37
<i>О счастье. Перевод В. Парфентьева</i>	40
<i>Первый день каникул. Перевод Д. Голубкова</i>	41

Тайна. Перевод С. Северцева	42
Звезда. Перевод С. Северцева	43
«Сидел всю ночь...» Перевод Ф. Губера	44
Дубулты. Перевод С. Кузнецовой	45
«К Балтике я подошел на рассвете...» Перевод С. Кузнецовой	46
Одиночество. Перевод С. Северцева	47
Моему лечащему врачу. Перевод С. Северцева	48
«Любовь граничит с безрассудной смелостью...» Перевод С. Северцева	49
Новогоднее. Перевод А. Наумова	50
«Перевидел людей я немало...» Перевод А. Нау- мова	51
«Не бросай, дорогая, насмешливый взгляд...» Перевод С. Северцева	52
«Ты одета легко...» Перевод С. Северцева	53
«Что мне сказать, дорогая?...» Перевод С. Куз- нецовой	54
Наргис и кукла. Перевод С. Северцева	55
Сердце не спит никогда. Перевод С. Северцева	56

ТВОИ ЦВЕТЫ

«Весна ли тебя опьянила...» Перевод С. Кузне- цовой	57
«Будь ко мне справедлива...» Перевод С. Куз- нецовой	58
«Тихо-тихо дышишь ты во сне...» Перевод С. Северцева	59
«Когда надо мной замерла ты...» Перевод С. Се- верцева	60
Сыну. Перевод А. Наумова	61
«Я слушаю таинственное пенье...» Перевод А. Нау- мова	63
«У юноши солнце пылает в груди...» Перевод С. Северцева	64
«— О, скажи: ты любишь?...» Перевод С. Северцева	65
«Порою мучаюсь...» Перевод С. Северцева	66
«Мне твердят...» Перевод А. Наумова	67
«Под вечер девушки ушли...» Перевод С. Северцева	68
«Ах, только юности не изменяй...» Перевод С. Се- верцева	69
«Что делать?...» Перевод С. Северцева	70
«О звезды, не светите...» Перевод С. Северцева	71
Дочери, которой семнадцать. Перевод А. Наумова	72
«Был юноша влюблен...» Перевод С. Северцева	74

«Хочешь — добуду лупу с высоты...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	75
«О любимая, смехом дарь» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	76
Новое. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	77
Берегите женщин. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	79
ВРЕМЯ РАВНЕНИЯ	
Алмаз. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	82
Доволен был бы... <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	83
Белая береза. <i>Перевод С. Северцева</i>	85
Девушкам, отправляющимся по грибы. <i>Перевод С. Северцева</i>	86
«Не хочу с такой встречаться...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	87
Баллада о моем старом друге. <i>Перевод С. Северцева</i>	88
Смотри на звезду... <i>Перевод С. Северцева</i>	93
В гостях. <i>Перевод В. Рождественского</i>	94
«Если в чувствах твоих...» <i>Перевод С. Северцева</i>	96
Сердце и разум. <i>Перевод Л. Халифа</i>	97
Я не грустен. <i>Перевод А. Наумова</i>	101
Смешно и горько мне. <i>Перевод С. Северцева</i>	102
Родник. <i>Перевод С. Северцева</i>	103
«Пусть критик, точно лев...» <i>Перевод А. Наумова</i>	104
На смерть Айбека. <i>Перевод С. Северцева</i>	105
Первый снег. <i>Перевод С. Северцева</i>	107
Пью до дна — и клянусь. <i>Перевод А. Наумова</i>	112
Имя дочери. <i>Перевод А. Наумова</i>	117
«Я не считал своих счастливых дней...» <i>Перевод А. Наумова</i>	119
«Фото детства...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	120
Стихи о болезни Сурайи. <i>Перевод А. Наумова</i>	121
Сонет. <i>Перевод А. Наумова</i>	122
14 ноября. <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	123
К чему же эти черные очки? <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	127
«Не говори, что молодость прошла...» <i>Перевод С. Кузнецовой</i>	128
НОВЫЕ РУБАИ. Перевод Н. Грибачева и С. Северцева	130
ИЗ «КРЫМСКОЙ ТЕТРАДИ»	
Скала. <i>Перевод С. Северцева</i>	161
Я вышел к морю... <i>Перевод С. Северцева</i>	162

Бахчисарайский фонтан. Перевод С. Северцева	163
Вспоминая тебя. Перевод С. Северцева	164
Па взморье. Перевод С. Северцева	165
«Я жду...» Перевод С. Северцева	166
Помнишь прошлое лето?.. Перевод С. Северцева	167
Без тебя. Перевод С. Северцева	168
Когда цвели кипарисы. Перевод С. Северцева . .	169
Ялтинские вечера. Перевод С. Северцева	171
Айвазовскому. Перевод С. Северцева	173
Кипарис. Перевод С. Северцева	175
Я не нашел его... Перевод С. Северцева	176
«Два дерева в степи...» Перевод С. Северцева . .	178

ПУТЬ ВРЕМЕНИ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

России-матери. Перевод С. Северцева	181
22 апреля. Перевод М. Светлова	184
Думы о труде. Перевод С. Северцева	185
Бокал. Перевод С. Северцева	187
Путь. Перевод А. Наумова	188
Застольная. Перевод А. Наумова	190
Жизнь вечна. Перевод А. Наумова	191
Другу-художнику. Перевод С. Кузнецовой	196
Прославляю тебя. Перевод С. Кузнецовой	199
Баллада о трех героях. Перевод С. Кузнецовой	202
Сердце, к битве готовься снова. Перевод С. Куз- нецовой	208

ГОДЫ — НАГРАДЫ

«Нет! Я не требую...» Перевод С. Кузнецовой . .	212
«Сады парчю разукрасить рада...» Перевод С. Кузнецовой	213
Новая страница летописи. Перевод С. Кузнецовой	214
Вечер на стройке. Перевод С. Северцева	216
Слово о Москве. Перевод А. Наумова	217
В степи. Перевод А. Ойслендера	219
Арал. Перевод Я. Хелемского	220
В метро. Перевод Я. Козловского	222
Второе рождение. Перевод С. Липкина	223
Спокойной ночи. Перевод С. Кузнецовой	225
Ташкент. Перевод Я. Хелемского	226
Мы сеем хлопок. Перевод Я. Хелемского	228
Октябрьский день. Перевод А. Наумова	229
Золотая долина. Перевод Я. Хелемского	230

Украине. Перевод С. Кузнецовой	232
Караван. Перевод А. Наумова	234
Ташкентский фонтан. Перевод С. Северцева	235
Голос народа. Перевод С. Кузнецовой	237
Мое грядущее. Перевод В. Парфентьева	239
Поля. Перевод С. Кузнецовой	240
«Скорей хотел я в детстве...» Перевод С. Кузнецовой	241
Почные строки. Перевод А. Наумова	242
Слово. Перевод С. Кузнецовой	244
«Я странствовал...» Перевод А. Наумова	247

Я — АЗИАТ

Легенда о Мирзачуле. Перевод Д. Голубкова	248
Два континента встретились. Перевод С. Северцева	253
Геолог. Перевод С. Северцева	254
Да, я — азиат. Перевод С. Северцева	256
Баллада о сердце Лумумбы. Перевод С. Северцева	261

С В Е Т   И   Т Е Н Ь

ИЗ ЦИКЛА «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»

На границе. Перевод С. Северцева	265
Будапешт. Перевод А. Ойслендера	267
Тост дружбы. Перевод Д. Седых	269
Памятник свободы. Перевод С. Северцева	271
Токай. Перевод С. Северцева	272
Венок. Перевод В. Парфентьева	274
Венгерское море. Перевод С. Северцева	275
Шандор Петефи. Перевод В. Парфентьева	276
Чинара. Перевод С. Северцева	277
Бетховен. Перевод А. Ойслендера	279
Ночь на реке. Перевод С. Северцева	280
Сумерки Дуная. Перевод С. Северцева	282
Встреча с песней. Перевод С. Северцева	284
Баллада о смерти коммуниста. Перевод С. Северцева	285
В доме поэта Мадараса. Перевод Д. Голубкова	288

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Волны. Перевод С. Северцева	290
Перед рассветом. Перевод С. Северцева	291
Слепой скрипач. Перевод С. Северцева	293

Северянка. Перевод С. Северцева	294
Под плакучими ивами. Перевод С. Северцева . .	296
Призрак. Перевод С. Северцева	297
Лондон. Перевод А. Наумова	299
Монолог Оскара Уайльда. Перевод С. Северцева	302
Священная стена. Перевод С. Северцева	304
Лицом к лицу. Перевод С. Северцева	306
Ночной Париж. Перевод С. Северцева	308
Свет и тень. Перевод С. Северцева	310
В Атлантике. Перевод С. Северцева	311
Творец Интернационала. Перевод А. Наумова . .	312

ИНДИЙСКИЕ НАПЕВЫ

«Звучат в вечерней мгле...» Перевод С. Северцева	315
Индийскому мальчику. Перевод С. Северцева . .	316
Мост. Перевод С. Северцева	317
Любовь сильна. Перевод С. Северцева	318
Мать-Индия. Перевод А. Наумова	319

П О Э М Ы

Встреча с дедом. Перевод А. Передрева	341
Живая вода. Перевод Н. Грибачева	367
Диалог. Перевод С. Кузнецовой	410

Б12   **Бабаджан Рамз.**
Избранное. Стихотворения и
поэмы. Пер. с узб. Вступит. статья
А. Суркова. М., «Худож. лит.», 1976.

448 с.

Со страниц настоящего сборника известного узбекского поэта Рамза Бабаджана встают красочные картины цветущих, залитых щедрым солнцем долин Узбекистана, живые образы ферганских хлопкоробов и чабанов, мудрых стариков-сказителей, веселых, жизнерадостных девушек, собирающих айву и гранаты в осенних садах.

Поэт много путешествовал. Его стихи о зарубежных поездках переносят нас то в Лондон, то в шумную, пеструю гавань Бомбея. И везде автор выхватывает и описывает яркие характерные сценки из современной жизни.

Б 70403-361 111-76
028(01)-76

С(Узб)2

Рамз Бабаджан

ИЗБРАННОЕ

Редактор

Г. Ф а л ь к

Художественный редактор

В. Г о р я ч е в

Технический редактор

Г. Л ы с е н к о в а

Корректоры

Г. Г а н а п о л ь с к а я

и Т. Л е в и н а

ИБ 165

Сдано в набор 26/II 1976 г. Подпи-
сано в печать 8/IX 1976 г. Бумага
типогр. № 1. Формат 70×90¹/₃₂.
14,0 печ. л. 16,338 усл. печ. л.
15,544 + 1 вкл. = 15,568 уч.-изд. л.
Заказ № 1042. Тираж 25 000 экз.
Цена 1 р. 72 к.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень»
РПО «Поліграфкнига» Госкомиз-
дата УССР. Киев, Артема, 23а.